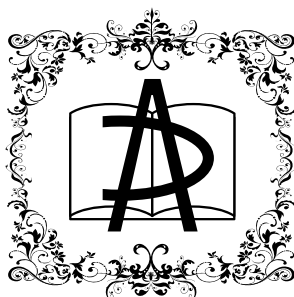
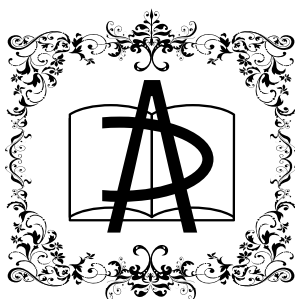

ДЕВИН

АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ

№2(7)/2018

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

Дорогие читатели,

«В мире есть чудесное средство взаимопонимания. Это — искусство. Это — также литература». Я начинаю свое обращение к вам именно с этих слов всемирно известного русского писателя Александра Солженицына не случайно. Дело в том, что этой осенью рабочие командировки занесли меня во множество городов обширной русской земли: и туда, где встает солнце, — во Владивосток, и туда, где растут арбузы и производится чёрная икра, — в Астрахань, и туда, где в 1916 году появился первый на Урале университет, — в Пермь. Каждый раз мы привозили туда с собой частицу многогранной, богатой, оригинальной словацкой культуры, которую повсюду принимали с любовью и пониманием, ибо она открывала людские души и сердца. Действительно, искусство, как и литература, — чудесное средство взаимопонимания!

Уверен, что и альманах «Девин», седьмой выпуск которого вы держите в руках, является таким же средством взаимопонимания и знакомства со словацкой культурой и литературой.

Этот год в Словакии проходит под знаком множества юбилеев. Само собой, мы тоже не могли о них не вспомнить. На страницах альманаха мы расскажем вам о «Хронологии событий, приведших к образованию Чехословакии» в октябре 1918 года, о трагическом 1968 годе и его отражении в словацкой литературе. Помимо традиционных рубрик, значительное место в альманахе отведено стихам словацких поэтов в рубрике «Праздник современной словацкой поэзии». Вы познакомитесь с произведениями как известных, так и молодых поэтов (Ян Бузаши, Любомир Фелдек, Ярослав Резник, Мила Гаугова, Ян Замбор, Яна Боднарова, Дана Подрацка, Юрай Куниак, Теодор Крижка, Мария Ференчухова). По случаю 190-летия со дня рождения Павола Добшинского (16 марта 1828 года) мы напомним вам о его сказочном мире и магии его слова.

Как видите, то есть — прошу прощения — читаете, вам есть из чего выбирать — предложений много, выбор пестрый и богатый! Поэтому я очень надеюсь, что новый выпуск альманаха «Девин» обогатит вашу библиотеку в рабочем кабинете или у вас дома. Ведь не зря говорят, что комната без книг — как тело без души.

Желаю вам приятного чтения, друзья!

*Ян Шмигула
директор Словацкого института в Москве
советник по культуре*

*Москва, ноябрь 2018
(перевод Анны Песковой)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур. <i>Замечание</i> (перевод Наталии Шведовой)	8
<i>Протесты и жалобы славян</i> (перевод Наталии Шведовой)	9
Людовит Штур. <i>Славянство и мир будущего</i> (продолжение, перевод Владимира Ламанского)	16

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Йозеф Милослав Гурбан. <i>Вилиам Паулини-Тот</i> <i>и его время</i> (перевод Анны Песковой)	24
--	----

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Александр Матушка. <i>Штур</i> (перевод Дарьи Анисимовой)	27
Даниэла Кодайова. <i>Два послания Людовита Штура</i> (1-я часть, перевод Евгении Майоровой)	37
<i>Дом-музей Людовита Штура</i>	47

СЛОВАЦКАЯ КУЛЬТУРА

Спишский град	49
---------------------	----

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Алла Машкова. <i>Лев Толстой и Душан Маковицкий</i> (К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого)	52
--	----

ПРАЗДНИК СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ

<i>Ян Бузаши, Любомир Фелдек, Ярослав Резник, Мила Гаугова, Ян Замбор, Яна Боднарлова, Дана Подрацка, Юрай Куниак, Теодор Крижка, Мария Ференчухова (Перевод Наталии Шведовой, Дарьи Анисимовой, Ивана Белокрылова)</i>	80
--	----

<i>Анна Вальцера. Мемуары Ладислава Баллека (перевод Аллы Машковой)</i>	122
---	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

<i>Моника Компаникова. Отрывок из романа «Пятый корабль» (перевод Людмилы Широковой)</i>	132
--	-----

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

<i>Хронология событий, приведших к образованию Чехословацкой республики (перевод Людмилы Широковой)</i>	143
---	-----

<i>Людмила Широкова. 1968 год в зеркале словацкой литературы</i>	146
--	-----

ВСПОМИНАЕМ...

<i>Сказочный мир Павола Добшинского 190 лет со дня рождения</i>	156
---	-----

<i>Яна Пацалова. Маг слова Павол Добшинский. (перевод Аллы Машковой)</i>	158
--	-----

<i>Первый печатный сборник словацких сказок... (перевод Анастасии Быриной)</i>	162
--	-----

<i>Сказка Павола Добшинского «Длинный нос»</i>	163
--	-----

<i>«...Жизнь живет только ради человека...» Иван Краско: 60 лет со дня смерти</i>	171
---	-----

<i>Ян Замбор. Контуры поэзии Ивана Краско. (перевод Наталии Шведовой)</i>	172
---	-----

<i>Стихотворения Ивана Краско в переводах</i> А. Ахматовой и Е. Курсаковой	183
ХРОНИКА	
<i>Памяти Петера Криштуфeka</i>	186
<i>Владимира Гагерова. Возвращением в прошлое</i> <i>Петер Криштуфек сделал ценный подарок нашему</i> <i>будущему (перевод Анны Песковой)</i>	188
<i>Петер Криштуфек: Не нужно страдать по поводу</i> <i>всякой ерунды (интервью). Перевод Анны Песковой</i>	192
<i>Евгения Майорова. На заседании Общества</i> <i>Людовита Штура</i>	197
О нас пишут...	200

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур

Замечание

К былым событиям в минуту злую
так часто, братья, мысль моя бежала,
от дел сегодняшних спеша, тоскуя,
еще сильнее льнула к ним, дрожала;
и с новым старое сливалось воедино,
и руки их сплелись для трепетного сына.

Одна звезда нам, как и им, блистала,
одна вела нас к миру дорогому,
но всё вдруг жалким и убогим стало,
надежды и мечты толкнув к излому;
тот мир, который в грезах нам являлся,
как и в былом, невидим оказался.

Но ненадолго рушились мечтанья,
и явится звезда, опять блистая,
и светлый день из мглы для нас восстанет,
и убежит с пути несчастий стая;
вдруг выйдет солнце, тучами оплавав:
была ночь, утро, будет день словаков.

1850

Перевод Наталии Шведовой

ПРОТЕСТЫ И ЖАЛОБЫ СЛАВЯН

Граф Ян Майлат, прославленный перед ученым миром своими историческими произведениями, опубликовал в начале этого года в «Национальной газете» («Nemzeti Ujság») статью под названием «Патриотизм и национальность», в которой непредвзято и беспристрастно, подобного чему нет в венгерских журналах, анализирует языковую ситуацию в Венгрии, вводит венгров в соответствующие рамки и заканчивает призывом ко всем невенгерским жителям страны, чтобы они как можно подробнее рассказали обществу об обстоятельствах, которые они ощущают как вредные для себя.

Мы считали своей обязанностью ответить на этот призыв, касающийся прежде всего нас, славян, тем более что он явно основан на благородном намерении познакомить общество с нашими претензиями, чтобы на предстоящем сейме, если они окажутся обоснованными, удовлетворить их, чтобы устранить любую противоправность и избежать будущих обид. Благородный граф относится к числу тех патриотов, которые — возвысившись над мелочным национальным самолюбием и не будучи ослепленные национальными предрассудками — отдают свой голос за священное право и борются с несправедливостью, на чьей бы стороне она ни была. Следовательно, ему и всем мыслящим мы адресуем, прежде всего, свои слова в этой статье, задача которой — показать, как мы, славяне,

чувствуем себя в Венгрии обиженными и обделенными в своих священных и неотъемлемых правах.

Каждая нация находится в теснейшей связи со своим языком. В нем, как в первом продукте теоретического духа, отражается нация; язык, следовательно, является надежнейшим знаком сущности и самобытности каждой нации. Нация, точно так же, как и отдельный человек, проявляет в языке глубины своего внутреннего содержания, в языке, так сказать, воплощает свой дух; этот внешний вид точно соответствует внутреннему содержанию нации на всех ступенях ее развития, в языке и с языком развивается дух нации как в наиболее соответствующей ей форме: они взаимно зависимы, и одна без другого, следовательно, не могут существовать.

Поскольку внутреннее содержание нации сосредоточено в его внешней форме, и она ему соответствует, само собой разумеется, что каждый может горячо молиться только на своем родном языке, каждый лишь в нем проявляет восторг своего сердца в песне, ибо песни на чужом языке, даже если они ему понятны, все-таки не могут правильно выразить движения его мысли и состояние души. Какое впечатление оставляет родной язык, думаю, чувствует и знает каждый; доказательством этого может послужить пример, который мы приведем из области уже далекого от нас классического мира.

Было это в походе на Трою, когда греки раненого героя Филоктета, поскольку они уже не могли выдержать его жалобы и, кроме того, считали рану опасной и беспокоились о своем здоровье, высадили на остров Лемнос, тогда еще пустой. Девять лет — так рассказывают древние — провел на этом пустом острове благородный покинутый герой, и лишь десятый год послал в его мрачные дни радостный луч. Дело в том, что греки, изнемогая при осаде Трои и всё еще не видя никакого счастливого исхода, вспомнили, наконец, о своем герое и друге, оставленном на пустом острове, а также и о стрелах Геракла, которые были у него с собой и без которых — как предсказал оракул — невозможно было завоевать Трою. Тогда в путь к нему пустился Неоптолем, сын Ахилла, с его давнишним врагом, божественным Одиссеем. Покинутый герой еще издали заметил корабль, а когда после брошенного якоря увидел, как на берег выходят моряки в греческой одежде, поспешил им навстречу, пусть и прихрамывая, потому что рана его еще не зажила. «Я вижу вас в греческой одежде, дорогие путешественники, — воскликнул он, — вы действительно греки?» А когда он услышал, как Неоптолем отвечает по-гречески, он вскричал от радости: «О милые голоса Греции! Как восхитительно, как сладко вы снова звучите для моих ушей!» И давно не испытанная радость вызвала слезы в его утомленных глазах. Поистине прекрасная, великолепная сцена!

Этой тесной связью внутреннего содержания нации с языком как его внешним выражением можно далее объяснить, что дух и гений никогда не

отдалялись от своей нации, поскольку на чужом языке они не могли в совершенстве выразить свой внутренний мир. Так, Фукидид, и Еврипид, и т.д. могли быть тем, чем они были, лишь на греческом языке, Корнель, Расин, Тьер — лишь на французском, а Шиллер и Гете — лишь на немецком. Если кто-то оторвался от своей нации, она от этого не пострадала, ибо не потеряла в нем ни мудрую голову, ни большой талант.

Так можно легко объяснить и то, что тот, кто был без определенного родного языка и в своем детстве учил сразу несколько языков, никогда не приуспеет и не будет иметь твердого характера: он непостоянен и изменчив, потому что ни один язык не действовал глубоко на его разум и его сердце. Он не может в совершенстве выразить себя ни на одном языке; этот недостаток означает, что разум как следует не развился, а в силу недостаточного словарного запаса и не мог этого сделать, ведь без помощи слов невозможно думать. Однако то, что относится к индивидууму, можно распространить и на целую нацию. Внутреннее содержание нации проявляется посредством ее языка, а он богат главным образом такими формами, из такой духовной и жизненной области, которые соответствуют его внутреннему содержанию, что следует понимать так, что при иной сущности нации и ее язык был бы иным, и наоборот, иначе организованный язык давал бы возможность судить о другой сущности нации, и его духовная деятельность была бы в точном соединении с ним. Мы бы зашли слишком далеко, если бы хотели исчерпать этот предмет, на это был бы

нужен особый долгий разговор, а потому ограничимся здесь примерами из немецкого и французского. Известно, что французская нация имеет особую склонность к общительности, благодаря этой склонности и ее язык особенно богат понятиями и соответствующими выражениями для различных общественных отношений, и в большей или меньшей степени эта часть ее языка перешла и в языки большинства европейских наций, это доказывает, что общественная жизнь не достигла еще у них такой высокой ступени, как у французов. Средоточием и вершиной общественной жизни является государство (*l'état*) — с этим понятием в венгерском языке не перекрывается ни «*birodalom*», ни «*ország*». Поэтому французский изобилует такими словами, которые означают государственные отношения, и среди них много таких, которые существуют только во французском. Для доказательства достаточно нескольких примеров. Так, к первой группе относятся: *salle, salon, compagnon, compagnie, communauté, négoce, trafic, intrigue, comptoir, marque, accorder, raconter, récit, pouparler, raisonner, plaidoyer, haranguer* и т.д., ко второй: *l'état, souveraineté, suzeraineté, ambassadeur, légat, agent, négociant, délégué, ministrerésident, attaché, ministère, parti* и т.д. Продуктом общественной жизни является ораторское искусство, которое расцветает там, где ему помогает язык. В самом деле, во французском парламенте есть знаменитые ораторы, которые красноречием превосходят всех ораторов европейских народов, например Беррье, Тьер, Ламартин, Гизо, Одилон Барро и др. В Германии также есть парламенты, но

все же мы не знаем ни одного выдающегося оратора, хотя парламентов достаточно. Я сам имел счастье слушать немецких ораторов в храмах и в университетах, но должен искренне признать, что мое внимание никогда не привлекало само изложение, но лишь излагаемая тема, тщательно освоенная и глубоко продуманная. Глубиной мышления немецкая нация превосходит все остальные, и потому она более всего способна понять развитие духа и сущность вещей. Эта внутренняя сущность нации отражается и в ее языке; мы лучше всего убедимся в этом, если обратим внимание на выражения, которые этот язык использует для обозначения этих внутренних отношений, таких как: *die Sacheergründen, erfassen, erörtern, sich in die Sachevertiefen, versenken, auf die Sacheinzugehen* и т.д. Немецкий язык точно различает разные моменты духа, как *Geist, Seele*, и к нему относятся слова: *Bewusstsein, Selbstbewusstsein, Gewissen*, понятия, которые между собой совершенно различаются. Иначе обстоит дело во французском, где при выражениях *Bewusstsein* и *Gewissen* используется одно и то же слово *conscience*, что является большим недостатком. Кто-нибудь мог бы возразить, что подобные выражения нашлись бы и в других языках, например в венгерском; конечно, ответим мы, но это переводы с немецкого. Выражение *Gemüth* принадлежит немецкому языку, и ни англичанин — чьи *mind* и *soul* этого не обозначают, — ни француз, ни какой-либо другой европейский народ не способны его выразить, потому что у всех этих народов отсутствует определенное внутреннее состояние, из которого рождается

Gemüth. Понятие Gemüth, однако, самым тесным образом связано с тихим образом размышления, и у немцев мы не видим, даже во всей их истории, той внезапной вспышки, какую мы наблюдаем у других народов. Ни у одного европейского народа в наше время нет языка, который был бы так пригоден для изучения философии, как немецкий, и немцы могут этим по праву гордиться. Абстрактная философия — украшение и драгоценнейшее сокровище немецкого духа, а соответствующий ему язык — словно порождение этой направленности духа. У римского народа не было философии в этом смысле, ведь и его язык не был к этому приспособлен, в чем мы убеждаемся при ближайшем рассмотрении схоластической философии. Схоластики, на которых ни в коем случае мы не можем смотреть презрительно, подобно некоторым невеждам, ковали — чтобы хоть как-нибудь выразить свои мысли — новые латинские слова, которые мы называем варварскими, какими они и являются, но свидетельствуют о духовном стремлении и одновременно доказывают, что латынь для этого духовного развития не годится. Лишь только при Реформации немецкий дух мощно пробудился и воодушевился, латынь отошла в сторону, поскольку уже не отвечала требованиям духовной деятельности, и философия также перенеслась из узких границ латыни на широкое поле немецкого языка, что означало ее расцвет. — В такой тесной связи находится язык с внутренним содержанием нации и каждого человека.

Язык — особый вид мировоззрения каждой нации, и чем эта нация совершеннее, духовно богаче, тем совершен-

нее и его мировоззрение, выраженное в языке. Мы не можем исчерпывающе развить эту богатую тему, ибо, если бы мы хотели затронуть лишь некоторые ее части, нам бы понадобился для этого обширный трактат, а потому мы только напомним, что более совершенный и богатый язык указывает на более совершенный и сильный национальный дух. Те нации, язык которых превосходит в этом смысле другие нации, выделялись в истории не только своей силой, но и тем, что определяли человечность и удерживали гегемонию над миром. Это так называемые индоевропейские народы, к которым в Азии относятся индийцы, афганцы и персы, а в Европе — греки, римляне, галлы, немцы и славяне. Языки всех этих народов исходят из единого источника; незачем здесь доказывать это, ведь среди ученых этот вопрос был давно решен и между ними нет об этом ни малейшего сомнения. А разве не индийцы и персы были чрезвычайно сильны в Азии? Или не греки, римляне, галлы и немцы властвовали над Европой, а при посредстве Европы — над миром? Эти народы были до сих пор, так сказать, солнцем нашей земли, свет которого освещал и остальные народы, что кружили вокруг него и согревались в его добродушных лучах. Они поистине аристократы человечества в благородном смысле! Кто, таким образом, воспринимает один язык как другой, кто ошибочно полагает, что все они одинаковы, и не заботится о том, какой язык использует народ, тот в этой области необразован, что бы он там ни выдумывал о своем образовании. Чем народ беднее духовно, тем будет беднее и его язык, как и наоборот: бедность

языка — доказательство духовной бедности народа. Языкознание пережило в нашем веке такой великий прогресс, что тот, кто не прошел по его пути и не перелистал весьма усердно славные произведения Гримма, Боппа, Потта, Биндсейла, Гумбольдта, Сильвестра де Саси и Уилсона, поступил бы на самом деле мудро, если бы оставил мудрствования над языком, ибо в этом случае он не делает ничего иного, как снова молотит давно обмолоченную солому и бросает слова на ветер.

Язык, в свою очередь, является знаком *личности*, это означает, что нация говорит на своем языке, принадлежит сама себе, слушает свой собственный разум и в духовной области самостоятельна, это означает, что язык как внешнее выражение ее духа достаточен ей для развития ее человечности. Нация выстоит как нация лишь вместе с языком, без него она бы ею не была; если у нее есть особый язык, ее признают как нацию, и как таковой ей принадлежит право *сохранить определенное положение в мире*. Нация, которая утратит свой язык и сольется с чужой нацией, делом признается, что она не способна развиваться своим особым образом, что ее дух недостаточно силен для такого развития, и потому он вынужден раствориться в духе другой нации и в ее атрибуте, его языке; однако та нация, которая другой нации свой язык навязывает, говорит: *он якобы не был способен самостоятельно развиваться в человечности*. Так вымерли многие американские народы, когда европейцы добрались и до этого континента, и кажется нам, будто их мощное дыхание европейцев уничтожило. Сходным образом исчез-

ли многие финские народы, такие как меря и весь, в России, и мы бы даже не знали их названий, если бы их древнерусский историк Нестор не упомянул в своей летописи. Но если некая нация решится принуждать к отречению от собственного родного языка такую нацию, которая может духовно развиваться в рамках своего языка, это для нее жесточайшее оскорбление, ибо тем самым ей отказывают в праве самой разбираться в ее духовной сущности, а следовательно, в человечности и праве на ее самостоятельность среди ее близких. Поскольку нация, пока она сохраняет свою самостоятельность, — это ветвь человечества, но если она сольется в единое целое с другой нацией, она становится лишь жилкой, а потому каждая уважающая себя нация, если *это в ее власти*, несомненно, выберет лишь первое.

Из всего вышеприведенного следует, что нация, которая принуждает другую нацию к отречению от собственного родного языка, внушает ей такой внешний вид, который не отвечает ее внутреннему содержанию, навязывает ей мировоззрение, в котором она чувствует себя совершенно чужой, и пытается украсть у нее права ее личности, не давая ей духовно развиваться в собственном духе. Но всё это — духовная собственность, поэтому правомерно в каждой нации вспыхивает пламя гнева, если некая чуждая сила пытается украсть у нее духовное имущество, ибо владение языком священно, потому что дух — основа человечества. И всё это совершается с нами, славянами, когда мы слышим публичные речи о нашей необходимости омадьяриться. Но мы, хорошо сознавая свою

силу и свою способность к человеческому развитию, встаем против этого намерения и будем стоять против него, опираясь на свое справедливое право, и при защите своего духовного достоинства лучше всё стерпим, памятуя о том, что тот, кто свой дух как содержание человечества позволит топтать, — ка-leка и делается недостойным самостоятельности в национальной семье человечества. Пусть здесь никто не приводит доводы, которые объявляют наше омадьяривание неизбежным; ведь дух — сам по себе цель, и было бы страшным грехом использовать его как средство, а духовные ценности возвышеннее и священнее, чем все материальные. Утверждение, что нас нужно омадьярить, ясно говорит о том, что тем самым замышляется уничтожение нашего внутреннего содержания с помощью ничуть не соответствующего ему внешнего вида, навязать нашему духу такой образ мыслей, который ему попросту чужд; а при усилии мадьяризовать нас нам внушают, что мы неспособны развивать свой дух и в связи со своей национальной принадлежностью, недостойны занимать место среди остальных племен страны. И это, благородный господин граф, — наш первый и самый важный протест, поскольку принцип нашего неизбежного омадьяривания был уже так часто высказан и признан публично; это основное наше притеснение, потому что как принцип оно прилагается ко всему остальному. Вытекающие из него обиды, оговоры и очернительства надлежит считать его следствиями, и если мы хотим с ними покончить, мы должны высушить источник, из которого они проистекают, то есть нужно

публично и торжественно провозгласить, что омадьяривание славян не является необходимостью. Но было бы недостаточно и этого провозглашения, требуется и официально над этим работать, чтобы от этого не осталось ни малейшего следа, короче: венгерская нация должна полностью и необратимо на вечные времена отказаться от омадьяривания славян. Если этого не будет, причем в самой резкой форме, будут и дальше продолжаться все жалобы, доверие не будет усиливаться и желанный ангел покоя не вернется к нам. Прежде всего, нужно, чтобы будущий сейм и в этом отношении принял решение, принцип омадьяривания осудил как бесправный, подлый и несправедливый и сделал упор главным образом на том, чтобы он никогда не мог возобновиться; лишь потом может наступить согласие между нами. Что касается нас, мы рады духовному пробуждению венгерского народа как своих ближних и сограждан, с которыми мы до сих пор делили радости и боли, с которыми мы вместе не раз своею кровью напивали отчужденную землю в войнах против грабительских варварских орд, мы желаем им добра на избранном пути и также признаем, что наиболее образованные представители нашего народа должны учить и знать венгерский язык, — насколько этого требует контакт с нашими согражданами или иные обстоятельства с собой приносят, — но мы совершенно не хотим употреблять его в нашей духовной жизни, ибо в нем мы не можем осуществить свое духовное развитие, а при своем духовном развитии мы хотим использовать лишь свой родной язык, как унаследованную от отцов священ-

ную реликвию, и никогда от него не отречемся, твердо уверенные, что нация наша не погибнет и погибнуть не может, но что и он после многих бурных дней в великолепном расцвете выйдет на сцену человечества и займет почетное место на нашей родине. Не откажи нам, Великий Боже, в помощи своей!

А если бы кто-то и хотел отречься от своего родного языка, на котором давно усопшие отцы обращаются к своему позднему потомству, который переходил от поколения к поколению как священное наследство, на котором каждая нация поет

и рассказывает о своей жизни и своих деяниях, завещающая их своим потомкам? Кто же хотел бы отречься от того языка, на котором каждый возносится к Богу, на котором он совершеннейший дух прославляет, на котором радуется своему бытию? О нет, от того мы не отречемся, и в нашем сердце живет успокаивающая надежда, что венгерская нация признает святость наших устремлений и пробьет час примирения. Ведь мы уже слышим голос примирения из уст графа Штефана Сечени и из ваших уст, благородный господин граф.

Перевод Натальи Шведовой

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО

(продолжение)

Но для возрождения нашего, для занятия нами места во Всемирной Истории, согласно с нашими силами и дарованиями, мы должны раз и навсегда освободиться от невыносимого чужого ига и приобрести себе государственную самостоятельность; ибо у народа, состоящего в рабстве, связаны руки, дух его подавлен, и он всегда подвергается опасности рано или поздно погибнуть. Сверх того, каждый народ, с утратой своей политической самостоятельности, теряет почёт, и тот, кто всегда служит другим, беспомощен и бессилен стряхнуть с себя иго, нисколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, как и независимые люди, могут рассчитывать на общественное признание и уважение; а, как самостоятельность, прежде всего, нужна большинству славянских племён, то для нас она вопрос национальный, дело первой, решительной важности. Нечего нам говорить, какого о нас мнения были другие народы, видя нас во всех краях в служебном отношении к иностранцам: немцам, мадьярам, туркам и итальянцам, не замечая в нас никакого стремления покончить с таким положением. Иначе должно стать, и станет в ближайшем будущем. Но каким образом завоевать нам себе самостоятельность, и как потом нам сложиться? По современному положению

нашему, для достижения этого есть тройкая возможность, и господствующие об этом мнения у славян следуют трём различным направлениям в пользу: 1) образования соединённых (федеративных) государств, 2) образования из Австрии средоточия для всех западных и южных славянских племён так, чтобы славянский элемент, как самый сильный в ней, поднятый до высшего государственного значения, существенно изменил это государство, или, наконец, 3) присоединения к России. Разберём же отдельно и беспристрастно все эти предположения и посмотрим, которое из них представляет наиболее вероятности успеха, наиболее обеспечивает благосостояние и развитие славян и открывает свободный ход Истории.

При речи о соединённых (федеративных) государствах, осуществляемых только в форме Республик, с самого начала надо ставить в стороне Россию и те племена, которые уже вошли в её состав, или правонародно признали её покровительство, или уже находятся под её влиянием в такой степени, что ни политически, ни национально не могут от него отстраниться, следовательно: большую часть Польши, так называемое, Царство Польское, Княжество Сербия, все славянские племена в Турции: болгар, славян в Боснии, Герцеговине, Албании и в Черногории.

Только безумец может вообразить, что есть хоть тень вероятия на утверждение Республиканского образа правления в России, и может быть ей благоприятен. Но чего Россия не допустит внутри своих пределов, тому она будет решительно препятствовать и в этих странах, подчинённых её влиянию. Если же исключить Россию и находящиеся под её влиянием земли, то получим: Чехию, Моравию, Лужицы, Силезию, Познань, область словаков в Северной Угрии, Галицию, словинцев в Крайне, Хорутании, Штирии, Истрии, Хорватию, Славонию и Далматию, Военную границу и Сербское Воеводство. При этом следует обратить внимание на внешние и внутренние обстоятельства тех земель и тех племён, на их взаимные отношения между собой и на их отношение к другим народам.

Все эти племена и земли находятся в зависимом положении и, таким образом, должны завоевать себе свободу, все они внутри разделены враждебными стихиями на два противоположных стана, поражены в своей деятельности и не обеспечены в своем дальнейшем развитии. Чехия, на свои три миллиона чехов, имеет более миллиона немцев; Моравия, на свои два миллиона славян, более полумиллиона немцев; Лужицы имеют только 142 000 славянских жителей, остальные онемечены; в Прусской и Австрийской Силезии на два с половиной миллиона жителей едва будет полтора миллиона славян, а множество немцев и евреев. Хотя область словаков вообще чиста, но зато чрезвычайно ослаблена извне идущим мадыарским влиянием и значительным числом своих отщепенцев. Славянское население Галиции, состоящее почти из четырёх

с половиной миллионов душ, разделяется на две враждебные стороны: русских и поляков. Это разделение, вследствие последнего переворота (1846), стало почти неизлечимым. Сверх того, Галиция была наводнена в последнее время немцами, и уже прежде евреями. Все эти обстоятельства почти совершенно парализуют ее деятельные силы. Славянское племя в Крайне, Хорутании, Штирии, Истрии, состоящее из одного миллиона двухсот тысяч душ, перемешано с немцами и итальянцами, в Хорватии и Славонии число славян не доходит до миллиона и, в городах особенно, не совершенно свободно от немцев и также не совсем независимо от мадыарского влияния. Далматия, со своим небольшим населением, около 400 000 душ, имеет много итальянцев в городах. Военная граница считает в своём миллионном населении немцев и румун. Сербское Воеводство в том виде, как оно теперь существует, плод нежной австрийской попечительности, в силу начала равноправности, благодаря его учредителям, немцами и мадыарами.

Притом надо также обращать внимание на то, что главнейшие города в землях славянских, где бы должна быть сосредоточена сила народонаселения, по большей части, хотя и не везде в одинаковом объёме, заняты инородцами; так, например, главные города Моравии, Берно (Брюн) и Оломуц, почти совершенно достались немцам; наконец, в Лужицах и в Силезии, где города совершенно немецкие, также в Хорутании, Штирии, Истрии и, как мы уже упоминали, в Далматии – итальянские. В чешской столице Праге также довольно много немцев;

в главном городе Познани число их почти ежедневно возрастает, благодаря усилиям прусского правительства; города словенские (словаков) также не совершенно от них свободны, и также не вовсе их чужды города Галиции, Крайны, Хорватии, Славонии, даже Воеводства. Эти иноземные пришельцы вредно действуют на нашу народную жизнь и деятельность, и не только положительным противодействием нашим стремлениям, но и страдательным к нему отношением, которое отымает у нас значительнейшую часть материальных средств, скопляемых в иностранные капиталы. Чешские немцы, во время последнего движения, намеревались примкнуть к Франкфурту, а Немцы в Праге, хотя и были обузданы как следует при Чешском движении, ничего, однако, не делали в бесполезное и бессмысленное, надо сказать правду, Июньское восстание. Немцы в Моравии, Силезии, Крайне, Хорутании, Штирии и даже отчасти Чехии посылали депутатов во Франкфуртский парламент, хотели привести наши племена совершенно под власть немцев. Моравские и Силезские немцы, по мере сил, преследовали каждого образованного славянина; лужичане и без того совершенно подпали немцам. Познанские немцы старались во всех отношениях вредить тамошнему польскому движению, хватаемых поляков оскорбляли и даже истязали. Немцы в Галиции восстанавливали русских против поляков, народ против дворянства. Немцы в Славонии и Воеводстве держали сторону мадьяр, точно так же и в области словаков. В Хорватии немцы в новейшее движение ещё укрепили народ хорватский в его бездейственно-

сти и сонливости, а итальянцы в Истрии и Далматии решительно противодействовали соединению Далматии с Хорватией. Что было причиной столь неправильного хода и столь неуспешного и печального окончания последних новейших движений в славянских австрийских землях? Кроме незрелости племён, главнейшая все-таки вина в этом отношении падает на разъедающую нашу народную жизнь чуждую стихию, и особенно на немцев.

Нельзя также оставлять без внимания и религиозного разнообразия этих племен. Хотя большинство их принадлежит к католицизму, однако и протестанство, а особенно Греко-славянская церковь, имеет очень много приверженцев. Все это стеснительно действует на их предприятия и даже немало поселяет между ними раздоров. В Чехии, кажется, под видом протестанства, намерено распространиться старое гуситство, хотя поныне это несколько не мешало развитию народности. В словенской земле забитую католическую часть населения возбуждали мадьярские двигатели против возникшего народного движения в населении протестантском. Русские в Галиции, хотя и присоединены к Унии, однако они не настоящие католики, и их религиозное отличие от поляков немало способствовало их взаимному ожесточению. Но вполне действительно разноверие у сербов; у них каждый буневац, или шокац, т.е. серб-католик, считается отщепенцем и изменником своей народности. В новейшее сербское движение, самое сильное из всех последних славянских движений (в Австрии), католические сербы или свирепствовали против своих земляков,

как пособники мадьяр, или, по крайности, равнодушно относились к народному движению.

Точно также надо принимать в уважение и разность степеней развития этих племен. У некоторых из них народная жизнь совершенно не может развиваться, и под нынешним политическим созвездием обречена на печальное прозябание. Меж всех этих славян национальные стремления чехов имели наиболее успеха, но их дворянство, за немногими почтенными исключениями, держится в стороне от народа, по большей части инородческое: оно стало аристократическим, в западном смысле, и почти пропало для славянства, ненавистно народу за грубое, грязное себялюбие. Что сделало оно для народа в новейшее время? Тогда как дворянство мадьярское так много жертвовало для своей народности, или, собственно, для его господства, чешское, которого нельзя упрекнуть в недостатке богатства и западноевропейского образования, довольствовалось несколькими подачками на народное дело. В Познани перед тамошней попыткой к восстанию быстро развернулась умственная деятельность, но после его неудачи все там заснуло. Онемечение этой области быстро продвигается вперед, ибо прусское правительство посылает туда немецких чиновников, немецких поселенцев, ссужает деньгами желающих там поселиться немцев, удивительно немечит область своим ополчением (ландвером) и вообще поощряет онемечение всеми, зависящими от него, средствами. В Галиции, благодаря соперничеству враждебных племен и действиям австрийского правительства, его бюрократии и полиции, убита после

революции, всякая народная деятельность, хотя и прежде она не особенно процветала. Ни русские, ни поляки не производят ничего замечательного: у одних царит австрийская бюрократия, у других польское легкомыслие и врознь идущие стремления, и вообще эта страна представляет печальную картину. В Хорватии издавна господствующее тёмное католичество сделало народ умственно вялым и бесчувственным и глубоко его испортило. Там все остаётся при одних попытках, ничего не удаётся, и лучшие люди, при таком порядке вещей, падают духом и наконец, наравне с другими, вязнут в тине бесстрастия и лени, и пошлых житейских удовольствий. Демонстрации, факельные процессии и балы, основание обществ, покупки домов для народных целей, но за всем этим нет ничего прочного. Ещё меньше своей сестры Хорватии¹ имеет значение Славония. Ни одно племя в ней не преобладает, и потому нет в ней никакого определённого направления и, следовательно, никаких стремлений, а лишь постоянное шатание без определённой цели и без всякого проявления сил. В Военной границе, вследствие военной австрийской дисциплины, не может развиваться никакой умственной деятельности. Но много в ней силы, мужества и самопожертвования. Впрочем, австрийское правительство со своими училищами, бюрократией и немецкими начальниками отечески старается о том, чтобы эти силы не портились. В Воеводине между сербами, точно также, как и в Границе, много сил и способностей, но отдель-

¹ На эту несерьёзность хорватского движения метко указывал один из лучших хорватских поэтов Антон Немчич.

ные, выдвигающиеся из народа, личности не умеют освободиться от духа партий и себялюбивых стремлений. Хотя общая задача мелькает перед ним, однако им доселе не доставало сил, чтобы мужественно ей отдаться. В тяжком положении находятся словаки, у которых дворянство, вследствие мадьярства, почти совершенно отвлеклось от народности, с беспримерной яростью противится всякому народному стремлению и совершает преступление за преступлением против своего народа. Хотя в самом племени много свежести, у его друзей много таланта и способностей, но зато полное отсутствие средств. Ещё ниже словаков стоит Моравия, где из-за господства тупого католичества и преобладания немцев в главных городах, народность не может развиваться успешно. За Моравией влечется, со своими национальными стремлениями, Далматия, где преобладает итальянское влияние, и сельская жизнь подавлена городами. Печально прозябает Славянская наружность в Силезии, благодаря исключительному в ней господству немщины, и вовсе не лучше положение вещей в Крайне, Хорутании, Штирии, Истрии, где кучка славян, хотя и весьма трудолюбивых, способных и дельных, почти отовсюду окружена немцами. Немногие славяне в Лужицах принуждены ограничиваться маленьким литературным дилетантизмом, который, хоть и достоин похвал, но ничего не может произвести большего, пока не наступит славянский день¹.

¹ В настоящее время славянская народность во всех этих землях сделала огромные успехи, хотя нигде ещё и не завоевала себе (да одними собственными средствами и не может завоевать) первостепенного значения. В.Л.

В большей части этих земель стремления были пока чисто народные, ибо эти племена, прежде всего, нуждаются в жизни и её обеспечении; но в некоторых из них, особенно ближайших к Западу краях, именно в Чехии, народное движение начинает принимать политический оттенок, и, вследствие этого, образуются стороны. Но в этом нет никакой потребности, всё это происходит чисто из опрометчивости, хвастливости и из подражания Западу. Чехи особенно увлеклись Конституциями и конституциональной игрой Запада. С тех пор, благодаря усилиям остроумного, но поверхностного Гавличка, Конституция и Реакция стали у них главным словом дня, а затем и радикализм, и республика, и коммунизм имеют уже в Чехии своих поборников. Одни выпускают в свете эти Западные произведения, другие, ни малейше не понимая их значения, пустословят вслед за ними. Таким образом, этими западными идеями, которыми блистает Ригер, и Гавличек прокладывает себе путь (карьеру). Чехия все более отчуждается от Славянства и стесняет своё собственное развитие. Старые, разумные, строгие, богатые знаниями, вожди чисто народного движения всё более утрачивают значение, покидаются толпами, которые или следуют своим собственным влечением, или идут за некоторыми легкомысленными вождями. Говоря откровенно, мы прежде предполагали в Чехах больше такта и дельности. Их сдержанность до последних событий оправдывала нашу надежду, пока они не разочаровали нас. С тем вместе падает всякое с их стороны притязание на верховенство над другими славянскими племенами.

В Познани и Галиции едят друг друга так называемые аристократы и демократы, и тем без нужды увеличивают несчастья поляков. В других местах, слава Богу, эти западные порождения не нашли себе места и, по-видимому, нигде более и не примутся.

Во взаимных отношениях этих земель и племен, их общему и успешному действию предстоят непреодолимые препятствия. Первое препятствие есть разнообразие самих племён, из коих каждое имеет и обрабатывает своё собственное наречие и словесность. Поляки в Познани, Силезии и Галиции, западные сербы в Лужицах, чехи в Чехии и Моравии, словаки в Севере Угрии, русские в Галиции и в Угрии, словинцы в Крайне, Хорутании, Штирии и Истрии, хорваты в Хорватии, Славонии и в Военной границе, южные сербы в Воеводине, Славонии и Далматии — все эти восемь племён имеют восемь же наречий и словесностей. Некоторые учёные пытались все эти наречия, за исключением русского, привести к трём, но это средство не уменьшает зла даже временно, пренебрегает развитием отдельных племён и прокладывает путь новому, ещё большему, со временем, несчастью, так как современное положение этих племён может быть только явлением преходящим, а между тем, раз соединившись в большие громады, племена тем потом упорнее держались бы своей розни (партикуляризма) и только бы ещё упрямее противились слиянию в одно целое. Ясный пример тому — поляки, после русских самое сильное славянское племя, имеющее самую богатую, за исключением русской, литературу и историю; они поэтому наиболее противятся велико-

му славянскому единству и тяготеют к Западу. Священнейший долг каждого славянина состоит в том, чтобы всегда иметь ввиду не частное, а общее, и восставать против частного, когда оно старается распространиться на счёт целого, ибо лишь с целым оживится некогда всё частное и достигнет более счастливого, уже издавна и горячо желанного, будущего. Естественно, что между этими восьмью племенами и восьмью словесностями не может быть восстановлено тесное согласие и, таким образом, нисколько не удивительно, что, не смотря на все похвальные усилия, славянская взаимность не особенно успевает, и при этом порядке вещей никогда не утвердится так, как бы было желательно. Она тем менее успевает, чем более исторические примеры и современное развитие будут подстрекать отдельные племена к жизни обособленной и к совершенному со временем отделению от целого; ибо другие, более по-славянски настроенные, или слабейшие, племена будут постоянно и с полным правом противодействовать подобным стремлениям. Такого рода противодействием представляется нам сопротивление сербов хорватам или, собственно, так называемым, илирам, малорусов — полякам и словаков в языке и литературе — чехам. По полученным из жизни опытам, решаюсь осуждать первое отщепенческое (сепаратистическое) стремление и, напротив того, хвалить это сопротивление.

Есть ещё обстоятельство, затрудняющее взаимное соглашение и общее действие этих племён. Это именно географическое их положение и дальность расстояний между ними. Далеко лежит Познань от Чехии и Моравии, ещё да-

лее от словаков и русских, и уже совершенно отдалена от сербов и хорватов. И Чехия не близка к русским Галича, и того далее от южных славян, и между них ещё вошли клином немцы и мадьяры. Но имеют ли в себе эти племена силу разбить все эти трудности? Мы думаем, что нет! В таком случае, каким же образом, не обойдя подобных препятствий, могут они образовать особый союз (федерацию)?

Нельзя также терять из виду и религиозного различия, обособляющего некоторые из этих племён. Говоря о Галиции, мы упомянули о нём относительно русских и поляков, но ещё резче оно выступает в отношениях сербов к хорватам, из коих одни крепко привязаны к Греко-славянской церкви, а другие, напротив, строгие католики. Во время последних движений хорваты не сдержали данного ими сербам слова, помогали им вяло и нерешительно, и даже ещё в иных случаях, из мелочных соображений, им мешали. Известно, каких соблазнов наделал с сербами католический епископ в Загребе, Гавлик, этот верный слуга католической Австрии; и мог ли бы он себе это позволить в народе, искренно по-славянски настроенном и доброжелательном к родным братьям? Даже лучшего образа мыслей, хотя слабый Бан Елачич, когда нужно было решительно помочь сербам, опустил руки, молчал и ничего почти не делал. Вследствие такой неверности и слабости хорватов, возникло между сербами и ими раздражение неприязненное и ещё более отдалило Воеводину от Бановины, впрочем, без малейшей пользы для славянства.

Наконец, внешние отношения всех этих племён такого рода, что провести

практически этот союз (федерацию) есть чистая невозможность. Австрия не представляет этому никакого особенного препятствия, ибо она стара, слаба и боязливо выжидает будущего, но преграды ставят, с одной стороны, немцы, в середине мадьяры, а с другого конца итальянцы. Неужели федералисты ещё столь добродушны, что могут верить, что эти народы будут спокойно созерцать и ждать, пока они будут готовы с построением своей теории? Напротив, не нападут ли они тогда на славян со всех сторон и не объявят ли своих притязаний, немцы на Чехию, Моравию, Силезию, Крайну, Хорутанию, Штирию и Истрию (все эти земли принадлежат к Немецкому союзу), даже на Познань, мадьяры на земли Словаков, Хорватию, Славонию, отрезанную Воеводину, а итальянцы на Далматию с Приморьем? Имеют ли в себе силу эти славянские племена ниспровергнуть эти народы с их притязаниями? Как велико их число? В целом оно не превышает и 19 миллионов душ, и с этой-то рассеянной силой думают они защитить свою самостоятельность от нападений немцев, мадьяр и итальянцев? Но если они не имеют силы освободиться и устроиться, то что же останется от этих федеративных государств? Чистый нуль, да теория в головах ученых. Разве все эти славянские народы и земли не пытались её осуществить во время новейших беспорядков? И зачем потом схватились они за Австрию, этот якорь спасения в наставшую бурю? Но, предположим, что наши племена надеются чудеса и победят все упомянутые затруднения, что тогда скажет Россия этим Славянским Соединённым Государствам? Россия будет противиться

этому самостоятельному Славянскому Государству и в идее, и всеми своими материальными средствами, ибо она не может допускать другой, кроме себя, самостоятельной славянской державы по той причине, что всякое не русское славянское государство необходимо вступит в противодействие (оппозицию) России и должно будет, для своей безопасности, или притягивать к себе её части, или противодействовать ей с помощью западных идей и западных народов. Россия очень хорошо это понимает. И только этим путем объяс-

нимо, почему Россия поныне так мало поощряла славянские стремления, даже легко, быть может, поддерживала старых угорских консерваторов у правительства австрийского, именно для того, чтобы помешать образованию, так называемого, лишь проектированного, Славянского Австрийского Государства. У России есть сила, и сила исполнская, а потому также призвание и право на уничтожение всех врознь тянущих славянских стремлений и на предводительство в целой славянской семье.

Перевод Владимира Ламанского

(Продолжение следует)

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Йозеф М. Гурбан

ВИЛИАМ ПАУЛИНИ-ТОТ И ЕГО ВРЕМЯ

Карол Штур был старшим братом незабвенного Людовита. Что касается его характера, то он был полной противоположностью своего младшего брата, а что касается духовных ценностей и его национальных убеждений — его совершенный единомышленник. Если Людовит был вспышкой, огнем, высоко выбивающим языки пламени, то Карол был степенным, тихим, скромным, рассудительным, строго следящим за своим внешним видом, тщательно взвешивающим и выбирающим каждое слово, которого сложно было заставить врасплох или ослепить горячими мечтами.

В 1843 году Паулини перешел учиться в братиславский лицей и застал там Людовита Штура, младшего брата своего первого учителя, в полном расцвете его многогранной деятельности, и Штур принял Паулини в свой круг как хорошего знакомого. Людовит очаровал Вилиама ораторским талантом, и позднее все, кто знал Штура, свидетельствовали, что талантливый ученик

Вилиам повторял штуровскую манеру держаться, его жесты, акценты. Лекции Людовита Штура о греческой поэзии захватили восприимчивого юношу Вилиама не меньше, чем ораторское мастерство, филологические науки и философское толкование славянской истории, о которых Людовит живо и жарко рассказывал на своих лекциях. Все это производило вдохновляющее и побуждающее впечатление на Паулини.

В неменьшей степени, чем эти занятия, повлиял на Паулини тот факт, что вокруг фигуры Штура в те годы объединилось большое число его коллег. Мы сами всеми возможными способами из провинции поддерживали внутреннюю жизнь общества этих молодых людей. Кроме того я ежегодно хотя бы раз посещал Братиславу и там вращался в их кругу, с одной стороны, чтобы удовлетворить собственные духовные потребности, а с другой — чтобы увидеть воспаряющий дух нашей молодежи и самому внести какой-то

вклад в его поддержку. Это не могло не оказать влияния и на молодого братиславского студента. Он сам пишет об этом так: «В то время (в 1843 году) посещал нас — в сущности, Людовита Штура — Гурбан, недавно назначенный настоятелем в Глобой. Собираясь у Штура или на концерте в каком-нибудь саду, мы, молодые, слушали этих мужей как пророков и потом хранили их слова в своих сердцах и в памяти. Это были великолепные вечера, о которых каждый из нас вспоминает живо и с благодарностью. О, если бы во всех учебных заведениях у словацкой молодежи была такая жизнь!»

Людовита Штура уволили с кафедры славянского языка и литературы, против чего молодежь устроила демонстрацию, в самые лютые морозы, пройдя всей толпой из Братиславы до Левочы. Людовит Штур остался в Братиславе как частное лицо и писатель. Более слабую духом молодежь, которая или из-за давления семьи, как Паулини, или из-за природной слабохарактерности и недостаточно твердых убеждений не участвовала в этом походе, Штур в дальнейшем все равно привлек на нашу сторону. Молодые люди посещали Штура с целью самостоятельного образования, переписывались с Левочей и всеми прочими обществами словацких студентов.

Мы не можем не упомянуть здесь слова, которые написал сам Паулини по окончании своей учебы одному из своих друзей: «Если бы не было Штура, я бы, безусловно, погряз в беспутности и светской жизни, которые вовсе не осуждались моими рациональными преподавателями. Я никогда не забуду, какое впечатление произвело на меня,

когда однажды Штур, придя на кафедру, открыл Новый Завет и стал толковать нам речь Христа на горе. Мы никогда ничего подобного не слышали от наших профессоров теологии, и это заставило нас задуматься над теми неверными путями, по которым мы сами ходили, и мы долго об этом размышляли».

После окончания учебного курса Людовит Штур порекомендовал Вилиама Паулини в качестве домашнего учителя в семью богатого сербского помещика Деспиновича, проживавшего в Ковине, недалеко от Белграда. И в сентябре 1846 года он отправился туда с самой лучшей характеристикой «славянина и образованного молодого человека».

После неудачи сентябрьского словацкого восстания (1848) возникли разногласия между Штуром и Годжей, которого автор этих строк никак не мог успокоить. Так случилось, что когда мы вновь решились сражаться совместно с императорскими войсками, о чем в ноябре 1848 года было получено распоряжение высшего командования, Годжа вместе с Бернардом Янечеком обратился к генералу Шимуничу с просьбой о том, чтобы к его выступающей армии присоединились участники словацкого восстания, рассеянные по всему Нитранскому краю после первого сентябрьского восстания. Тем самым объясняется факт, что Паулини и его друзья в январе (1849 года) под Леопольдовом ничего не знали о нас.

После того, как была разбита армия Виндишгреца, были распущены и соединения участников восстания. Тогда автор этих строк вместе со Штуром

в третий раз обратился к народу с призывом отправить своих сынов в отряд, собиравшийся в Скалице и Рачишторфе из участников двух предыдущих выступлений. Так наш добровольческий отряд пополнился и уже насчитывал три тысячи человек.

«Беседы» Паулини (четыре тома) были очень любимы читателями, а некоторые из них, такие как, например, «Матуш Тренчианский», «Кичина», «Три дня из жизни Штура», «Избранные воспоминания» стали настоящей сенсацией в Словакии.

Перевод Анны Песковой

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Александр Матушка

ШТУР

Радикального разрешения своих проблем мы дождались ровно спустя сто лет после того, как великое поколение штуровцев начало своим умом и своей любовью воскрешать свой столь недооцененный маленький народ. На сороковые годы нашего века пришлось столетняя годовщина словацкой революции, и на эти же годы пришлось столетие кодификации словацкого литературного языка.

Эта последняя — а хронологически первая — юбилейная дата у нас не была встречена с должной радостью, а те, что праздновали, не вели себя, как им подобало бы. Они не хотели, и не могли этого сделать. Не хотели, поскольку здесь, равно как и в других местах, мутили воду, расставляя акценты сугубо с церковной перспективы, но не с общенациональной. Вместо того, чтобы ясно сказать, что Бернолак дело начал, а Штур завершил, что является объек-

тивной и бесспорной истиной, на чествовании Штура они славили сугубо его предшественника.

Впрочем, две другие даты им уже не удалось испортить своими сентенциями. Штуровцам не повезло. Мы до сих пор недостаточно изучили их наследие: при этом мы либо его недооцениваем, либо переоцениваем. Сам Штур выступает то смутьяном, то объединителем, то организатором, то анархистом. Но со всей определенностью можно утверждать, что никто так осознанно извращенно не воспринимал и не интерпретировал его путь, как это делали мэтры фашистской культуры во времена бра-тиславского режима. Они извлекли из его сочинений два зернышка в виде куцых цитат, а затем непрерывно эксплуатировали их, швыряли со всех трибун, вызывая омерзение у слушателей (“Пути назад нет...” и “Мы встали на службу духа...”) и под пристальным

надзором приставленных соглядатаев следили за тем, чтобы аудитория осталась в неведении относительно самой соли его учения. При этом была даже подготовлена к печати его книга «Славянство и мир будущего», но свет она так и не увидела, поскольку именно этот труд является его окончательным манифестом, его политическим завещанием. Манифестом и завещанием — славянским.

Поскольку сами они не видели дальше собственного носа, Штур представлял для них интерес лишь до той степени, до которой он занимался собственно Словакией: когда же он писал о семье, к которой словаки принадлежат, о ее силе, о ее будущем, то сразу становился для них мечтателем. Но кем же были они сами, эти интерпретаторы, реалистами или мечтателями, когда устраивали пляски вокруг существования т. н. словацкого государства («гарантированного» на 25 лет), пока Чехия была во власти Гейдриха, Польша растоптана, Югославия утоплена в крови (сто сербов за одного немца), Болгария продана, а Россия, казалось,

пала?! Ни реалистами и ни мечтателями, но корыстными, расчетливыми индивидуумами, которые лелеяли извращенную идею, будто дух словацкий способен будет жить под защитой тех, кто смешал с грязью всех остальных славян. И они еще продолжали измышлять, будто Штур на их месте сделал бы то же самое — он, который в упомянутом своем фундаментальном труде не просто повторил идущую от Коллара теорию литературной взаимности славянских народов, но выстроил общеславянскую культурно-политическую концепцию. Правда, «краеугольным камнем идеологической концепции Штура был словацкий народ», как заявил один из этих горе-экспертов, но при этом Штур принимал в расчет, причем весьма однозначно, все славянство, в то время как некоторые из его потомков без стыда и совести, заботясь о словацком народе, вошли в сговор — с германцами. Дальновидный мечтатель Штур показал себя — с мечтателями так часто бывает — гораздо большим реалистом, чем его недавние фашистские истолкователи.

(1945)

Перевод Дарьи Анисимовой

ШТУР

Каждый в наши дни хочет что-то открыть — а *он* совершенно ни на что не претендовал в этом отношении, не пытался угнаться любой ценой за новизной, и скорее предпочитал довольствоваться старыми добрыми истинами; каждый сегодня ходит вокруг да около избранного феномена, не подступаясь к его сущности — а *он* старался сосредоточиться главным образом на самом явлении; практически каждый в наши дни, так или иначе, прямо либо окольными путями, стремится задеть Вену — а для *него* об этом и речи быть не могло, *он* все время пребывал в непреложной вере и твердом убеждении, что Вена как таковая его совершенно не компрометирует, что ему не надо освобождаться от ее влияния, а если и надо, то не одному, а вместе с остальными. Именно в этом твердом убеждении и вере, что теперь, когда подходит 150-ая годовщина его рождения — необходимо — главным образом, в первую очередь — освещать суть вопроса иначе, чем прежде («*он* был реакционером», «*он* изменил революции» и тому подобное).

Все, практически все, или, по крайней мере, многое, так или иначе — будь то в согласии либо в полемике — восходит к нему; казалось бы, его роль в нашей истории уже давно сыграна и окончательно определена — но нет, ничуть.

Он бы не удивился, поскольку хорошо знал своих — и некоторых чужих — соратников. Этому обречены

удивляться мы, теперешние его соратники, переговариваясь друг с другом. Мы глубоко и сполна не прожили это, не воспользовались даром — то, что само по себе уже могло предопределить объективную оценку ситуации — стало только лишь нашим достоянием и ничьим более?

Оценка его деятельности всегда была противоречивой: или хвала, или хула; его либо превозносили, либо смешивали с грязью. Хвала всегда нарочитая, непрерывным пережевыванием возвышенных речей способная обесценить все, чего коснется, пожирающая сама себя в пламени слов безмерной любви, по возможности выпренных, и уже менее хвалители заботятся о главном, о сути дела, которую они выхолащивают, лишают красок и смыслов, оставляя две-три цитаты, всегда одни и те же. *Столь же* слепа хула, та, что возникает главным образом в безоглядном стремлении замечать любую соринку в чужом глазу и еще большем нежелании вообще о ком-то вспоминать, поскольку хулителями руководит слепая мысль, что если о человеке весьма мудро умалчивать, то его будто бы вообще и не было.

Теперь о его жизни: Гурбан сугубо восхвалял ее, ядовитый Заборский очернял, один Калинчук смог отнестись к делу критически. Позднее, когда мы еще держались прежней традиции, но уже создавали новую, вернее, «новую»: гласистскую. Так, еще во времена первой республики, когда одни не смели произнести его имя, опираясь при этом

на уже упомянутые две с половиной цитаты, а другие, апологеты чехословакизма, слышать о нем не желали. Тем больший шок испытывали последние, когда делодоходило-таки до сути: естественно, это он «откололся», он устроил «разъединение» и «раскол», и спрашивается, ради чего? Ради словацкого языка, ради того, что они позволяли себе называть “*politicum hungaricum*”. Сходным образом, хотя и несколько иначе дело обстояло во времена т. н. словацкого государства, идеологи которого стали прислуживать мошенникам и вынуждены были пройти путем тернистым: чтобы пристроиться к светлому образу, им пришлось его несколько сфальсифицировать.

Это противоречивое отношение к противоречивой фигуре нашло свое внешнее воплощение. Огромное количество улиц и площадей названы у нас в честь различных деятелей культуры, особенно в честь поэтов — и как могло быть иначе у столь поэтического народа, как мы? Особенно когда отцы-основатели наших городов и поселков от века превосходно разбирались в литературе! В честь него названо менее всего, здесь отцы-основатели весьма небезосновательно почуяли и продолжают чутя что-то не то... Его улица в Братиславе являет собой одну из самых красивых, впрочем, в этом городе, словакизацию которого начал именно он, улицы названы уже в честь всех и каждого.

А в наши дни?

Начнем с конца: имеется несколько — жалких — памятных табличек, оставшихся с давних пор, сейчас их начищают до блеска и выставляют на максимальное обозрение; на кладбище

в Модре есть прекрасный памятник-символ работы Костки (еще один, точно из сахара изваянный, стоит на площади), в самой Братиславе нет и того: ни железа, ни металла.

А в лицее на улице Конвентной до недавних пор разводили индеек или что-то в этом роде — для научных целей, что в некотором смысле было исполнением его завета, чтобы мы, словаки, занимались различными науками. *Но зачем именно в лицее?* Подобное может прийти в голову лишь сумасшедшим интеллектуалам, книжным червям и буквоедам.

И если его деятельность когда-либо пропадала из поля зрения — у тех, кто нарочито восхвалял его и у их оппонентов — по причинам эмоционального толка, до сих пор сохранялась и продолжает сохраняться угроза, что его жизненный путь так и останется неисследованным по причине научного гиперкритицизма, который берет свое начало в экзальтированной интерпретации некоторых постулатов Маркса и в неизбывной нашей любви к самобичеванию, когда вместе с водой выплескивают младенца.

Мы можем стократно, тысячекратно изучить исторические, экономические и прочие закономерности, можем с полной уверенностью заместить эмоции принципами, людей силами, можем в результате всего перечисленного избегать психологии, как черт ладана, оставляя ее курам на смех, можем слушать сугубо разум, пренебрегая иррациональным; мы способны на все. Лишь на ключевом рубеже мы порой ведем себя как женщины и дети — и народы — чувствуя, что — также на

ключевом рубеже — словом, чувствуя, что люди создают свою историю — и так мы любим изображать великие исторические фигуры не как безликие машины, пригодные для решения тех или иных задач, но в первую очередь как — живых людей, допустим, как людей сильных и страстных; нам тоскливо среди «сил», в механической вселенной действия и противодействия; нам необходимо кого-то любить и почитать (и само собой, ненавидеть).

«Если вам вольно судить меня», — говорит Штур в статье «Отгоняя оводов» (1846 г.) — «давайте... судите меня по моей общественной деятельности, но личную мою жизнь оставьте в покое; прочь от нее! Только вы... всегда во тьму личной жизни забираетесь, и от туда... на мою персону клеветаете!»

Хотя здесь речь пойдет в первую очередь об общественной деятельности, мы позволим себе сказать пару слов о его личной жизни, при этом мы все не хотим быть бестактными и углубляться слишком, оскорбляя его.

В бедных, чаще всего в довольно абстрактных свидетельствах современников Штур стал человеком, избегающим женщин, идеалистичным в своей идеальности старым холостяком, существом без плоти и крови, борцом, полным воодушевления и притом лишенным внутренней жизни. Словом, в приторной агнографии Штур являет собой довольно условного героя.

По правде говоря, несмотря на то, что вся личность как таковая осталась нераскрыта для друзей и современников, кое-что они все же уловили. Так, Гурбан возвышенно пишет о «Везувии внутренних огней», и при этом видит — уже более реалистично — «этот

организм соткан из тончайших нитей: здесь тоска, там радость и путы тесно одну с другой связывают», однако интерпретирует он свои наблюдения, само собой, исключительно в патристическом ключе: тоска и радость у него сопряжены с объективной, внешней ситуацией, в которой находился коллектив, народ, который Штур присвоил себе, или, вернее, судьбы которого присвоили себе Штура. Это бесспорная истина: Штур жил надеждами («у нас есть твердая надежда» являет собой один из самых частых его оборотов), равно как он жил в страхе, что те не сбудутся; полный мечтами и при этом окруженный со всех сторон прозой жизни, «закономерностями», которые нельзя было устранить, которые, наоборот, сами грозились его уничтожить, «himmelhoch jauchzend, zum Tode betrübt» по этой причине. Именно Штур, сам он дает нам в руки нечто иное, сам ключ к разгадке, ключ, но не отмычку; объясняя задумчивый, «грустный лад» народных песен, он говорит, что его «единственной причиной никак не может быть столь долго длящееся несчастье народа», что эта задумчивость есть нечто предзаданное, врожденное, безотносительно счастья либо несчастья. Эти слова написаны в Модре, когда уже все свершилось и надежды потерпели крушение. Но дальше «войдешь в пустыню одиночества, и грудь защемит от тоски, окунешься в шум и блеск света, и тем пресытишься, отдашься праздности, и вскоре заскучаешь, будешь работать неустанно, и работа тебе надоест: словом, полное успокоение длится лишь миг, и сколько их в жизни человеческой!». И эти слова также написаны —

в Модре, когда уже стало ясно, что мечтам не суждено сбыться. Представляется, это нечто, которое невозможно вывести аналитически, не есть плод измышлений Штура, оно зрело в нем с самого начала, равно как задумчивость в его народе. Кажется, то не было новым для него настроением, он жил с ним и прежде, до Модры, еще тогда, когда во всем он принимал участие, пока горел и говорил, спешил и действовал.

Не он ли еще в 1841 году в письме Богуславе Райской — наверняка не из стремления разукрасить речь — цитирует Коллара: «Есть часы, самые счастливые, когда один потаенный цветок больше обрадует, чем громкий возглас и самый яркий луч света?». Всю жизнь он полемизирует с романтизмом, отвергает его, однако нет ли в этом, что называется, *pro domo*? Не может ли это быть своего рода самозащитой? Всегда он любил погрузиться в раздумья, всегда избегал экзистенциальной тоски, той самой, которую позже воплотил Сладкович в форме элегии, той, что Янко Кралою являлась в образе непреодолимого Nihil. Штур как поэт избегал ее, однако как личность вынужден был жить с ней, он обрушился на нее всей своей деятельностью: то была самая настоящая самооборона, та, что сделала его таким, какой он есть, это внешняя жизнь на разрыв, лихорадочная активность в сфере общественной. Как пишет Гурбан: «Даже когда разум его колебался, дух стремился действовать».

Современники видели весь трагизм его личной, человеческой судьбы лишь в его полу-хемингуэевской смерти; но и сама жизнь его не может быть лишь

«сентиментальной», и боль его не была сладкой.

Перейдем теперь от скрытой «тмы частной жизни», от того, что Штур упоминает лишь слабыми намеками даже в частной переписке, к явному, к общественному, к тому, что оставалось у всех на виду. Необходимо задуматься об этом спустя сто, сто пятьдесят лет, тем более, что уже само направление, движение, сам вектор обезличивают и уничтожают его на службе «процессу», индивидуум без остатка растворяется в объективных закономерностях, в эпохе, в «духе времени».

«О нем говорят, — написал кто-то о Лютере, — что он был продуктом своей эпохи, что эпоха его породила, эпоха сделала все, он — ничего».

Эпоха даже в самом грубом приближении не сделала ничего, и Штур даже теперь, с дальней перспективы, не может быть лишь безвольным зеркалом, тем, кто лишь берет и ничего не дает, подчиняется и не возражает. Даже если как личность Штур — капля в море, ничто, это та самая капля, то самое ничто, от которого в истории всегда зависит *почти все*, на чем мы *прежде* стояли, и *теперь* стоим. Быть может, эта тотальность не связана с содержанием как таковым, поскольку многое уже было сказано и до него, но сам способ действия, сила поступка решают: если бы не он, наверняка дела в этом отношении обстояли бы совершенно иначе. Сам он и его вклад явно отличаются от остальных, менее стойких, от их вклада, и этот его вклад однозначно и неразрывно связан с ним как с личностью, с ним самим, с его характером и интеллектуальным профилем. «Нам

сейчас, — примерно так он сказал, — теперь важнее характеры, нежели ученость».

В его характере человеческое переплетено с нечеловеческим. Гурбан говорит о том, как он привык «быть обожаемым и на руках носимым». Штефанович пишет о его самоуверенности, иные о том, как он все примерял к своей персоне, и все хором твердят о его нескромности, иными словами, о том, что он сознавал, кто он и что он. Но кто бы его за это осудил? По Гете, скромны лишь нищие духом. Нескромность? Скажем лучше, чувство чести, «сосредоточенность на самом себе» (в которой он упрекал романтиков), гордость интеллектуала, который цепко ухватился и держится: «Мне никогда в жизни не приходило в голову отказаться от раз и навсегда определенных намерений...»; «никогда я не руководствовался и не буду руководствоваться мелочными капризами, один долг неуклонно направляет меня». Апогей этого мы видим в письме Алжбете Остролицкой, в котором он объясняет, отчего отверг ее — он уже в Модре, и все в прошлом обещанное место: он отказал потому, что — и вновь, какая нескромность! — он не принадлежит одному себе, но, помимо семьи, есть еще «другое общество», которое «вправе предъявлять претензии к моим действиям, к моему поведению». Особая, ни с чем не сравнимая, нескромность, которая не принимает милостыню от победителей!

В его характере переплетены пури-танство и экзальтированность, черты, которые в наши дни кажутся неприятными. Однако при всем том, какая сила, способность жертвовать, даже

самопожертвование, или — даже если не это, поскольку он уже покинул земной мир, и все нам стало банальным и смешным — какой энтузиазм, какая энергия, есть в этом нечто римское, античное.

Я очень люблю Калинчака за его склонность высказывать свое личное мнение, за привычку «никогда не делать то, что мне не нравится», но страшно и прекрасно импонирует мне иной *modus vivendi*, а именно *modus vivendi* Штура, согласно которому необходимо делать то, что должно делать, что делать необходимо, независимо от того, нравится это или нет остальным либо даже нам самим.

Так чего больше в нем — характера или учености? Оба качества есть у него в равной мере. Он хорошо образован и разбирается в науках и областях жизни самых разнообразных, с юности он культивирует в себе личность разностороннюю. Учился он у немцев, однако не будем забывать, как он от них дистанцируется, как отвергает все немецкое. Молодой Маркс клеймил немцев за то, что они «имеют склонность к сентиментальности и экзальтации», что они «любят витать в облаках» и что «из самого почтения к идеям эти идеи не реализуют». В самом деле, то же пишет сам Штур: «Односторонность, великая сосредоточенность на одном, и полная неосведомленность в другом это *немецкая педантичность*» (разрядка А. М.), непрактичность и неспособность к жизни деятельной, которая... в самой... жизни смешна... Мы не должны быть погружены во что-то одно, замкнуты в себе, сосредоточены на одной-единственной мысли, подобно немцам, но обязаны быть ко всему от-

крыты, всему доступны, ко всему внимательны, вести диалог с миром и творить саму жизнь».

Идеалист Штур не был книжным червем: ему недостаточно одного знания, и тем паче созерцательности; он не собирается оставаться в сферах «духа», его влечет жизнь, перемены в жизни; он низводит абстракции с небес на землю, ему мила практическая деятельность; образованность не уводит его от жизни, работы, от действия — но напротив, лишь приводит к ним.

«Я, друг мой, не знаю, — пишет он Ш. Зоху, — за что прежде взяться, так я загружен работой». «Многое свалилось на меня, и я не знаю, что начать прежде», — пишет он Сладковичу. «Вы, — пишет он А. Г. Шкультети с особой выразительностью, причем из цветистого слога той эпохи остро проступает его личное жизненное кредо, — работайте усердно и бесстрашно, чтобы исполнить миссию, которая вам предначертана на пути Славянства, чтобы вы, наконец, оставили след жизни в этой вселенной» (курсив А. М.) «Работайте денно и ночью», — советует он Гробо-ню. При этом он сознает, что «пустые и голые декламации делу не помогут, мы все должны быть способны в своей жизни на поступок, на действие», понимает, что «без жертвы, без действия наши слова лишь пустой плевел».

Так он связывает, дабы освободить, так он вкладывает современникам в руки свой «магический метод» (Подградский) — работать на разрыв аорты, так он позиционирует себя во времена, которые мы теперь склонны считать золотым веком, поскольку сомневаемся, что интеллектуалу тогда легко жи-

лось; так он стремится преодолеть словацкую нищету.

Он не был поэтом большого масштаба и реализовал себя как организатор. Он вообще не был поэтом, словацкая жизнь не находила в нем отклик как в поэте, и при этом никто из нас не чувствовал эту жизнь столь глубоко и широко, как он; никому наша жизнь и судьба не открылись так полно, как ему; ни в ком она столько не отзывалась столь полно. Лучше всего это сформулировал Гурбан: «Идеализм... не отгородил его от сельского люда, напротив, он погрузил его в глубинные шахты реальной жизни, ее потребностей и отношений», и сама реальная, простая жизнь явилась ему так «как никому из словацких поэтов прежде него».

Тоскуя по действию, по романтическому действию, этот идеалист и романтик — у которого на все найдется время, который не может позволить себе «легкомысленно играть со временем», из тех, про которых Вовенарг написал: «Мы не рождены для славы, если не знаем цену времени» — вынужден вместе с тем выполнять черную работу, ничем он не пренебрегает, пишет обо всем, о чем писать необходимо, начиная с сочинений по философии истории заканчивая рассуждениями об акцизах на табак и о газетных заметках, вступает тихо, и затем ораторски повышает голос, повторяет и возвращается, неустанно, терпеливо, верно.

Из-под его пера выходит реальный образ Словакии — на сцену уже вступал реализм; его перо рисует, в том числе, перспективу, то, что еще придет, поскольку прийти должно.

Он воспевает нашу жизнь, и он же ее первый критик.

Язык не может быть целью, он является собой средство, и когда Штур переходит от славянского духовного империализма Коллара, от империализма, имя которому панславизм, от Славяинства в его целостности, от Чехии, к гердеровской национальной индивидуальности, к «личности» своего «племени», он думает не о языке, но о жизни. А когда уже в ракурсе самой жизни он думает о своем народе, он находит для детей этого народа такие слова, которые сами по себе уже свидетельствуют о мощности его рефлексии, о том, сколь глубоко он продумал — и вместе с тем прочувствовал, выстрадал — данный вопрос. Словаки для него — забытые рабы, слуги, плебеи для других — брошенные, отвергнутые всем светом — разбросанные — заброшенные, покинутые — живущие в розни — рассоренные, разорванные — нищие, отверженные, лентящие — осмеянные, униженные, опозоренные — и в особенности! — «осужденные на вечные унижения, на низшие ступени жизни».

Здесь Штур считает уместной критику и видит причины как внешнего, так и внутреннего толка. Внешние причины того, что словацкий народ: «так ограничивает себя во всем, так корчится и по-рабски кланяется» — этот факт самого Штура больно задевает, бьет в наиболее чувствительную точку, ибо дело тут не в доброте и человечности, напротив, это есть свидетельство того, что народ утратил «честь человеческую» — являются условия, в которых тот существовал, в особенности это касается непосильной работы на помещика. Внутренняя причина бед кроется в самом народе, поскольку тот

«опустился», поскольку позволил себя унижать, даже не попытавшись обороняться.

Касательно критики во внешнем аспекте немаловажным является то, что Штур связывает словацкий национальный вопрос с вопросом социальным, он выступает против феодального строя, против общественно-политической формации, не обосновывая их, но резко отвергая.

В аспекте внутреннем существенно, что его критика не щадит и ряды его собственных соратников, на что способен был, помимо него, мало кто — лишь Гурбан и Годжа, Штур осуждает местный словацкий провинциализм, сосредоточенность на «отдельном» и неприятие «общего», жизнь, сосредоточенную лишь на узких вопросах быта, «местечковую узость, нежелание видеть остальной мир».

Выход он видит в образовании, в том, что результаты, достигнутые наукой, посредством национального языка распространятся в широкие народные массы. Получается, выход в просвещении? Просвещение, но не умничанье: Штур и сам не был книжным червем, и не желал бы иметь народ буквоедов; не в том цель, чтобы народ читал, «когда придет доброе расположение духа», цель в том, чтобы народ лучше жил. Но даже просвещение не стоит абсолютизировать, оно не может стать панацеей: необходимо избавить народ от крепостной зависимости, необходимо дать ему свободу.

Народ должен помочь себе сам: это словаки позволили с собой так обращаться, и теперь они первые должны воспротивиться. Коль скоро в известной речи он отверг тот тезис, что судь-

ба народа в том, чтобы страдать, недвусмысленно намекая, что он, Штур, такую судьбу отвергает. В рассказе о судьбе соплеменников краеугольный камень заключался в том, что, по мнению Штура, не существует слепого фатума, люди сами вольны распоряжаться собственной судьбой. Он тем самым апеллировал к воле, которая должна в словаках пробудиться, чтобы те «на переломе двух эпох» наверстали свое отставание, перестали быть «опаздывающими».

Это слова не просто о словаках, но в первую очередь о «сельском народе». Наверху, в высокой политике, Штур может взаимодействовать с кем угодно, однако «ниже», в просветительско-организационной работе, он объединяется с возрождающимся мелкопоместным дворянством, с мещанским сословием, со всеми словаками, в том числе богатыми, всех он стремится объединить на основе общего языка, культуры, истории — и забывать о том, что именно так и должно было быть изначально, значит забывать — одновременно! — о «принципах»; однако самые тесные связи соединяют Штура с людьми иного рода, с теми, кто стоит в самом низу иерархии, с простым народом. «Начнем снизу, с сельского люда».

Именно о народе, о нации идет речь у Штура. Это было прорывом в те времена, когда нациями становились народы более сильные, нежели словацкий. И тем большим прорывом это стало в ракурсе того, что Штур, опасаясь, что его народ исчезнет, сражается сразу на трех направлениях: это битва за саму жизнь, за жизнь народа, за продолжительность и качество этой жизни. Самой жизни недостаточно, равно как недостаточно жить в качестве самостоятельного народа: необходимо жить среди людей и жить по-человечески. Поскольку «важнее всего не народ», важнее всего человечность. Народ — это лишь средство, но не цель.

Какими бы ни были перипетии, подъемы и спады в отношении к личности Штура и к его поколению, его слово не пропало даром, оно претерпевало изменения, и перерождалось. Оно не угасло «словно искра в болоте», оно, сильнее или слабее, но продолжало гореть. И горело оно потому, что горел он сам, точно так, как в хорале Кузмани — кого иного, как не патетического Штура, восславила эта патетическая песнь? Именно он горел за правду в святом самопожертвовании, кто о доле бедных слезы проливал, кто за жизнь народа жизнь свою отдал.

(1963)

Перевод Дарьи Анисимовой

Даниэла Кодайова

ДВА ПОСЛАНИЯ ЛЮДОВИТА ШТУРА

Культурно-историческое значение сочинений «Славянство и мир будущего» и «О народных повестях и песнях племен славянских»

Людовит Штур — выдающаяся историческая личность, в отношении которой мы не можем жаловаться на недостаток исторических документов и отсутствие интереса специалистов и широкой общественности. Напротив, о нем постоянно упоминают, хотя трактовки меняются. Его труды и публикации, появлявшиеся в периодической печати, переиздаются вновь и вновь, будь то в полных собраниях сочинений или в отдельных сборниках; кроме того, выпущены четыре тома переписки Штура с комментариями. Однако, будучи одной из самых извест-

ных личностей нашей истории, он играет, прежде всего, роль символа. Его образ и его заветы порой подвергаются искажению в соответствии с актуальной политической ситуацией. Как следствие, на каждом этапе истории его наследие обрастает все новыми слоями толкования, в которых отражается социальный и политический опыт интерпретаторов. В юбилейных речах ораторов вновь и вновь повторяется давно уже научно опровергнутая информация. Другой крайностью является попытка оживить «стерильный» образ героя сюжетами бульварной литературы.

«Мы не оставили ни наши мечты, ни наши надежды»

Свои труды «Славянство и мир будущего» и «О народных повестях и песнях племен славянских» Людовит Штур создал в первые послереволюционные годы и сам воспринимал их как важные, основанные на фактическом материале сочинения, в которых он собрал сведения, опыт и систематизировал накопленный материал по теме славянства, славянской культуры, истории и прогнозируемого им будущего развития. С 1830-х годов он длительное время целенаправленно занимался изучением проблематики, связанной со

славянским миром, культурой, литературой, языками и историей славянских народов. После революционных бурь, уже в 1850-е годы он возвратился к этой теме, дополнил материалы, консультировался или заимствовал информацию из работ других авторов, писавших о славянских литературах, истории и культуре. Затем он приступил к обобщению собранных знаний и создал оба текста. По своему объему это самые масштабные его сочинения. В его творчестве они играют примечательную роль. Причем не только из-за

объема, но и в связи с обстоятельствами издания и позднейшими интерпретациями. Они были задуманы и написаны после революции. Этому периоду в его жизни нашей литературой, как популярной, так и научной, задним числом были приписаны черты трагизма, чувства одиночества и ощущения близкой кончины. Под влиянием такого подхода к его послереволюционной деятельности постепенно добавилось иное значение слова «обращение/послание», будто бы речь шла о послании из загробного мира, о политическом завещании, о призыве к грядущим поколениям. Сочинения оценивались как его «лебединая песня». Штур, однако, не мог предполагать, что трагически погибнет и что пишет свой последний труд. Напротив, он уведомлял о создании следующего сочинения об истории славянства, и оба произведения были задуманы им как начало дискуссии об истории и культуре славян. Он предполагал, что в необъятном славянском мире его работы вызовут отклик у ученых и национальных общественных деятелей, что они поддержат создание подобных сочинений в своей собственной национальной среде, что о них будут вестись дискуссии, их будут рецензировать, ибо в этом, по его мнению, был смысл межславянского взаимопознания.

Оба этих труда объединяет не только то, что они возникли примерно в одно и то же время. После многих лет, посвященных ангажированной публицистике и художественной литературе, после бурного революционного периода Штур был вынужден отойти от общественной деятельности. Он сосредоточился на написании философ-

ского трактата и анализе славянских песен и сказаний. Он выбрал форму не кратких злободневных статей, а более пространных текстов с размышлениями о политическом опыте предыдущего развития, о литературе своего времени, о философских взглядах, стремясь к тому, чтобы они воспринимались как научная литература. Оба произведения были созданы во время его пребывания в Модре. Из этого факта авторы прежних поколений делали вывод, что они стали следствием трагической изоляции, разочарования в плодах революции и последующего развития, уныния и переоценки своих прошлых взглядов. Особенно трактат «Славянство и мир будущего» многие оценивали как контрпродуктивный, как не отвечающий дореволюционным взглядам Штура. Исследователи уже не раз опровергали миф о модранском периоде, когда ему, якобы, было «грустно до смерти», но он возвращался вновь и вновь.

Сам же Штур трезво оценивал период после революции, осознавая возможности, предоставляемые политическими условиями. Так, в письме Яну Кутлику, одному из самых активных в предреволюционный период публицистов из среды дольноземских словачков, он отмечал: «Прошлая деятельность и устремленность мысли в Словакии состоянием нынешним весьма затруднена, однако не разрушена. Хотя так открыто, как когда-то, мы не движемся и двигаться не можем, мы из-за этого не оставили ни наши мечты, ни наши надежды. Надежды, которые нас воодушевляли и вели прежде, ведут нас и теперь, и тем более когда мы видим, что усилия наши в пору переворотов

не потеряны полностью, ибо партия наша и по числу, и по самосознанию, бесспорно, стала сильнее. Как только мы вновь все соберемся и в новых условиях окажемся, не будет у нас отсутствовать и деятельность внешняя, состоянию и обстоятельствам новым соответствующая»¹.

В содержании этого письма от 1851 года, написанном как раз в то время, когда он создавал оба произведения, не чувствуется скептицизм. Напротив, Штур призывал остальных к активности, рассказывал, чем занимаются его знакомые просветители. А также сообщил друзьям о себе: «Я работаю над несколькими обстоятельными сочинениями, проблем всего Славянства касающимися»².

Штур не скрывал, что готовит большое сочинение, посвященное славянской проблематике. В сохранившихся письмах 1851–1853 гг. различным адресатам мы можем найти двадцать два упоминания о том, что он пишет важные сочинения по славянской тематике. Он просил друзей одолжить ему книги, консультировался по некоторым частным темам. Как объяснить, что после революции, в ситуации, когда у него не было работы,

он столько энергии тратил на создание сочинения философско-политического характера с отчасти пророческими элементами и анализировал песни и повести славянских народов? У него не было гарантии их издания, поскольку он не писал их по заказу какого-либо издательства или редакции. Общим для двух сочинений является и то, что они не были изданы на словацком языке и на территории современной Словакии. Более того, создание сочинения «Славянство и мир будущего» было скрыто даже от друзей, и этот факт вызывал и поддерживал не раз высказывавшиеся сомнения в самом авторстве Штура.

Являлась ли для Штура работа над этими сочинениями бегством от трагической реальности? Мне это представляется сомнительным. Думаю, здесь было осознанное стремление представить прошлое славян в привлекательном виде, чтобы из познания этого прошлого упрочилось самосознание славян и их воля быть активными в сфере политики и культуры. После революции славянской идее нужен был новый импульс и более современная форма; именно эту цель, по-моему, преследовал Штур.

«Идея славянская была для меня с самых молодых лет звездой»

Штур проявлял к славянской проблематике постоянный и неизменный интерес. В 1845 г. он подчеркивал: «Идея славянская была для меня с самых молодых лет звездой, она меня согревала, питала и вечно питать будет»³.

Он следил за новой литературой, делал выписки, читал лекции по славянской истории и культуре. Штур был не единственным, кто вдохновлялся идеей славянства, но он был настойчив и передавал свои знания дальше — друзьям,

¹ Listy Ludovíta Štúra. II. Bratislava, 1956. S.249.

² Ibid. S. 249.

³ Ibid. S. 149.

ученикам, сторонникам, общественности. На его взгляды также оказывало сильное воздействие творчество других авторов, а также политическая ситуация в обществе. В первой половине XIX в. романтический интерес к славянам, к их истории, культуре, фольклору был свойствен многим образованным людям, и не только славянского происхождения. Одним из выражений этого интереса было собирание этнографических материалов, устного народного творчества и издание такого рода сборников во многих национальных культурах. Для представителей славянских народов, существовавших на положении недоминирующей нации в мультиэтнических государствах, это была деятельность, направленная не только на знакомство с собственными этническими корнями и высшей формой национального духа, но и на собирание доказательств творческой одаренности, жизнеспособности и отличия славян от других народов. В период, когда в посленаполеоновской Европе формировались и находили приверженцев различные объединяющие движения, самые популярные из которых — панэллинизм и пангерманизм, возник и очаг формирования идеи об общем происхождении, проявлениях и будущем совместном существовании славянских народов. Приверженцы этой идеи представляли семью славянских народов с общим происхождением, близкими языками, менталитетом и выступали в качестве неполитического объединения народов, которые хотя и не живут вместе, однако, несмотря на это, отличаются близостью своих культур. В Европе тех лет отдельные национальные течения сосредоточива-

лись на подчеркивании национальной исключительности, идентифицировали себя как национальные сообщества. Параллельно с ними здесь формировалось и наднациональное сообщество на основе культурных и этнических признаков — славянство.

Для недоминирующих славянских народов было важно озвучать себя составной частью славянской культуры, находиться под защитой большой семьи славян. Представители интеллигенции формировали у людей сознание принадлежности к семье славян, используя истории из их далекой прошлой совместной жизни на общей родине/прародине, ссылаясь на высокую степень развития культуры, которую создавали отдельные славянские народы, и особенно указывая на многочисленность славян. Большинство из них не обладало богатой и славной историей, поэтому быть составной частью большой этнической группы для представителей малых народов давало известное преимущество. Они верили, что их положение как меньшинства усилится именно благодаря авторитету многомиллионного славянства. Славянство как наднациональное объединение играло роль новой идентичности. Выгода принадлежности к такой идентичности для словаков была, в частности, в том, что если в Венгрии они представляли собой население на периферии страны, то нахождение в составе славянских народов переносило их в воображаемый центр славянского мира, что компенсировало, изменяло их место и значение для славянства, повышало престиж территории Словакии и ее населения. Поэтому так важен был процесс создания и освоения концеп-

ции включения словаков в более широкое понятие славянства, славянских связей и контекстов с точки зрения развития языка, участия в создании славянской культуры и восприятия заселенной словаками территории как центра славянского мира. Принятие такого предложения в полной мере не могло быть освоено на основе одного сочинения. Оно создавалось несколько десятилетий и было коллективным продуктом многих поколений просветителей. «Притязание на своеобразие славян подчеркивалось их отличительными чертами характера, иначе говоря, особенностями славянского духа,

моралью, географически, психологически. Штур, однако, сознавал, что этот дух представляет собой нечто неопределенное и неразвитое, что он в большей степени являет желаемое, а не действительное»¹. Людовит Штур активно способствовал формированию идеи славянства еще во времена чтения лекций в евангелическом лицее, своей публицистикой, контактами с представителями других славянских народов, выступлениями на Славянском съезде, а в обоих рассматриваемых сочинениях обобщил и закрепил свои представления о славянском мире, о его прошлом и будущем.

«Славянство и мир будущего»

В 1990-е годы историк Владимир Матула доказал, что труд был завершен весной 1851 года, а не в 1855 году, как по традиции считали раньше исследователи. Этот факт изменил несколько принципиальных оценок. В этом сочинении еще не могла быть отражена международная ситуация и итоги Крымской войны. Первоначально оно не задумывалось как меморандум, адресованный царю или какой-либо влиятельной особе при русском дворе. Намерение переправить рукопись в Россию и издать ее там возникло позже, вероятно, уже в 1855 г., после повторных попыток опубликовать ее на страницах печати, доступной всем славянам. Штур писал свое сочинение как объемный текст, который должен был публиковаться с продолжением в загребском журнале «Südslawische Zeitung», единственном

сохранившемся в тот период в Австрии славянском журнале, с целью начать на его страницах дискуссию о положении дел и возможностях сотрудничества и связях между славянами в новой постреволюционной ситуации, т.е. в 1851 г. Он собрал информацию об их историческом прошлом и на основе ее анализа обдумывал вопрос о возможных вариантах развития в будущем. Текст он писал по-немецки, т.е. на общепринятом (*lingua franca*) в то время языке славянской интеллигенции. Из этого следует, что это сочинение он не считал для себя последним, и что смыслом этого послания было обращение к представителям других славянских народов как к партнерам по дискуссии, а не к русскому царю. Славянские народы он называет обобщенно Славяне, Славянство или славянский мир. Славян

¹ Škvarna D. Európské východiská a slovanské závery v myslení Ľudovíta Štúra // Rozprawy k slovenským dejinám. Zborník príspevkov k nedožitému 75. výročiu narodenia Pavla Horvátha. Bratislava, 2001. S. 268.

он характеризует как чувствительных и зависимых в первую очередь от семейной жизни, причем подчеркивает, что им всем не хватает «объединяющей и возвышающей идеи». Он объясняет это отсутствием надлежащих условий для развития полноценной жизни славян в предыдущие исторические периоды. В этой связи он приводит пример из календаря растительного мира, поэтически его обработав: «У каждого существа и каждого народа под солнцем господним — свое время, потому и липа цветет только тогда, когда дуб уже давно отцвел»¹. Этот выбор представителей богатой флоры не случаен, поскольку оба дерева в тот период были общепринятыми символами — липа символизировала славянство, а дуб — германский мир.

Труд «Славянство и мир будущего» содержит размышления об историческом развитии Европы, христианства, цивилизационных и культурных феноменов, о развитии государственности и способах правления. Особое внимание уделяется подведению итогов предыдущего развития славянских народов и обозначению альтернатив для развития славян в будущем. Уже в первой фразе звучит его призыв: «Настало время нам договориться, братья! Година печали серьезным, достойным голосом зовет нас к действию, и тутпревыше всего требуется договориться». Он называет славян братьями, которые могут понять его слова и постичь смысл этих слов, поскольку, по его убеждению, они чувствуют в себе силу действовать. Далее он отмечает,

что «[...] с тех пор, как мы существуем, мы никогда не приходили к соглашению, но хотя мы никогда вместе и не действовали, несмотря на это мы все родные братья, испытанные схожими судьбами, и ждет нас общее будущее»². Печально, как считает Штур, положение славянских народов в настоящее время. Он пишет о «[...] разрывающем сердце взгляде на самый многочисленный народ в Европе, который разделен, рассеян, раздроблен, и в своей раздробленности стонет под гнетом турок; сначала долгое время он служил немцам, бывшей Священной Римской империи, теперь австрийцам, пруссакам и саксонцам. Где-то его терзает и порабощает итальянский элемент, где-то — мадьярский, но везде он только запряжен в триумфальную повозку иностранцев, только для других он строит великолепные сооружения, а наградой ему за все это — только насмешка, стыд, унижение...»³. Положение славян, как его драматично изобразил Штур, не было радостным. Оно было результатом длительного существования в неволе, которое привело к тому, что «[...] славяне в таковом горестном упадке забыли об общем своем происхождении, и потому в глубокую тьму забвения канули все связующие звенья их общего происхождения, их братского единства». Описание упадка, поражения братьев, жизни в темноте, по его словам, лишь изредка нарушают тихие возгласы словно бы во сне, напоминающие разделенным славянским племенам об их общем происхождении и утраченном единстве. Сила этих го-

¹ Štúr L. Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava, 1993. S. 57.

² Ibid. S. 43.

³ Ibid. S. 44.

ловос различна. Он сам считал себя одним из этих голосов, зовущих славян к пробуждению ото сна и поиску возможностей сотрудничества, ведущего к созданию лучшего будущего.

Рассуждая о возможностях будущего развития славянских народов, Штур указывал на три способа политического освобождения славян, которые он описал и обосновал на следующих страницах.

Первый вариант предполагаемого развития Штур сосредоточил на пространстве габсбургской монархии. Он исходил из того, что там могла быть создана федерация народов республиканского типа, в которой не будут иметь значения величина и число членов федерации, все будут обладать равными правами. Этот вариант полностью исключал участие России. Слабость подобного устройства он видел в том, что идея создания федеративных государств основана на сосуществовании стран, которые ранее представляли собой самостоятельные образования, чего, однако, не было у славян. Поэтому федеративное устройство он перенес в область «чистой фантазии». Это был бы привлекательный вариант для сильных народов, которые уже в прошлом имели собственные государства. Однако в истории ничего не повторяется, мир изменялся и создавались государства, которые объединяли разные народы. Как определяется временная граница, к какому состоянию должна была бы вернуться реконструкция самостоятельности восстановленных государств? Не было бы источником постоянной напряженности удовлет-

ворение стремлений одних народов вернуться к самостоятельности как основной предпосылке нового федеративного устройства и игнорирование стремлений других народов? Штур был настроен скептически по отношению к возможности соглашения между народами и предполагал, что федерация быстро бы распалась. Основой второго варианта было преобразование Австрии в центр всех западных и южных славянских племен (наций) в том смысле, что носителем государственной идеи стали бы славянские народы. Эта возможность касалась только славян в Австрии, Россия не была участником и этого второго альтернативного варианта. Эту версию он назвал еще более бессмысленной, чем первая. Веру в возможность того, что Австрия может превратиться в империю славян, он считал непродуктивной и небезопасной. Австрия уже выполнила свою историческую миссию — сдерживать натиск турок и защитить Европу и ее христианскую цивилизацию от их варварских нашествий. Делать основой государства Австрию, утверждал Штур, было все равно, что «[...] строить на трухлявом и гнилом фундаменте»¹. В 1851 г. такое утверждение было довольно смелым, как и утверждение, что не найдется никто, кто бы о судьбе Австрии, этой «гальванизированной мумии», пролил слезу над ее могилой»². Развитие продолжалось и, по мнению Штура, опыт революции 1848 года привел к возникновению недоверия к Австрии. Вдобавок, и австрийские славяне пробудились к духовной жизни: «Они не считают необходимым, чтобы

¹ Ibid. S. 143.

² Ibid. S. 145.

их дальше кто-то вел как на веревочке, они хотят действовать самостоятельно и от своего имени»¹. Поддерживать Австрию для славян означало бы «выковырять себе собственными руками окопы» и самих себя ввергнуть в рабство, поддаться германизации. Это было бы опасно и унижительно.

Из изложенных аргументов Штур делал единственный вывод: славян невозможно организовать ни в федеративное государство, ни под руководством Австрии. И поскольку эти два варианта невозможно было реализовать, или они вскоре потерпели бы крах, славянам остается третья возможность — объединиться с Россией. Россию он определил как «исторически нам данного старейшину племени». Но и эта возможность имеет, однако, слабую сторону. Она может быть реализована только при условии, что Россия пройдет через процесс славянского пробуждения, осознает свою славянскую сущность, и «дух славянский в России еще больше распространится». Он не определил для этого объединения ни временного горизонта, ни способа объединения. Однако на что он ясно указал, так это на требование, что это будет возможно, только когда Россия пройдет путь реформ, ликвидирует крепостничество, проведет модернизацию, примет конституцию, введет парламентаризм, «когда прогресс свободы появится и там». Таким образом, он не говорил о прямом присоединении к авторитарическому самодержавию в ближайшем будущем, а только после социальных перемен в России. Однако

невозможно ждать этих перемен бесконечно. «Самое время, чтобы Россия осознала свое предназначение и чтобы вспомнила славянскую идею, поскольку длительное ее колебание могло бы иметь, по нашему мнению, неблагоприятные последствия»².

На нескольких страницах он описывал черты характера русских, русского народа, образа жизни и общинного права, которые он оценивал как сохранившиеся оригинальные славянские формы и особенности. Славяне должны, по его мнению, подготовиться к переходному этапу для реализации возможности решения славянского вопроса путем присоединения к России, и этим этапом будет принятие русского языка и православия. Русский язык станет для всех языком культурного обмена подобно тому, как в его время таким языком всех образованных людей из рядов славян был немецкий. Все народы, однако, должны были бы сохранить свои национальные языки, которые будут дальше развиваться и совершенствоваться. К принятию русского языка как «всеобщего языка славянской литературы» необходимо подготовиться, и поэтому важно, чтобы «к этому вопросу возник интерес и это обсуждалось»³. Он предполагал, что следующим средством политического объединения славян в будущем станет принятие православия. Однако оно не может происходить насильственным путем. Штур воспринимал православие не как нечто чужеродное, а, напротив, как исконную общую веру ранних христиан. Православие ему ка-

¹ Ibid. S. 143.

² Ibid. S. 163.

³ Ibid. S. 173.

залось естественным и близким способом веры для чувствительных славян: «Это церковь славянства и будущего»¹.

Все перемены, которые должны будут осуществить славянские народы, а также и сама Россия, он считал необходимыми, поскольку иначе не будет возможным их объединение. Если славяне призваны в будущем совершить великий акт сохранения и возрождения европейской цивилизации, то сначала они должны осуществить свое объединение: «Пока славянские племена будут так разобщены, они не смогут достичь чего-то значительного»². Интерес славянства как коллективной идентичности был поставлен выше интересов отдельных народов.

Сочинение начиналось призывом к братьям славянам, чтобы они договорились, и заканчивается также призывом набраться мужества и действовать: «Раскройте свои угнетенные сердца, Славяне, наберитесь с Божьей помощью мужества для действия! Пуста национальная самовлюбленность, которая не таит в себе ничего более глубокого. В конце концов, речь идет о человечестве, членами которого мы все являемся вместе с другими народами. Таково наше послание! Пусть будет воспринято оно так, как мы задумывали»³.

Сочинение Штура «Славянство и мир будущего» — это текст, не предназначенный для неподготовленного читателя. Автор рассчитывал на его эрудированность, знание истории Европы — политической, философской, церковной. Он учитывал способность

читателя воспринимать абстрактные понятия и рассуждать за рамками политических реалий, характерных для эпохи. При этом речь не шла о политической агитации или о четкой политической инструкции, как решить славянский вопрос. Текст должен был стать материалом для размышления. Штур это неоднократно оговаривал и подчеркивал.

Рецепцию этого труда осложнили различные обстоятельства, связанные с его изданиями. Я имею в виду два издания в русском переводе (1867 и 1909 гг.), издание на языке оригинала — немецком (1931), подготовку словацкого перевода в тридцатые и сороковые годы XX в. и публикацию сокращенной версии в 1931 г., на которой лежит ответственность за то, что в нашей прессе и в общественно-политических выступлениях сочинение интерпретировалось с помощью вырванных из контекста фраз как однозначное отступление Людовита Штура от всего, что он написал перед революцией, как тяготение к России, пропаганда принятия русского языка и православия без определения условий такого шага. С другой стороны, необходимо задать вопрос, в какой степени это сочинение, опубликованное в почти недоступных научных журналах за рубежом, а дома известное только по ссылкам и пересказам, могло оказать влияние на представления о славянской идее и объединении славян? Словацкую общественность больше, чем содержание сочинения, интересовало, кто является его создателем. Ее внимание сосредоточилось на обстоятельствах «утраты

¹ Ibid. S. 172.

² Ibid. S. 173.

³ Ibid. S. 174.

и оригинальности» рукописи, были даже сомнения в авторстве Штура. Заключительные слова Штура о том, что пусть это послание «будет воспринято так, как мы задумывали», долгое время не принимали во внимание. Споры

об интерпретации труда «Славянство и мир будущего» образуют самостоятельную главу в рецепции не только этого произведения, но и самого Людовита Штура в словацкой политической мысли.

Перевод Евгении Майоровой

(Окончание в следующем номере)

Даниэла Кодайова — научный сотрудник Института истории САН, Братислава, автор работ о выдающихся деятелях словацкой истории и культуры.

Из книги «Štúr, štúrovci, romantici, obrodenci». Bratislava, Ústav slovenskej literatúry SAV. 2016.

Татьяна Житникова

ДОМ-МУЗЕЙ ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур родился в селе Угровец в Тренчианском крае в семье сельского учителя-евангелиста. Мы приглашаем Вас посетить Дом-музей Людовита Штура вместе с экскурсоводом Лидией Мikuшовой. Вот что она рассказала:

«Отчий дом Людовита Штура» — действительно тот дом, где родился наш великий просветитель и общественный деятель. Его отец Самуэль Штур был учителем, он преподавал в г. Тренчин, а затем, когда в Угровце освободилась вакансия учителя, переехал сюда с семьей. Через несколько лет здесь родился Людовит Штур. В одной половине дома проживал учитель и его семья, а в другой — находилась школа.

Больше всего учеников было в зимний период, когда не было летних работ в поле и огороде. Школу посещали до 80 учащихся. Предметы были в основном общеобразовательные: арифметика, чтение и чистописание. Главной задачей учителя было научить деревенских ребят читать, писать и считать. А вот дальнейшее образование могли получить лишь дети зажиточных крестьян, те, что имели возможность заплатить за учебу. Ведь надо было ездить в школу в город. А это — проезд, проживание, питание, учебники, тетради. Большинство деревенских детей могли получить только начальное образование, чтобы быть грамотными.

Людовит Штур проживал здесь до 12 лет, пока получал начальное образо-

вание. Затем он уехал учиться в город, но каждые каникулы приезжал в свой родной дом повидаться с родителями и братьями. В последний раз он был здесь в 1851 году, когда из этого дома выселяли его мать после смерти отца. Этот дом не принадлежал семье Штуров, а был муниципальным. Поэтому мать Штура должна была освободить дом для другого учителя, который получил в этой школе работу. Она переехала вместе с Людовитом в г. Тренчин.

В 1965 году дом Людовита Штура был объявлен культурным памятником, находящимся под охраной государства. В то время появилась первая экспозиция. Она помещалась всего в одной небольшой комнатке. Постепенно экспонатов становилось всё больше, они заполнили все комнаты этого дома. В 1979 году здесь сделали ремонт и переоборудовали некоторые помещения. В самом большом из них оформили учебный класс, там разместились парты и доска, а также учебные пособия тех времен. Последняя реконструкция проводилась в начале

2015 года к 200-летию юбилею Людовита Штура.

Старый граф Имрих Зайи был гуманистом, у него сложились очень хорошие отношения с отцом Людовита — Самуэлем Штуром, он часто навещал учителя в школе. Жена графа была немкой, и старый граф не особенно настаивал на венгерском языке. А вот его сын, молодой граф Карол Максимилиан был сторонником венгерского языка и культуры и даже активно участвовал в процессе мадьяризации словацкого народа. Поэтому после смерти Самуэля Штура, в сельскую школу был приглашен венгерский учитель. Так что в то время многое зависело от того, кто был покровителем этой школы — сторонник мадьяризации или нет.

В доме Людовита Штура из вещей его семьи почти ничего не сохранилось, потому что последними хозяевами дома были частные лица, семья Габришковых, это была их квартира, а в другой части школы была мастерская. Ученики здесь учились столярному мастерству. Поскольку дом переходил от одного учителя к другому, каждый из них избавлялся от ненужных тетрадей, учебников, пособий. Всё старое выбрасывалось. Когда в этом доме закрылась начальная школа, он перешел в распоряжение евангелической церкви.

В 2015 г. отмечался исключительный интерес к музею, посещаемость заметно возросла, несмотря на то, что еще какое-то время он был закрыт на ремонт. В течение года его посетило более тысячи человек. А особенно много людей было во время торжеств по случаю двухсотлетия Людовита Штура».

О редчайших экспонатах, связанных с жизнью и деятельностью Людовита Штура, рассказывает Зденка Хештерова, историк, научный сотрудник Тренчианского музея:

«В этом году мы постарались обновить экспозицию. Посетители смогут узнать много интересного о Людовите Штуре. Мы выставили новые экспонаты. Например, книгу Карла Ризнера, это очень редкий экземпляр, там напечатаны песни, которые сочинил Людовит Штур. Есть также книга, которая содержит данные о предках Людовита Штура, а именно о его дедушке, который был суконщиком, то есть изготовителем сукна. А вот отец Людовита был учителем.

Мы оборудовали учебный класс деревенской школы, какой она была в XIX веке. Детям это очень нравится. Им хочется посидеть за школьной партой XIX века. Но у нас этого делать нельзя. Это оригинальные парты той поры, они стали музейным экспонатом. Парты представляют собой деревянную лавку со столом в едином комплексе, они не раздвигаются. На столе есть углубление для чернильницы. Кроме того, в классе есть настоящая доска XIX века, а также географическая карта Австро-Венгрии, в состав которой входила и Словакия, хотя она так во времена Штура и не называлась. Мы хотим показать нашим посетителям, как выглядела сельская школа во времена Людовита Штура в середине XIX века».

В селе Угровец много мест, связанных с именем Людовита Штура. Но главная память — в сердцах людей, которые чтят своего великого земляка.

СЛОВАЦКАЯ КУЛЬТУРА

СПИШСКИЙ ГРАД

Спишский Град (словацк. Spišský hrad) — самый большой замок Словакии, исторический центр Спишской области — является крупнейшим замком Центральной Европы, памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. Расположен у Спишского Подградья (территориально принадлежит деревне Жегра), в 15 км от города Левоча. Входит в список национальных памятников культуры Словакии. Спишский Град стоит на вершине туфовой горы, имеющей высоту 634 метра н. у. м., высота же его от подножия составляет около 200 м. Замковые стены имеют на разных участках высоту от 20 до 40 м., что увеличивает неприступность замка.

Археологами обнаружена здесь стоянка Буковогорской культуры, которая была распространена в восточной Словакии. К раннему железному веку

относится городище Пуховской культуры, которая считается кельтской. Городище возвышалось над скальным массивом, было обнесено земляным валом, имевшим каменный каркас. Однако уже во II веке н. э. это укрепленное городище было заброшено. На рубеже V–VI веков здесь появились славяне, основавшие селение на соседней горе Древеник (Drevenik). Именно с этого времени и начинается история Спишского Града.

Период X — первая половина XIII в. наполнен локальными войнами, сотря-

савшими Венгерское королевство. В XI в. на вершине горы, на остатках кельтского поселения, был заложен Спишский замок. Ядром фортификационного комплекса стала каменная башня, которую археологи относят к XI—XII вв. Для своего времени она имела огромные размеры, судить о которых можно по расположенной в её центре колонне диаметром 3,4 м. В колонне проделаны пазы, куда вставлялись деревянные балки, делившие башню на несколько этажей. Рядом находились резервуар с водой и резиденция хозяина. Башня не сохранилась: она была разрушена в первой половине XIII в. из-за землетрясения в этом горном районе.

К 1209 году относится первое упоминание Спишского Града (Спишского замка). На тот момент он сделался достоянием Венгерской Короны. В начале XIII в. он был перестроен и дополнен новым романским дворцом и донжоном. В 1241 г. король Венгрии Бела IV, потерпев поражение от монголов при реке Шайо, бежал под защиту австрийского герцога Фридриха II, отдав ему за помощь против монголов казну и часть земель. Однако ещё до этих событий он отдал приказ об укреплении стен Спишского Града. Благодаря такой предусмотрительности в том же 1241 г. замковый гарнизон успешно отразил штурм монголов Батыя.

После ухода монголов король Бела IV вернулся из Австрии в Венгрию. В 1242 году Бела IV реконструировал Спишский замок. В своей грамоте общине Яблонов (Jablonov) от 19 сентября 1249 г. король упоминает башню и дворец, возведённые им «in castro nostro Scypus». От той эпохи сохранились фундаменты дворца и церкви.

За время своего существования Спишский Град сменил немало правителей.

Во 2-й половине XIII в., когда Спишским Градом владела Елизавета Куманская (невестка Бела IV), итальянские архитекторы усилили фортификацию замка. В 1312 г. замок безуспешно осаждал знаменитый Матуш Чак

Нижний Град — детище Яна Искры

В 1443 году, во время гражданской войны в Венгрии, владельцем замка стал Ян Искра, в то время верховный гетман наследника венгерского престола Ладислава Постума. Он пристроил к замку Нижний Град. В 1464 г. замок перешёл в руки магнатской семьи Запольяи (Запольских). Её представители возвели здесь множество новых построек. Именно в Спишском замке родился венгерский король Ян Запольяи.

В 1527 г. новым хозяином замка стал Фердинанд I. В 1531—1635 гг. замком владела венгерская купеческая семья Турзо: её представитель Алексей Турзо выкупил у Короны этот и несколько других замков (Турзо занимались торговлей медью по всей Европе). Алексей Турзо построил новые бастионы, закрыл романские ворота, а в стенах пробил бойницы.

В 1638 г. Спишский Град перешёл к венгерской дворянской семье Чак, давно претендовавшей на него. В начале XVIII в. хозяева покинули замок, а в 1780 г. сильный пожар обратил его в руины. В 1945 г. власти возрождённой после Второй мировой войны Че-

хословацкой республики конфисковали Спишский Град у венгерского рода Чак.

В 1993 году Спишский Град включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время ведётся реставрация крепостных сооружений.

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Алла Машкова

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ДУШАН МАКОВИЦКИЙ

(К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого)

Мемуарно-документальная литература о Л. Н. Толстом весьма обширна. Это и записки его старшей дочери — Татьяны Львовны, и второй дочери — Марии Львовны, дневники младшей дочери — Александры Львовны, супруги Софьи Андреевны, преподавателя литературы в Ясной Поляне В. Ф. Лазурского, композитора А. Б. Гольденвейзера, секретаря Н. Н. Гусева, заметки многих друзей и единомышленников, таких как, например, В. Г. Чертков и др. Особняком в этом ряду стоят дневниковые записи его словацкого друга, врача и душеприказчика Душана Петровича Маковицкого.

В славянском мире Л. Н. Толстой пользовался большой популярностью, он был связан с ним тесными узами: русский писатель активно изучал литературу о славянах, интересовался судьбами славянских народов и их представителей, со многими встречался, переписывался, обменивался лите-

ратурой. Так, Д. Маковицкий, впервые посетивший Ясную Поляну в 1894 г., писал В. И. Ламанскому: «Месяц назад я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Среди прочего он расспрашивал меня о политическом положении нас, западных славян, о борьбе и о наших программах. В этих разговорах он несколько раз проявлял интерес к нашим проблемам и сказал, что охотно прочитал бы книги о западных славянах, и в первую очередь такие, где речь идет о будущем западных славян. По его словам, знакомство даже с чуждыми взглядами помогают ему уточнить собственные мысли и взгляды»¹. Однако отношение Толстого к славянам и их борьбе за национальную независимость в силу его приверженности к теории «непротивления» было неоднозначным. В одном из писем к В. Г. Черткову Толстой отмечал: «Они, Славяне, угнетены и всю

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М. 1956. Т. 87. С. 285

духовную энергию употребляют на борьбу с этим угнетением; но борются они оружием угнетения: отстаивают свою национальность против чужой национальности, свое исповедание, свой язык, свои выгоды. И все это делают они через споры, журналистику, через интриги, кружки, общества, выборы в сейм и т.п.»¹. По свидетельству Д. Маковицкого, Толстой утверждал, что славянам не следует отвечать «на насилие насилием, а терпеть. Но это не значит, что им надо отказаться от своего богатого языка и переменить его на какой-нибудь немецкий»². Спасение славян русский писатель видел в христианстве.

Личность Толстого, его творчество, философские взгляды интересовали многих деятелей славянской культуры. В частности будущий президент Чехословацкой республики Т. Г. Масарик еще в 1880-ые годы, являясь профессором Пражского университета, интенсивно изучал Достоевского и Толстого, с которым он трижды встречался. В книге К. Чапека «Беседы с Т. Г. Масариком» чешский писатель приводит следующий рассказ Масарика о встречах с Толстым: «Впервые в Россию я приехал в 1887 г. и потом — через год. Остановился в Варшаве, чтобы познакомиться с поляками: гостил в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе — мне было интересно видеть те улицы и места, которые я до мелочей знал по романам Достоевского, Толстого и других... Я встречался с Ламанским, Флоринским и другими. Ламанский мне прямо в глаза

сказал, что русских интересуют только православные славяне, из других — более всего словаки, поскольку они так же наивны, как и русский Божий люд. Что же касается Чехов, то они посылают их к черту, ибо чехи — либералы и западники». И далее: «Я отыскал Толстого; у меня не хватило времени внимательно по книгам изучить его, как это я делал с Достоевским, потому мне хотелось познакомиться с ним лично. Первый раз я навестил его в Москве в его дворце... После чая мы пошли в парк; говорили о Шопенгауэре, которого Лев Николаевич понимал плохо; посреди разговора он остановился, как мужик на меже, и предложил мне быть его последователем — мне это показалось фальшивым, искусственно-примитивным, неестественным.

Потом Лев Николаевич пригласил меня навестить Ясную Поляну... он начал излагать, что мы все должны опроститься, что нужно жить по-мужицки и так далее, я сказал ему: «А как же этот ваш дом и салон, эти кресла и диваны? А это нищенское существование ваших крестьян? Это опрощение? Хотя вы не пьете, но курите сигарету за сигаретой; если уж аскетизм — то последовательный. Мужик живет плохо, потому что беден, а не потому, что он аскет...»

В третий раз я навестил Толстого незадолго до его кончины, в 1910 г. ... В то время работал у него в деревне наш доктор Маковицкий. Он был увлечен Толстым и его учением: у него всегда был наготове огрызок карандаша и этим огрызком он записывал в блокнот, лежащий в кармане, все, что говорил Лев Николаевич...

Более всего мы спорили о непротавлении злу насилием: он никак не мог

¹ Маковицкий Д. Яснополяские записки. М., 1922. С.67

² Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и славянские народы. Ленинград. 1983. С. 24

взять в толк, что речь идет не только о сопротивлении насилию, но о борьбе против всяческого зла и по всем линиям; он не видел разницы между оборонительной борьбой и наступательной; он считал, к примеру, что татарские конники, если бы русские не оказали им сопротивления, вскоре устали бы от убийств. Мой тезис выглядел приблизительно так: если на меня кто-то нападет, чтобы убить, я буду защищаться, если же нельзя себе помочь иначе, то я убью насильника; если уж один из двух должен быть убит, то пусть будет убит тот, кто злоумышляет убийство»¹.

Несмотря на критическое отношение ко многим положениям философии Толстого, Масарик тем не менее в размышлениях о социальном значении искусства и его народных корнях искал подтверждение своим взглядам именно у него. Реагируя на труды по социальной эстетике некоторых западных авторов, он обращался к труду Толстого «Что такое искусство?», резюмируя высказанное в нем русским писателем следующим образом: «В самое последнее время, — пишет он, — социальную эстетику предлагает нам Толстой. Искусство, считает Толстой, это деятельность, состоящая в том, что художник сознательно, средствами внешних символов, сообщает другим людям о тех чувствах, которые пережиты им самим. И в том, что другие люди заражаются теми же чувствами и сами их переживают. Искусство является, по мнению Толстого, не столько выражением чувств, сколько средством, объединяющим этими чувствами

разных людей. Истинное искусство, с точки зрения Толстого, невозможно без веры — потому что современное искусство, начиная уже с Возрождения, непрестанно все больше и больше деградирует»².

Философские взгляды Толстого и Масарика были очень разными, но конечная цель их была близка: нравственное возрождение человека. Первый считал, что достигнуть этого можно путем духовного совершенствования человеческой природы, второй — путем разума. Масарику претил толстовский «популизм», наигранный аскетизм, непоследовательность во взглядах; в его опрощении он видел скорее позерство, чем сочувствие нуждающимся, а в конфликте между Толстым и его супругой занял сторону последней. При этом как писателя он ставил его в один ряд с Пушкиным, Гоголем, Гончаровым, называя «великим художником», с которым он «спорил, не соглашаясь с его воззрениями». В свою очередь Толстой с симпатией и интересом относился к Масарику. В своих дневниковых записях, датированных 28 марта 1910 г., он пишет: «Утром на прогулке встретил Страхова и Масарика (речь идет о втором посещении Масарика Ясной Поляны, которое состоялось 29–30 марта — А. М.). Оба мне приятны, особенно Масарик... Вчера хорошо два раза говорил с Масариком... Масарик все-таки профессор и верит в личного бога и бессмертие личности...»³. А в связи с 60-летием Масарика Толстой отмечал, что он испытывает «чувства уважения к его

¹ Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000. С.77–80

² Масарик Т. Г. Философия — социология — политика. М., 2003. С. 306

³ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати томах. М., Т. 20. 1965. С.397

искренней, твердой, горячей и самой разнообразной, общественной и ученой деятельности»¹.

Если в Чехии Масарик был одним из первых, кто начал писать о Толстом, то в Словакии это был Св. Гурбан-Ваянский, стоявший во главе всей словацкой культурной жизни конца XIX века. Будучи поклонником таланта «великого гения», как он называл Толстого, которому он посвятил несколько статей («Л. Н. Толстой: "Власть тьмы"», «Лев Толстой и Иван Тургенев», «Сказки Л. Н. Толстого», «Толстой — еретик», «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец»), Ваянский не принимал его критику российского самодержавия, официальной русской церкви; его оскорбляло толстовское отношение к славянофильству. С его точки зрения, подобная критика расшатывает сами основы великой страны, искажает ее образ на международной арене.

Близок в оценках Толстого Ваянскому был его ближайший соратник Й. Шкультеты, который не мог безоговорочно принять многие положения философских взглядов русского писателя. В частности, в связи с пьесой «Плоды просвещения», он с горечью писал: «...Л. Н. Толстой отвернулся от так называемого прогресса нашего века, а вместе с прогрессом и от его носителя — интеллигенции. В ее жизни он видит одну только ложь, фальшь и необдуманность... Благодаря подобной тенденции произведения Толстого последнего времени утрачивают свое художественное, вечное значение... Учить, порицать своих современников — поистине высокая задача, однако наивысшей целью того, кому дан священный

огонь, что пылает в груди Толстого, является служение искусству»².

Если Ваянский и Шкультеты ценили Толстого, прежде всего, как художника, отдавая должное эстетической стороне его произведений и противопоставляя ей его религиозные и философские взгляды, то словацкую молодежь, особенно ту, что училась в Праге и состояла обществе «Детван», привлекала идейная сторона творчества писателя, которую они использовали в своем противостоянии «мартинцам». На заседаниях общества «детванцы» в числе других писателей обсуждали Толстого. Особенно жаркие дискуссии вокруг его творчества велись в период с 1886 по 1890 г. Так, одно из заседаний началось с обсуждения доклада М. Кукучина о «Крейцеровой сонате», затем на четырех заседаниях подряд он выступал с сообщениями о романе «Война и мир». Суждения Кукучина были активно поддержаны будущим литературным критиком В. Шробаром и «толстовцами» — А. Шкарваном и Д. Маковицким, также обучавшимися в Карловом университете.

Альберт Шкарван (1869–1926) получил медицинское образование в Будапеште (1886–1887), Праге (1887–1891) и Инсбруке (1891–1894). Еще будучи студентом, он увлекся философией Толстого, которая, по его словам, полностью переменила его жизнь. Вот как он вспоминал позже о своем «перерождении»: «Лежа на постели, я думал — скорее даже не думал — мысли сами роились в моей голове — о бессмысленности собственной жизни. Эти мысли с такой настойчивостью одо-

¹ Там же. С. 557

² Цит. по: Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и словацкие народы. С. 128

левали меня, что мною овладел страх, страх, который мы ощущаем, когда нас сковывает какая-то сила. Мне захотелось бежать от этих беспокойных страшных мыслей, но я чувствовал, что мне от них не спастись...Итог был следующий: Ничего нет, бога нет». И далее: «Кто знает, чем бы закончились мои мученья, сумел бы я от них отделаться и не погиб бы ли я, если бы в этот критический период жизни мне ни попала в руки книга графа Л. Толстого, которого тогда все еще считали сумасшедшим...Я понял, что моя нынешняя жизнь никуда не годится и что дальше я не смею, просто не смею так жить...Подобно Толстому я осознал, что вся моя жизнь была плоха и что дальше так жить нельзя. Я положил книгу и горько заплакал над своими заблуждениями. Эти слезы походили на освежающий дождь, орошающий выгоревшую землю»¹.

Увлечение Толстым легло на хорошо подготовленную почву: с юных лет Шкарвана привлекала Россия, к которой он проявлял большой интерес. Много лет спустя, в своих воспоминаниях, он писал: «В годы моей юности к России были устремлены все упования словацкой молодежи, жестоко лишенной, как известно, под венгерским ярмом, всех возможностей для развития. Вдобавок все видные словацкие деятели издавна указывали нам на северного брата не только как на представителя великой внешней силы, но и как на щедро одаренный народ... Нас вдохновляла Россия как страна великого будущего и свободы. Мы, словацкие юноши, — все,

без исключения, — придерживались руссофильских взглядов»².

Некоторое время Шкарван служил военным врачом в королевском госпитале г. Кашау в Венгрии. За несколько месяцев до окончания срока по религиозным соображениям, познакомившись с творчеством и учением Толстого и попав под его влияние, он в 1895 г. отказался служить в армии, за что был помещен в психиатрическую больницу. Затем, как говорилось в документе, «за отказ от военной службы и исповедание идей, враждебных государственному порядку» был взят под стражу, заключен на четыре месяца в тюрьму и лишен диплома врача. Однако под давлением общественного мнения был освобожден. Свою позицию он обосновал в книге «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», которая привлекла внимание Толстого и в 1898 г. была издана в Лондоне Чертковым на русском языке в издательстве «Свободное слово» (на словацком языке в переработанном виде она была опубликована в 1920 г.).

В 1896 г. Шкарван приехал в Россию. Остановившись у Черткова, он неоднократно посещал Толстого и даже некоторое время жил в Ясной Поляне. По просьбе русского писателя перевел его сочинения на немецкий язык, в том числе «Круг чтения». В 1897 г. вместе с Чертковым переехал в Англию, затем в Швейцарию. В 1910 г. он вернулся в Словакию. Во время Первой мировой войны за отказ от военной службы вновь был осужден.

¹ Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. Banská Bystrica. 1991. S. 45–46

² Цит. по: Колафа С. Д. П. Маковицкий // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2>

Толстой в своих письмах и дневниковых записях очень тепло отзывался о Шкарване. В письме от 15 марта 1907 г. он писал: «Спасибо вам, милый Шкарван, за поправку немецкого письма, а главное, за ваше хорошее письмо, которое дало мне заглянуть в вашу добрую душу. Всегда вспоминаю о вас с настоящей любовью, не требующей никакого усилия, а напротив, скорее носящую в себе частицу пристрастия. Рад знать, что жизнь ваша преимущественно духовна, а потому и независима от всех внешних условий преимущественно счастлива. Обо мне вы, вероятно, все знаете через милого Душана (имеется в виду Душан Маковицкий — А.М.). (Не могу без этого законно принадлежащего ему эпитета)»¹. И месяц спустя: «Общение с вами мне всегда радостно. О политике я думаю совершенно так же, как вы, и она, зная это, мне одновременно и смешно и гадко...»². Еще ранее Толстой волновался за Шкарвана, когда узнал, что тот оказался от военной службы и был заключен в тюрьму, о чем ему сообщил Д. Маковицкий (16 февраля 1895 г.). Толстой выразил готовность помочь ему всем, чем только сможет. В Дневнике он сожалел: «Шкарван все сидит и тверд. И его все свидетельствуют»³. А в письме к Маковицкому мы читаем: «Что дорогой Шкарван?... Каково его душевное состояние? Конечно же ему очень тяжело, если он полностью не посвятил себя духовной жизни. Тяжело еще и потому, что он молодой и здоро-

вый и что как врач он в молодости был сосредоточен на теле своем»⁴. Толстой охотно отвечал на письма Шкарвана. Он даже откликнулся на просьбу своего сподвижника — руководителя основанного по его инициативе издательства «Посредник» И. И. Горбунова-Посадова — и прочитал брошюру Шкарвана под названием «Словаки», которую тот намеревался опубликовать. Поначалу книга произвела на Толстого хорошее впечатление, но потом его мнение резко переменялось, и она так и не была опубликована.

Многое сделал Шкарван для популяризации творчества Толстого в Словакии, хотя к тому времени там уже было издано немало произведений русского писателя. В частности, известны его усилия, направленные на издание романа «Воскресение» в его переводе. Переводил он быстро, с текста, не прошедшего цензуру, который присылал ему Чертков из Англии. Работал одновременно над переводом на словацкий и венгерский языки. Однако издатель категорически отказался опубликовать роман и «вообще любые произведения Толстого», т.к. «духовенство недовольно им и грозит оставить его (Шкарвана — А. М.) вообще наобах, если он и впредь будет издавать толстовщину»⁵, на что Шкарван с горечью написал Маковицкому: «Другие наперегонки издают Толстого, а у нас (в Словакии — А. М.) его и даром не хотят»⁶. Не увенчались успехом и попытки Шкарвана опубликовать роман

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 77. Письма 1907. письмо от 15 марта 1907

² Там же. Письмо от 11 апреля 1907

³ Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати томах. С. 27

⁴ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 81

⁵ Цит по: Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и славянские народы. С.133

⁶ Там же

в журнале «Словенске погляды», который издавал Шкультеты.

Альбер Шкарван и его друг Душан Маковицкий покинули Словакию из-за своего увлечения философией Толстого. По-разному сложились их судьбы. В то время, когда Шкарван уже находился под сильным воздействием толстовского учения, его друг и единомышленник Маковицкий еще только вникал в него. Находясь в Инсбруке, Шкарван писал: *«Я приближался к правде инстинктивно и смело, Толстой же — осознанно, как и подобает мудрецу. Разумеется, еще более я был увлечен его произведениями, которые открывали передо мной новые горизонты. Ни один гений не способен открыть столь колоссальную перспективу как Толстой»*¹.

Душан Маковицкий (1866–1921) родился в г. Ружомберке в семье богатого предпринимателя. Отец Душана был образованным человеком, который придерживался патриотических взглядов, был хорошо знаком со многими деятелями словацкой культуры. Образование Душан получил в гимназиях Ружомберка, Братиславы, Шопрона, а затем — на медицинском факультете Карлова университета в Праге (1885–1886), где в то время обучалось много словацкой молодежи. Некоторые из студентов, такие как М. Кукучин (Бенцур), Л. Надаши-Еге, А. Костолный, Ш. Дакснер и др., впоследствии стали известными деятелями словацкой культуры. Затем — годы учения в Инсбруке, Берлине (1889–1890) и снова — в Праге (1890–1891). Находясь

в Инсбруке, Маковицкий, помимо занятий медициной, читает и переводит Толстого, в частности, его «Крейцерову сонату». Свой перевод он снабжает послесловием, в котором пытается представить свое толкование произведения, а затем — отправляет в Прагу для публикации. Как отмечает словацкий исследователь Т. Винклер, *«В жизни Маковицкого эта новелла имела переломное значение, т.к. его внутренний кризис достигает своего апогея именно в то время, когда он задумывается над каждой строчкой новеллы»*². Именно тогда он начинает внимательно следить за творчеством и деятельностью Толстого, стремится приблизиться к его взглядам, понять и воспринять их. У него возникает желание встретиться с этим великим человеком и писателем.

Вновь оказавшись в Праге, Маковицкий посещает заседания общества словацких студентов «Детван», на которых обсуждались новейшие достижения мировой литературы, в том числе произведения Толстого. Это было уже после первого посещения Маковицким Москвы, состоявшегося в марте 1890 г., в Москве Маковицкому довелось прослушать лекцию о Толстом проф. Н. А. Зверева в Историческом музее, о чем он сделал запись в своих воспоминаниях. После пребывания в Москве его интерес не только к творчеству Толстого, но и к его философии, его этическим взглядам, которые он пытается реализовать на практике, еще более возрастает. Из Праги Маковицкий пишет письмо отцу, в котором советует ему прочитать «Исповедь», «В чем моя вера» и «Смерть Ивана Ильича». Он пишет: *«Из всего, что Толстой*

¹ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 46

² Там же. С. 55

написал, эти произведения будут для тебя наиболее интересными. Они представляют собой размышления шестидесятилетнего человека о том, как мы должны жить»¹.

Следующее посещение России было осуществлено Маковицким в августе 1894 г., куда он отправился, как он сообщал своей племяннице, «не из любопытства, не для развлечений, не с легким сердцем — еду потому, что должен сделать это...»². И уже позже Толстому в неотправленном письме: «Я сначала пришел к вам из отчаяния, видя, что в другом учении нет смысла, нет любви, а меня к любви бессознательно тянуло. Я полагал ваше учение не только нравственным, о боге, между тем вы мне сказали, что главное, важное — бог и что на любви к нему зиждется любовь к людям. И я только тогда начал искать бога и продолжаю искать его. По мере нахождения, познавая его, перестаю зиждать свою жизнь на авторитет ваш и перестаю бояться — видеть пустоту того, что будет, когда вы земную жизнь окончите»³.

В Ясной Поляне Маковицкий пробыл шесть дней. В статье «У Л. Н. Толстого» он попытался воссоздать первые впечатления о своем кумире. В частности, он писал: «Я не спускал с него глаз, пока он не скрылся за деревьями. И только тогда очнулся от забытья. Ощущение блаженства охватило меня: “Ну вот, досталось тебе счастье увидеть Толстого, поблагодари бога. Какой простой, тихий и милый

человек! Но как он стар и дряхл! Он представлялся мне издалека гораздо более молодым и здоровым. На самом деле это сгорбленный, изнуренный трудом старец, с таким унылым, грустным лицом, словно он испытывает боль. Глаза у него глубокие, серые, спокойные, взгляд приветливый; у него густые, широкие брови, он широкоплеч, когда-то был высок и крепок; он лыс; носит ненакрахмаленную крестьянскую блузу, подпоясанную ремнем; борода — почти по пояс, бела, как молоко...”⁴. Маковицкий провел много времени в общении с Толстым, они подолгу беседовали — о проблемах политических, нравственных, о Боге и т.п. Кроме того, он лечил там больных, помогал дочери Толстого в переписке писем. Толстой отнесся к нему с большим уважением и симпатией, о чем свидетельствует его сообщение В. Г. Черткову, в котором он писал, что Маковицкий был ему очень интересен: «Событие интересное для меня было приезд сюда из Венгрии славянина доктора Маковицкого... Он, как я его понял, чистый, кроткий и религиозный человек»⁵. Толстой отнесся к своему словацкому гостю, по словам Маковицкого, как к брату и сыну, попросил, чтобы тот не стеснялся, писал ему, задавал вопросы. А вскоре Маковицкий получил письмо от русского писателя, которое следует рассматривать как признание в любви к своему новому другу и почитателю и в котором, в частности, говорилось: «Дорогой Душан Петрович. Почему Вы не откликаетесь? Благополучно ли Вы добрались

¹ Там же. С. 34

² Цит. по: КолафаС. Д. П. Маковицкий // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2>

³ Там же.

⁴ «U L. N. Tolstého» Dr. Dušana Makovického. Turčianský Sv. Martin. 1898. S.2

⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 87. С. 287

до дому и перестал ли у Вас болеть па-
лец?... От всей души я желаю Вам все
большее прогресса на пути познания
и постижения истины, на который
вы вступили, и все большей и большей
радости, с которой этот прогресс свя-
зан... Любящий вас Л. Толстой»¹.

Как вспоминал о первом посе-
щении Маковицким Ясной Поляны
В. Булгаков, тот «произвел там при-
ятное впечатление. Был он маленький,
сухонький, немногословный, серьезный.
Улыбался простодушной, детской, ос-
вещающей все лицо, искренней насковзь
улыбкой. Был тих, скромн, деликатен.
Когда через несколько лет домашний
врач Толстых Д. В. Никитин, будучи
мобилизован в начале японской войны,
вынужден был покинуть Ясную Поля-
ну, перед семейством Льва Николаеви-
ча встал вопрос о приглашении нового
врача. Вспомнили о Маковицком. Лев
Николаевич хорошо отзывался о нем.
Написали в Словакию. Восторжен-
ный почитатель Толстого Маковиц-
кий, разумеется, не замедлил извест-
ить о согласии приехать. Так милый
и кроткий словак оказался в 1904 г.
в Ясной Поляне»².

Вернувшись на родину, Маковиц-
кий работает врачом и одновременно
активно занимается издательской дея-
тельностью. На собственные средства
он издает произведения Толстого в се-
рии «Поучительное чтение», переводит
и издает его труды «Пора опомниться»,
«Богу или мамоне», «Чем люди живы»,
«Евангелие» и др. В серии «Поучитель-

ная библиотека» он печатает в соб-
ственном переводе «Для чего люди
одурманиваются», а также «Христи-
анское учение» в переводе Шкарвана.
В 1900 г. в «Поучительной библиотеке»
выходит в свет роман «Воскресение»
в переводе А. Шкарвана. Маковицкий
сразу же пересылает это издание Тол-
стому, но через три месяца посылка
возвращается обратно с пометкой «За-
прещено!»: ее не пропустила царская
цензура. Маковицкий намеревается
опубликовать за границей и другие
произведения Толстого. С этой целью
он в конце ноября 1897 г. отправляет-
ся в Ясную Поляну, где задерживается
всего два дня. Толстой встречает его
радушно и записывает в своем дневни-
ке в день его прибытия: «Нынче утром
приехал Маковицкий, милый, кроткий,
чистый. Много радостного рассказал
про друзей». А затем: «Главное, за это
время был Душан, которого я еще боль-
ше полюбил... Он сказал, что так как он
невольнo стал моим представителем
в Венгрии, то как ему поступать? Я рад
был случаю сказать ему и уяснить себе,
что говорить о толстовстве, искать
моего руководства, спрашивать мое-
го решения вопросов — большая и гру-
бая ошибка. — Никакого толстовст-
ва и моего учения не было и нет, есть
одно вечное, всеобщее, всемирное учение
истины, для меня, для нас особенно ясно
выраженное в евангелиях»³.

В Словакии отношение к толстов-
ству, дружбе Маковицкого с русским
писателем и его издательской дея-
тельности было негативным. Стар-
шее поколение литераторов во главе
со Св. Г. Ваянским открыто выражало

¹ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života.
Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch.
S. 66

² Булгаков В. Д. П. Маковицкий (1866–1921) // http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0160.shtml

³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений.
Т. 53. С. 166, 168

свое неприятие не только Маковицкого, но и Шкарвана. Ситуация накалилась после публикации известным славянофилом А. И. Добрянским статьи под названием «Плоды учения гр. Л. Н. Толстого» (1896), содержащей богословско-философскую критику Толстого с православных традиций. В этой статье Добрянский пишет об опасности толстовства в конкретной историческо-политической перспективе. Добрянский критически оценивает, в частности, толстовский пацифизм и его теорию непротивления, называя ее врагом славянской идеи и утверждая, что приверженность толстовству влечет за собой поражение славянства в грядущей ему славянско-германской войне. В статье говорилось: *«Немцы и другие западники восхищаются, комментируют и превозносят гр. Л. Н. Толстого по известным причинам, но и тем у них все кончается. Чтобы среди них нашлось много последователей гр. Л. Н. Толстого, этого, вероятно, опасаться не нужно. Зато учение Толстого с разрушительной силой распространяется среди славян, в первом же ряду среди словаков»*¹. Статья была напечатана Ваянским в газете «Народные новости» вместе с его комментариями по поводу того, что Добрянскому удалось «разгромить» толстовство. Относительно увлечения Маковицкого толстовским учением он со свойственной ему резкостью писал: *«...во всей Словакии не найдется ни одного зрелого в национальном отношении человека — старого или молодого, — который бы одобрил толстовские заблуждения и попытку их реализовать у нас. По-*

*этому было бы проявлением большой "гордости" — если не хуже — со стороны Душана Петровича (Маковицкого) не учитывать мнение этого большинства и продолжать пропагандировать секту, к которой у нас относятся столь неодобрительно»*².

Молодежь в противовес «отцам», объединившись вокруг вновь созданного журнала «Глас» (1898–1904), отнеслась к деятельности Маковицкого и «толстовству» более благосклонно. Просьбу Маковицкого о том, чтобы «Глас» публиковал Толстого, поддерживал Т. Г. Масарик, который был духовным «отцом» «гласистов». Однако уже очень скоро стало ясно, что реализовать это не удастся и что молодежь также не намерена пропагандировать труды Толстого. Для Маковицкого наступили трудные времена: против него ополчились венгерские власти, полиция дважды проводила обыск в его доме, конфисковав некоторые книги, общественная деятельность была ему заказана, его статьи и переводы никто не хотел публиковать.

Однако как бы в противовес неприятию толстовства и самого Маковицкого у него на родине активизируются его зарубежные связи. Ему присылают книги русского писателя, изданные в разных странах, в его квартире в г. Жилина останавливаются друзья Толстого. Среди них: Х. Н. Абрикосов (1901 г.), А. И. Сиротинин (1905 г.) и др. Позже, в своих воспоминаниях «Двадцать лет около Толстого» Х. Н. Абрикосов не обошел вниманием фигуру Маковицкого, которая произвела на него сильное впечатление. Он писал: *«Душан Петрович был страстный поклон-*

¹ Плоды учения гр. Л. Н. Толстого. Кн. 1. СПб. 1896. С.7

² Vajanský Sv. H. Národné noviny. Č. 74. 8.4.1897

ник Льва Николаевича; он жил в городке Жилина и занимался там врачебной практикой. На свои средства он издавал на словенском языке (здесь дается словацкое произношение словацкого языка: *slovenský jazyk* — А. М.) легенды Толстого и другие писания для народа и называл свои издания “Словенский Посредник”. Переводил с русского на словенский для этого издания Шкарван. Так что они были первые распространители Толстого в Венгрии, и мы их называем Кириллом и Мефодием...

Ночью 11 декабря я сошел с поезда в маленьком карпатском городке Жилина.

Проведя с Душаном неделю, я всей душой полюбил его и привязался к нему. Это был редкий человек, удивительно скромный, — употребляя сравнение Толстого — без всякого “знаменателя”. Про него можно было сказать, что он был настоящим христианином, всегда готовым самоотверженно служить другим, как в крупном деле, так и в жизненных мелочах. В Жилине у него была огромная практика среди бедного крестьянского населения. Каждый день у него был прием на дому, и каждый день его увозили к больным. Чтобы показать мне любимый Словенск (Словакия — А. М.), он в свои поездки брал меня с собой...

В мелочах он был себе верен также. Если предлагали ему яблоко, то он выбирал себе самое плохое...

Душан познакомил меня со своим отцом и братьями. Несмотря на свои преклонные годы, отец Душана был бодрый старик. Интеллигенция словенская была заражена русофильством; на русских и на Россию смотрела с каким-то восторгом, ожидая от нее избавле-

ния от мадьярского ига. Мое революционное настроение было непонятно словакам.

— Много нашествий выдержала Россия, — сказал мне Маковицкий, — нашествие татар, шведов, французов, и что же? Ее собственный сын Толстой теперь поднялся на нее. Это учение о непротивлении злу ужасно. Немцы придут и завоюют Россию, единственную надежду и опору угнетенных славян¹.

Побывав в гостях у Маковицкого и писатель А. Н. Сиротинин, о чем он рассказал в одной из глав своей книги «Славяне и Россия», охарактеризовав словацкого доктора следующим образом: «Искренний, прямой, последовательный Маковицкий в Толстом любил простоту жизни и благородную последовательность славянского ума... Сам Маковицкий — один из тех людей, у кого нет пропасти между словом и делом, между убеждением и жизнью. Уверовав в истину учения Толстого, он всю свою жизнь перестроил по толстовскому идеалу, а после 1905 г. и сам переехал в Ясную Поляну к тому, чье каждое слово было для него законом и чуть ли не откровением»².

В период острых полемик, которые разгорелись в Словакии вокруг имени русского писателя и его учения, Толстой пишет своему словацкому другу: «Дорогой Душан Петрович! Очень, очень давно я не был с Вами в непосредственном контакте и ничего не знаю о Вас, чего мне очень жаль. Как пожи-

¹ Абрикосов Х.Н. Двадцать лет около Толстого // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/l2c/l2c2377/htm>

² Сиротинин А. Россия и славяне. СПб. 1913. С.334

ваете? Чем занимаетесь? Как служите себе, людям, богу и кому более всего? Я бы желал, чтобы Вы служили более всего богу и менее — себе. Зная Вас, я уверен, что Вы так и делаете без моего пожелания...»¹.

Следующая встреча Маковицкого и Толстого состоялась уже в Крыму зимой 1902 г., куда русский писатель прибыл по совету врачей. Маковицкий отправился в Крым с намерением передать Толстому изданные за рубежом его произведения и одновременно забрать у него новые рукописи. В Крыму он впервые встретился с А. П. Чеховым и М. Горьким. В то время Чехов был уже довольно хорошо известен в Словакии. Его произведения читали и обсуждали студенты в обществе «Детван». Эти два интеллигентных и скромных человека легко сблизились, и между ними установилось взаимопонимание. Маковицкий, видя перед собой тяжело больного человека, пригласил Чехова приехать на лечение в Словакию. Чехов подарил ему свою фотографию, где он был снят вместе с Горьким. Позже — в феврале 1903 г. и 16 июля 1904 г. — Маковицкий посылал приглашения Чехову посетить Словакию. Узнав, что тот находится на лечении в Баденвайлере, он предлагает Чехову на обратном пути задержаться в Словакии. В своем письме к Чехову Маковицкий пишет: *«Глубокоуважаемый Антон Павлович! Позвольте снова обратиться к Вам с просьбой посетить Словакию и Русинов в северной Венгрии. Для нас это было бы большой радостью и редкостью. А Вам будет*

очень интересно познакомиться с нашим народом, его жизнью и деятельностью “интеллигенции”. Кроме того, наш край прекрасен. Вам необходимо узнать Славян.

Из великих русских писателей — кроме Гоголя (и Ламанский у нас бывал) многие посещали Прагу и тогдашних будителей чешского народа. Однако никто из них не посетил слабых северных австро-венгерских Славян, а ведь русские писатели всегда на стороне слабых. Посещения Русских нам очень дороги, они укрепляют наш дух.

Для вас, Русских, является прямой обязанностью забота хотя бы о своих соплеменниках — Русинах, которые погибают; причины: алкоголизм, угнетение венгерским правительством... эмиграция в Америку, сифилис — главным образом среди Гуцулов.

Я не могу писать так, как мне хотелось бы. Возможно, жалобы на нашу слабость и злобу недругов противоречат Вашим мыслям. И все же постарайтесь приехать. Я — в Вашем распоряжении. Если Вы пожелаете, я могу встретить Вас в Вене, или в Праге, или в Жилине, где проживаю.

С глубоким уважением Душан Петрович Маковицкий

Жилина. 16. VII. 1904»²

Когда Маковицкий писал это письмо, он еще не знал, что Чехов уже умер. Его письмо вернулось обратно с пометкой «мертв».

В четвертый раз Маковицкий приезжает в Ясную Поляну осенью 1904 г., приняв предложение С. А. Толстой остаться там в качестве лечащего врача Льва Николаевича и заменив доктора Д. В. Никитина, который в на-

¹ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 96

² Там же. С. 116–117

чале русско-японской войны ушел на фронт. Уехав затем на несколько дней домой с целью уладить свои дела, он возвращается в Ясную Поляну уже врачом и душеприказчиком своего друга. Толстой с интересом расспрашивал его о том, как отнеслись к такому решению близкие Маковицкого, его семья, отец. Позже в своем дневнике Маковицкий напишет, что ехал в Ясную Поляну на три-четыре месяца, а остался там на шесть лет, до самой кончины Толстого.

Покинуть родные места, своих родственников и пациентов Маковицкому было непросто: отец возражал против отъезда сына, человека, который бы мог заменить его, как врача, найти было сложно. Он пишет своему другу, что ему не хотелось бы оставлять место врача, не найдя ему замену. Он даже пишет письмо М. Кукучину с просьбой заменить его. Однако Кукучин был уже далеко, в Далмации, где он работал врачом. И только когда его чешский соученик, друг и «толстовец» Иван Галек решился отправиться в Жилину, Маковицкий успокоился. Однако жители города, рабочие, крестьяне глубоко сожалели о своей потере. Так, из один тамошних крестьян писал ему, что *«мы, словаки, считаем, что вы для нас уже потеряны... я никак не хочу укорять вас за то, что вы покинули свой народ и уехали за границу. Дело, для которого вы покинули нас, я считаю добрым делом, — вам остается только продолжить начатое. Никто в этом не должен ни мешать, ни препятствовать вам. О вас в нашем крае говорят много хорошего... Вам самим хорошо известно, что наш народ привык к вам и считает вас своим*

*отцом. Все жалеют о вашем отъезде. Так что, если можете, возвращайтесь поскорее в Словакию»*¹.

В свою очередь Маковицкий пытается обосновать необходимость своей поездки отцу. В одном из писем, он, в частности, пишет: *«Меня мучает, папа, что я доставляю тебе беспокойство и что вожу за нос больных в Жилине. Однако и здесь я нахожусь не зря, я надеюсь, что тут, у Льва Николаевича, я научусь тому, что мне самому будет полезно. Я отправлялся сюда с намерением, что все свободное время посвящу постижению учения Л. Н-ча и медицины. К сожалению, это не получается. Здесь бывает столько интересных людей, столько интересных разговоров, а в самой России происходит так много всего, о чем узнаешь из газет, писем, которые пишу под диктовку Л. Н-ча..., здесь все для меня ново: край, люди, природа, зима со всеми ее красотами и т. д. ...»*²

Одним из главных занятий Маковицкого в Ясной Поляне была помощь Толстому в его литературном труде. Зная множество языков (английский, немецкий, французский, словацкий, венгерский, польский и др.) он помогал ему вести корреспонденцию (секретарь Толстого В. Ф. Булгаков называл Маковицкого «государственным секретарем иностранных дел»), переписывать рукописи, был одним из первых читателей и слушателей его произведений, порой даже давал советы и делал замечания по поводу услышанного.

¹ Цит. по: Колафа С. Д. П. Маковицкий // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2>

² Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 128

Помимо литературных занятий Маковицкий лечил Толстого, членов его семьи. Не обходил своим вниманием он и местных крестьян. Распорядок его дня был строгим и четким: до обеда он принимал пациентов, а затем, если была необходимость, посещал их на дому. Когда приглашений к больным не было, находился в обществе Толстого и близких ему людей. Жил он небогато, жалованье получал от Толстых в размере 155 рублей, хотя и настаивал на том, что ему бы хватило только жилья и питания. Словацкие родственники присылали ему старую обувь, поношенную одежду, а, случалось, иногда и новые рубашки, которые он отдавал местным умельцам вышить. Как вспоминал В. Булгаков, «у этого врача, помимо профессиональных, медицинских дознаний в том или ином объеме, было еще другое не менее ценное свойство: способность бескорыстного самоотверженного служения своему делу. Маковицкий с честью представлял собственно русскую, пироговскую, традицию медицинского служения как служения гуманного, служения общественного. Пробыв пять лет в Ясной Поляне, при жизни Льва Николаевича, он как врач-подвижник не изменил себе ни разу: на тряской телеге разъезжал по округе с радиусом верст в сорок и совершенно бескорыстно или за 5-копеечные гонорары лечил крестьян многих деревень, бесплатно раздавая лекарства, делая перевязки, оперируя, помогая роженицам. Ни дождь, ни снежная вьюга, ни недомогание, или утомление, ни приятное общество Льва Николаевича и избранных гостей последнего не могли ни на минуту задержать Душана Петровича, если приходил лакей и до-

кладывал, что “за доктором приехали” из какой-нибудь далекой деревни... Самоотверженность Душана Петровича поражала»¹.

Много времени занимали беседы с Толстым во время прогулок и верховой езды. Жизнь в России рядом с Толстым Маковицкому ему все больше и больше нравилась (в Дневниках Толстого часто упоминается об этом). Словацкий доктор много рассказывал Толстому о славянах, их истории, политическом положении, культуре. Толстой очень высоко ценил это. Порой Маковицкий сам вызывал Толстого на разговоры о славянах. По этому поводу писатель как-то даже заметил, что благодаря Душану Петровичу мы узнаем «таких интересных людей, как славяне». По всей видимости, именно беседам с Маковицким Толстой обязан своим обращением к фигуре деятеля чешской культуры эпохи средневековья — П. Хельчицкому, его произведению «Сеть веры», отрывки из которого он включил в «Круг чтения». Многие дали эти беседы и самому Маковицкому, о чем он написал в одном из своих писем в Словакию. В частности, в нем говорилось: «Я здесь нахожусь не напрасно. Я и сам развиваюсь в духовном отношении, расширяется мой общественно-политический кругозор, знакоюсь с различными русскими и зарубежными деятелями и в то же время возбуждаю в них некоторый интерес к словакам, славянам... У русских я обнаруживаю гораздо больше сочувственного внимания к славянам, любви

¹ Булгаков В. Д. П. Маковицкий (1866–1921) // http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0160.shtml

к ним, чем в первые свои посещения...»¹. На это обратил внимание и И. Ф. Булгаков: «*Душан Петрович любил русский национальный характер и Россию вообще. Он был славянофилом и русофилом старого консервативного толка. Он считал, что славяне должны объединиться вокруг России. Душан Петрович старался привлекать внимание Толстого к жизни и положению малых, угнетенных славянских народов, в частности, Чехии и Словакии. Если Толстой получал приветствие от какого-нибудь славянского съезда или объединения, то Душан Петрович ревниво следил за тем, чтобы Лев Николаевич соответствующим образом на приветствие откликнулся. Он вообще играл роль своего рода “адвоката славянства” в Ясной Поляне и в России*»².

Однажды на вопрос А. И. Сиротина как ему живется в Ясной Поляне, не грустит ли он по дому, близким, Маковицкий ответил: «...у меня такое ощущение, что я живу в самом центре мира. Кого здесь только не встретишь! А сам Толстой! С тех пор, как я живу в России со Львом Николаевичем, я не опасаясь за судьбу Славян, так как Словаки уже осознали необходимость жить не только для себя, но и для других...»³.

Маковицкий не собирается покидать столь полюбившиеся ему места и людей. Он совершенствует свои зна-

ния в области русского языка: регулярно у деревенского учителя берет уроки. В своих письмах и записках он всячески хвалит свою жизнь: «*В России живется лучше, чем в Словакии, не то чтобы здешние места были красивее — возвышенности, холмистая местность и равнина — везде по-своему красиво и одинаково чарующе. Но в России все милее, спокойнее, нет такой враждебности, вредности, высокомерия, как у нас, нет столько евреев, учреждений и бессмысленных школ, горделивого духовенства*», — пишет он⁴. Дело в том, что Маковицкий неприязненно относился к революционным преобразованиям и к революционерам, которые, с его точки зрения, нарушают порядок и спокойствие в обществе. За это значительную часть вины он возлагал на евреев, среди которых было немало радикально настроенных людей. В. Ф. Булгаков вспоминал, что Толстой не раз советовал ему преодолеть в себе это чувство. «*Если бы не этот недостаток, то Душан был бы святой*», — говорил Лев Николаевич о своем друге»⁵.

С большим уважением и любовью Маковицкий относится к ближайшему окружению Толстого: Черткову, В. Ф. Булгакову, Н. Н. Гусеву и др. В сентябре 1907 г. ему посчастливилось встретиться с художником Репиным, который приехал навестить своего старого друга и который много рисовал Толстого. Об этом, как и многих других событиях, Маковицкий поведал в своих дневниках — «Яснополянских записках», — которые он вел на протя-

¹ Цит. по: Колафа С. Д. П. Маковицкий // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2>

² Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. Тула. 1970. С. 203

³ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 135

⁴ Там же. С.139

⁵ Булгаков В. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С.117

жениии нескольких лет жизни в Ясной Поляне. Со свойственной ему пунктуальностью и наблюдательностью все, что видел и слышал в доме Толстых, он записывал. У него всегда были с собой карандаш и маленькие карточки, на которых он делал свои заметки — сначала на словацком, а позже — на русском языке. Маковицкий не стремился к тому, чтобы его записи носили странный характер: он записывал все подряд, начиная с самого утра, когда Толстой, проснувшись, выходил из своей спальни, и вплоть до вечернего отхода семьи ко сну. Подробно фиксировал он посещения дома Толстых гостями, знакомыми, крестьянами, единомышленниками великого писателя. Мы видим его в естественной обстановке, в кругу семьи, близких людей, за работой и на прогулках. Слышим живую разговорную речь. Однажды Маковицкий записал: *«Хорошо говорят у Толстых, правильно, выразительно, художественно, особенно сам Л. Н. Он не говорит на а. Читает так, что и не заметишь, что читает из книги, как будто рассказывает. Интонация мастерская»*¹. Многие описания очень живые и красочные. В его записках воссозданы рассуждения Толстого на разные темы и по разным поводам. По сути, вся жизнь писателя с ее радостями, волнениями, разочарованиями, буднями и праздниками проходит у нас перед глазами. Мы узнаем, о творческих планах Толстого, что он читал, какую музыку любил, как восторгался природой, как оценивал те или иные политические события

в России и за рубежом. В итоге Толстой предстает пред читателем не только как великий писатель, философ, проповедник, но и как обычный человек, со своими слабостями, пристрастиями и недостатками.

По ночам Маковицкий переписывал свои заметки в тетради, многое приходилось расшифровывать, дописывать по памяти, дополняя изложенное своими впечатлениями об увиденном и услышанном в течение дня. За 6 лет он исписал 64 тетради, каждая из которых имела 80–100 страниц. То есть в общей сложности им было исписано 6 346 машинописных страниц. Толстой сначала не подозревал об этом, но потом, узнав, не возражал, хотя порой его несколько стеснял записывающий Маковицкий, который это в свою очередь чувствовал. Он даже как-то записал о том, что у него есть ощущение, что мешает Толстому свободно разговаривать с посетителями, ибо тому было неловко повторять уже сказанное ранее другим. В шутку Маковицкий иногда сравнивал себя с И. П. Экерманом, а свой труд — с его «Разговорами с Гете в последние годы его жизни» за одним исключением: Гете читал и правил записи, Толстой никогда их не видел. Вот как позже Маковицкий вспоминал об этом: *«Я записывал иногда по памяти, а иногда во время разговоров я незаметно старался записать все, что успевал, отдельные выражения и даже целые высказывания Льва Николаевича. Когда все ложились спать, я садился и начинал переписывать все то, что за день записал на своих листочках, стараясь по этим запискам восстановить разговор. К сожалению, довольно часто я не успевал за одну ночь все пе-*

¹ Зайденштур Э. Е. «Яснополянские записки». Их место среди других дневников о Толстом // [http:// feb-web.ru /feb/tolstoy/critics/mal/mal-050-.htm?cmd=2](http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-050-.htm?cmd=2)

реписать: я плохо себя чувствовал или очень устал, тогда я переписывал на второй, третий день или даже позже»¹.

Говоря об отношении Маковицкого к Толстому, а с другой стороны, к событиям, связанным с жизнью в Словакии, нельзя не упомянуть историю, связанную с местечком Чернова близ Ружомберка, которая произошла в октябре 1907 г. Суть произошедших событий следующая. Жители Чернова построили у себя костел, который должен был освятить А. Глинка, чему воспротивилось верховное духовенство. Однако жители стояли на своем. Венгерские власти воспользовались этой ситуацией, послав против мирных людей жандармов. Итогом этой акции стало множество погибших и раненых жителей Чернова, о чем в венгерском сейме рассказал депутат от Словакии патриот М. Годжа. Информация о кровавой расправе распространилась в Европе. Одним из первых на нее отреагировал Б. Бьернсон, встав на защиту несчастных словаков. Одновременно ширились слухи, что якобы Толстой направил письмо в поддержку словаков и Бьернсона, опубликовав его в «Русском слове». Бьернсон даже послал Толстому благодарственное письмо. В действительности же дело обстояло иначе. Об истинном положении вещей Маковицкий сообщил в своем письме Й. Шкультеты, в котором, частности, говорилось, что редакция газеты, действительно, обратилась к Толстому с вопросами по поводу случившегося, но он на них не ответил, сказав, что приписываемое ему письмо — фальшивое, что ему ничего об этом не известно и что вообще он слишком занят

и стар для политики. Несмотря на многочисленные обращения со стороны словаков с просьбой поддержать их, Толстой был непреклонен. В итоге Маковицкий написал в газете «Словенский обзор»: *«Толстой не выступил вместе с Бьернсоном в защиту Словаков или против венгерского шовинизма. Упомянутое письмо в “Русское слово” Толстой не посылал».* И в заключение: *«среди ныне живущих писателей Толстой является самым ярким противником шовинизма. Д-р Душан Маковицкий мог бы предоставить тому довольно много подтверждений»².* Как утверждает словацкий исследователь Т. Винклер, *«именно тогда Маковицкий был навсегда потерян для своей любимой Словакии, полностью восприняв мысли своего учителя»³.*

Действительно, ни письма друзей, ни увещевания родных не могут заставить Маковицкого покинуть Ясную Поляну. В нем зреет решение, что до последних дней жизни он останется с любимым учителем. Однако на сообщение о болезни отца, полученное из дома в начале 1908 г., он реагирует моментально: попрощавшись с Толстым, отправляется в Ружомберок. Состояние здоровья отца нестабильное, но не критическое. Поэтому, узнав о том, что Лев Николаевич болен, Маковицкий, несмотря на настоятельные просьбы отца, не раздумывая, отправляется в обратный путь. Прибыв в Ясную Поляну, он самоотверженно заботится о больном, порой целыми сутками не отходит от его постели. Между тем из дома постоянно приходили сообще-

¹ Там же. С. 131–132

² Slovenský obzor. Č.9. 1897. S.663

³ Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S. 152

ния о слабом здоровье отца. И в начале сентября 1909 г. Маковицкий все же решает вновь поехать в Ружомберок. Толстой, по свидетельству близких, очень тосковал без своего друга, называя его «святым» и говорил о том, что он не может без него жить. И на сей раз, пробыв дома меньше месяца, Маковицкий вновь, вернулся в Ясную Поляну.

В Ясной Поляне по-прежнему жизнь была очень оживленной: много гостей, посетителей — не только из России, но и зарубежных; вместо Гусева личным секретарем становится Булгаков. В числе зарубежных гостей — Т. Г. Масарик, который, предварительно попросив разрешения навестить Толстого, 29 марта 1910 г. в третий раз встречается с ним. Они подолгу беседуют. И, как пишет Маковицкий в своих записках, *«Толстой сказал о Масарике, что он — славянин и сердечный человек, что в нем нет немецкого доктринерства, педантизма и что он узнал его как человека, который живет сообразно со своими чувствами»*¹.

Между тем обстановка в доме Толстых накалялась, о чем пишет Маковицкий в своих записках. Участились конфликты Толстого с Софьей Андреевной, которую Маковицкий называет *«неврастеничной, истеричной, душевно больной особой»*. Поводов для скандалов было немало. Среди прочих — вопрос о завещании. Последний вариант был подписан Толстым в лесу, в кругу близких людей 22 июля 1910 г. Все права на свои рукописи он передавал своей младшей дочери Александре Львовне на условиях, что она выкупит у родственников все земли и раздаст их крестьянам, а его произведения будет

печатать бесплатно. Софья Андреевна объясняла подобное решение влиянием Черткова. Обострились конфликты с сыновьями. Маковицкий в те дни делает пометку в своих записках, о том, что обстановка в доме напряженная. В письме к своему брату в Ружомберок он пишет: *«ни тиф, ни холера не были так страшны, ибо хуже всего — безобразия, которые творит Софья Андреевна... и которая умеет рассердить в доме всех... отношения в семье Толстых страшно напряженные и состояние здоровья Софьи Андреевны и Льва Николаевича держится на ниточке, которая может лопнуть»*². Не менее горьким было и письмо Маковицкого, обращенное к А. Шкарвану, в котором он жаловался на Софью Андреевну: *«Нам бы уже следовало привыкнуть к ее выходкам и не обращать на нее внимания, но у нас это не получается, Лев Николаевич уже близок к тому, чтобы бежать из дома. Она бежит к нему каждую минуту, следит за тем, что он пишет, подозревает его в том, что они что-то замышляют с Чертковым. Мне стыдно писать тебе о ней, жаловаться на нее. Мы все уже видим, что ее болезни (нервы, истерия, параноя) — на 95% притворство, и мы даем ей это понять, только Лев Николаевич не может... Лев Николаевич все тяжелее и тяжелее переносит эту домашнюю обстановку...»*³. В этой ситуации Маковицкий все больше опасается за состояние здоровья Толстого, он отмечает в своем дневнике, что домашняя обстановка сокращает ему жизнь.

Несмотря ни на что, душевное и физическое состояние самого Маковицкого

¹ Там же. С. 175

² Там же. С. 182

³ Там же. С. 186–187

го было бодрое. Как пишет он в своих заметках, он все явственнее ощущает в себе внутреннюю силу, его дух крепнет. В письме к отцу есть такие строчки: *«Я счастлив, что встретился с тем, кто мне помог найти веру, с которой следует жить. Поначалу я мучительно искал ее. Теперь я знаю, что нужно, теперь я только над собой должен работать, направлять себя и заниматься самосовершенствованием и делать то, что необходимо... я научился более или менее здешним способам врачевания, языку, общению с людьми, с Толстым, с домашней обслугой... Я научился более или менее выражать свои мысли и писать по-русски, более складно говорить и думать. Я заглянул в мир, увидел, что им движет»*¹.

Когда Толстой решает покинуть дом, он предлагает Маковицкому вместе с ним отправиться в путь, на станцию Шекино. Однако конечная цель их пути была не ясна. Было лишь желание Толстого «уйти как можно дальше». Прибыв в Горбачев, они затем пересаживаются и едут в Казельск. Позже Маковицкий напишет своему брату: *«...мы ушли из дома, не имея определенного плана...кочевали с места на место, для того, чтобы Софья Андреевна нас не нашла, чтобы в течение 2–3-х дней мы оставались в безопасности. Мы даже собирались добраться до Кавказа, а затем в Болгарию или Грецию»*².

Однако, как известно, в дороге Толстой заболел. Его последней жизненной остановкой была станция Астапово. Он уже был в очень тяжелом состоянии, у него была высокая температура, он «дрожал и стонал». По-

степенно стали приезжать знакомые и близкие Толстого. Приехала и Софья Андреевна, однако Толстому ничего не сказали о ее приезде, а ее саму к нему не допустили. Как отмечает исследователь Э. Е. Зайденшнур, *«На протяжении шести лет пребывания в Ясной Поляне Маковицкий проявлял большой такт и мало касался в своих записях семейных отношений Толстого. Но в записях последних месяцев и особенно трагических последних дней писателя все чаще и чаще появляются резкие высказывания относительно Софьи Андреевны: что она будто бы притворялась больной, страдающей, что “все кругом устали от ее притворства и раскусили ее”. Он, врач, казалось бы, должен был понимать, что болезненная истерия, которой страдала Софья Андреевна, дошла за последние месяцы до крайнего напряжения, что истерическая реакция под влиянием сильных раздражителей, имевших место в доме, приняла предельно острые формы»*³.

До самого конца жизни Толстого Маковицкий не отходил от его постели. Когда доктор Усов наклонился над умирающим, тому показалось, что это Маковицкий, но потом, увидев, что ошибся, тот произнес: «Нет, не он». Как пишет Чертков, *«...Лев Николаевич подумал на Усова, что это Душан Петрович, к которому и были обращены его проявления исключительной нежности и любви»*⁴. Именно Маковицкий, по свидетельству сына Толстого, закрыл покойному глаза. Переоценить, что

¹ Там же. С. 184

² Там же. С.191

³ Зайденшнур Э.Е. Ц «Яснополянские записки». Их место среди других дневников о Толстом // [http:// feb-web.ru /feb/tolstoy/critics/mal/mal-050-.htm?cmd=2](http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-050-.htm?cmd=2)

⁴ Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičy. Život a dielo v dokumentoch. S. 194

означала кончина Толстого для Маковицкого невозможно. Т. Винклер пишет: «Умер человек, который был для Маковицкого жизнью, к нему вели все дороги для того, чтобы, в конце концов, полностью слиться с его духовным миром и, наконец, стать частью этого мира. Валерий Булгаков, который был тоже одним из тех, кто составлял космическое духовное пространство Толстого, вспоминал, что последние слова, которые услышал Толстой, были слова Душана Петровича Маковицкого: “Лев Николаевич, увлажните себе рот”»¹.

После смерти Толстого Маковицкий послал в Ружомберок известие родным об этом печальном событии. Он сообщал, что скоро вернется домой, но что потом опять поедет в Россию. «Духовно я оступел от усталости, печали и угрызений совести, — писал он. — Я виню себя (мы все себя виним) в том, что были недостаточно внимательны при уходе за Львом Николаевичем...»². Чтобы как-то отвлечься Маковицкий принимается за работу: он приводит в порядок свой дневник, письма и рукописи Толстого. Вместе с тем он страшно тоскует по дому, родным, от которых приходят известия о болезни отца. Пишет ему и А. Шкарван, выражая надежду на скорую встречу. Но Маковицкий все откладывает и откладывает поездку на родину: он никак не может расстаться с тем, что долгие годы было так близко и дорого его сердцу. В письме к своему брату он даже делает ему весьма неожиданное предложение: «Я хочу, чтобы наша семья не прерывала отношений с Ясной Поляной. — Пишет он. — Месяц назад я уже писал тебе

и теперь вновь повторяю: возьми к детям старшую прислугу Льва Николаевича. Это очень милая девушка, умная, обладающая способностью прекрасно рассказывать детям. У нее красивый тульский русский говор, она непосредственна, проста в общении, как это водится у Русских... Сделай это. И вы будете слушать о Льве Николаевиче, а для детей Лев Николаевич станет живым человеком»³.

Наконец, в феврале 1911 г., Маковицкий решается уехать из Ясной Поляны. Его пребывание в родном доме было омрачено кончиной отца. И уже через несколько месяцев, в мае 1911 г., он снова возвращается в Ясную Поляну, где в это время обстановка весьма осложнилась главным образом в связи с завещанием Толстого. В сентябре того же года Маковицкий посещает Баден-вейлер, где много работает над своими дневниковыми записями. Ему не нравится общество, в котором он оказался, в соответствии с толстовским учением он убеждает состоятельных отдыхающих изменить свой образ жизни.

И снова — Ясная Поляна, совместная с Чертковым, Гусевым и др. работа над рукописями Толстого с целью их издания. Маковицкий сетует на то, что не стенографировал, а то, как он выразился, его записки стали бы «сокровищем человечества». Однако в целом Маковицкий доволен жизнью и даже счастлив. Он обретает покой в осознании того, что он живет в соответствии с толстовским учением: «Мне живется как никогда прежде легко. Раньше меня мучило, я не знал, для чего живу на этом свете, что есть правда...Отныне мои сомнения исчезли, я спокоен, меня

¹ Там же. С. 197

² Там же. С. 198

³ Там же. С. 202

мучает лишь сознание того, что я должен жить в соответствии с познанной мною правдой»¹.

Друзья и знакомые Маковицкого всячески содействовали изданию его дневниковых записей, они с большим интересом работали над текстами. В этой ситуации его единственное желание — оставить за собой право на их последнюю редакцию. Однако из-за разногласий с Чертковым, которому не понравились строчки, касающиеся его персоны, издание дневников откладывается. В свое оправдание Маковицкий говорит о том, что каждое слово, занесенное в дневник, было произнесено Толстым, что он лишь старательно и тщательно записывал все то, что слышал своими ушами. Он ведет переговоры с зарубежными издателями и переводами, намереваясь опубликовать записки в Европе и Америке. Их издание в Словакии планировалось на 1914 г. Однако Первая мировая война нарушила не только спокойное течение жизни, но и планы по изданию рукописи. Маковицкому так и не удалось при жизни увидеть опубликованные записки. В литературной обработке Н. Н. Гусева в виде двух небольших книжек они увидели свет в России в 1922 и 1923 гг. И лишь в 1979 г. они были полностью, в 4-х книгах, опубликованы в серии «Литературное наследство». В Словакии, к сожалению, рукопись до сих пор не опубликована.

В начале войны вместе с группой 42 толстовцев Маковицкий подписывает антивоенное воззвание «Опомнитесь, люди-братья!», автором которого был В. Булгаков, за что более года — с января по декабрь 1915 г. — Маковицкий

провел в тульской тюрьме, где его навещали Софья Андреевна и дочери Толстого — Татьяна и Александра. Российская интеллигенция протестовала против ареста Маковицкого. Известно письмо, подписанное академиком Отделения русского языка и словесности А. А. Шахматовым, в котором говорилось: *«Мы, нижеподписавшиеся члены названного Отделения, а также ряда изящной словесности, имевшего в своем составе почетного академика Л. Н. Толстого, встревожены постигнутой Д. П. Маковицкого участью. Мы помним о том значении, какое имел Д. П. Маковицкий в личной жизни нашего великого писателя, и о неоценимых услугах, оказывавшихся им в течение многих лет гр. Л. Н. Толстому... Он всегда выражал свою любовь к России...»²*

Из заключения Маковицкий возвращается в Ясную Поляну, вновь занимается лечебной практикой. Живет он в уединении, бедности и при этом не берет плату с больных. Свое собственное состояние он характеризует как уход «в христианское мировоззрение и понимание Л. Н.». Вместе с тем, он живо интересуется событиями, происходящими в Ясной Поляне и России, о многих из них ему рассказывают его пациенты, и они ему вполне нравятся. В его дневниковых записях есть, например, отклики на февральскую революцию, типа *«Правительства нет, есть какие-то комиссары, советы и солдаты. Теперь стало спокойнее, безопаснее, радостнее, дружески, чем прежде... Повсюду митинги, речи,*

¹ Там же. С. 212

² Цит. по: Колафа С. Д. П. Маковицкий // <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2>

речи...»¹. В этой ситуации он все чаще и чаще обращает свой взор к Словакии и своим соотечественникам, решительно осуждает участие словаков в войне, думает об их будущем, судьбе и предназначении, главное из которых, по его мнению, — стать «сынами божьими», «найти в себе бога». Он пишет: *«Мы не должны допустить, чтобы люди богато одевались, чтобы они обслуживали друг друга, чтобы жили в роскоши, говорили по-немецки, по-французски, по-венгерски, чтобы ходили в театры, сидели на передних скамейках в костелах, чтобы в школах их дети имели привилегии, пили вино, пиво, ели мясо... Этого нет в словацких национальных программах. Сознательные Словаки, мы идем путем господским, паразитическим»*². Так, по-своему, выражает он взгляды любимого учителя.

Маковицкий спокойно встречает октябрьскую революцию в России, ему импонирует, что власти разумно распорядились землей, отменили торговлю алкогольными напитками, прекратили международную торговлю и т.п. В своем дневнике в декабре 1917 г. он отмечает, что закончился век господства одной нации над другой, человека над человеком. Он категорически отказывается принять участие в качестве врача в действиях чехословацкого корпуса, сформированного в Сибири из военнопленных чехов и словаков, призывая соотечественников опомниться, заняться мирным трудом в соответствии с заветами Толстого.

Весной 1919 г. Маковицкий слег от тяжелой болезни — сыпного тифа. Положение осложнилось тем, что заболевание сопровождалось воспалением легких, почек, экземой. На протяжении почти полутора лет, проведенных им в постели, за ним ухаживала местная фельдшерица Матрена Орехова, которая самоотверженно боролась за его жизнь. После выздоровления Маковицкого она сама тяжело заболела. На сей раз он заботился о ней. Некоторое время спустя, он делает ей предложение, но Матрене тогда было уже 53 года, и она отказывает Маковицкому. Тогда он делает предложение родственнице Матрены Ореховой, тоже Матрене Ореховой, которой в то время было 32 года. 23 марта 1920 г. брак был заключен, а 21 октября 1920 г. Маковицкие отправляются в Словакию. Домой они добрались лишь через месяц. Исхудавший, усталый, в старом пальто, присланном ему братом еще в 1911 г., — таким он предстал перед родными в Ружомберке.

Своей радости по поводу прибытия домой Маковицкий не скрывал, утверждая, что дома и стены помогают. Силы его понемногу восстанавливаются. Его посещают друзья и знакомые, он получает много писем из Европы, на которые сразу же отвечает, пытается работать над своими дневниками, мечтает об издании произведений Толстого. На предложение братьев занять место врача в санатории отвечает отказом, так как, по его словам, его больше привлекает лечение не тела, а души человеческой. В одном из писем своему чешскому другу и последователю толстовского учения Галеку он пишет: *«Я все еще не нашел, где обосноваться:*

¹ Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S.219

² Там же. С. 220

материальные затруднения, ощущение старости, сознание, что ослабел, лишился воли, энергии...»¹.

Постепенно душевное состояние Маковицкого ухудшается. Даже пребывание в санатории в Пиештянах не приносит успокоения: он тревожится за свою Матрену, которая никак не может привыкнуть к новой жизни, за еще не родившегося ребенка. Не находит он понимания и среди родных, считающих его чудаком. В отчаянии он пишет из санатория брату: «...Приезжай! Мне все хуже, я падаю духом, тело мое слабеет...»². Это письмо словацкий исследователь Т. Винклер назвал зовом о помощь, который остался без ответа.

Обстоятельства смерти Маковицкого описаны в письме его племянника к отцу, где, в частности, говорится: «Я телеграфировал Вам, что дядя Душан скончался. Он покончил с собой. Он не явился на обед, мы искали его. Прислуга видела, как он поднимался на чердак. Мы пошли туда, и нашли его там повешенным. Вчера после полудня он вернулся из Пиештян... По возвращении он сразу же стал жаловаться на то, что его так мучает... Его письма из Пиештян являются свидетельством его душевной апатии и его отчаяния. К примеру, в одном из них как бы в доказательство своего бедственного состояния он упоминает о том, что уже подумывал и о самоубийстве...»³.

В. Булгаков в своих воспоминаниях писал: «Я был через три года на этом

чердаке, видел балку, на которой висело когда-то тело бедного друга, — мрачная картина! Мрачные, жестокие ассоциации!... Конеч, какого из всех последователей Толстого меньше всего можно было ожидать именно от Маковицкого. Похоронен Душан Петрович на протестантском кладбище, на одном из окружающих Ружомберок холмов. От его могилы с простым низеньким белым крестом открывается чудный вид на живописный горный хребет кроткой, патриархальной славянской Словакии. В ближайшее после кончины толстовского доктора воскресенья католический ксендз Андрей Глинка произнес пламенное слово на тему о печальной судьбе отрекающихся от учения истинной церкви людей — таких, как доктор Душан Маковицкий, воспитанный в протестантизме и кончивший тем, что приклонился к погубившему его учению русского атеиста Толстого...»⁴

Жена Маковицкого осталась в Словакии, работала сестрой милосердия. Она разговаривала на забавном языке, мешая русские и словацкие слова. Этот язык В. Булгаков определил как «душановский». Дочка Анюта, которая появилась на свет уже после кончины отца, воспитывалась сначала у А. Шкарвана, а затем в семье своего дяди, брата Душана — Владимира, президента Словацкого банка в Братиславе. По свидетельству В. Булгакова, она была очень похожа на своего отца — «такая же бледная и тихая, как он». Оставшиеся после Маковицкого рукописи, обрывки бумаг Толстого по желанию Матрены В. Булгаков продал за 25.000 крон Национальному Музею в Праге,

1 Цит. по: Колафа С. Д. П. Маковицкий // Колафа С. Д. П. Маковицкий // [http:// feb-web.ru / feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2](http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/mal/mal-032-.htm?cmd=2)

2 Цит. по: Winkler T. Tragické hľadanie života. Dušan Makovičský. Život a dielo v dokumentoch. S.233

3 Тамже. С. 234–235

4 Булгаков В. Д. П. Маковицкий (1866–1921) // [http:// az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0160.shtml](http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_0160.shtml)

передав полученные деньги в качестве приданого Аняте.

Известие о кончине Душана Маковицкого взволновала многих деятелей словацкой культуры. Известный словацкий поэт Павол Орсак Гвездослав в письме Йозефу Шкультеты от 12.12.1910 пишет: *«Это память о Толстом. Ведь мерзко думать: злюсь, печалюсь, как отнеслись заостене-*

лые русские дуболомы к этому самому крупному и, без сомнения, самому лучшему сыну России, когда дело коснулось смерти его и похорон: — ничтожества духовные и — определенно — моральные!..» В память о великом русском писателе, «самом лучшем сыне России», он посвящает стихотворение, которое долгое время оставалось в рукописи и было опубликовано только в 1952 г.

24 ноября 1910

*Тому 22 года было,
как я похоронил отца
и рядом положил с могилой
той, кого звал короной милой
он сам до самого конца.
Я перед ними встану на колена,
вернется боль ко мне из прежних лет.
Из тьмы времен, из забытья, из плена,
где всё плывет, где мусор, камень, пена,
их образ милый вынесу на свет.*

*Я, памятью, достойной мужа,
из глин наносов, века льдов,
их образ, впечатлённый в стужу,
вдруг силой сердца обнаружу
среди жарких благодарных слов.
Мертвеет боль, — то знак, что эти раны
избавятся от остроты такой.
Умрет тоска, как тень на горной грани,
и испарится в слезном собиранье
на солнице, где кладбищенский покой.*

*Но не сравню свою утрату,
хоть не казалась мне мала,
с той, что, размером не объята,
громадна: даже Русь-мать святу,
Славянство, мир весь обняла;
не сравниваю... Только вспоминаю.
Родни могилы видятся в дали...
печаль невольно мчит к другому краю,
как облако, лечу и замираю:
в Поляне Ясной — свежий ров земли.*

*Там, где легла под дубом вечность,
забот земных оставив прах,*

заданий духа бесконечность,
лет беспокойных быстротечность,
обрел покой свой патриарх:
герой-пророк, поэт орлиной стаи,
ума шахтер в том, как по жизни шел,
все смыслы до последствий открывая
вослед Тому, с заоблачного края,
и знающему истины престол...

Я думал: если патриарха
такого завершился путь,
вся Русь — от нищих до монарха —
пускай она — парча и бархат,
надсадит в страшном плаче грудь,
заплачет горько, жалобные стоны
наполнят мир до самого конца,
сердца колоколов поднимут звоны...
но плачут лишь народов миллионы...
Он жил для них, лишились, нет отца.

Любой народ родного неба
прострет пресветлый дивный склеп,
где свет ему дороже хлеба,
где гордость — главная потреба;
а дух прейдет — светильник слеп,
и мрака чернота припомнит норы.
Ведь так бывает даже в небесах,
когда сгорают солнца жертвой скорой
и, словно слезы, канут метеоры,
золой беды вселенский тлеет прах.

— Кто змей и кто сей грех освищет?
И кто к нему так смело строг?
иль фарисеев мерзких тыща?!
Кто правды ждет — тот Бога ищет,
коль ближний мил — возлюблен Бог!
Вскрывать гнойник, смывать следы разврата,
не закрываться от преславных вех;
не брать — давать! рассвета славить злато,
труду — почет, прощенье виноватым,
быть миролюбцем... разве это грех?

Проведал всю беду в народе:
долину горя видел он
и к райской примерял свободе.
В согласье с сердцем, Духа вроде,
он высшей властью наделен!
Всё, что подверглось в обществе гниению, —
наружу, вон! иначе дом падет,
(строитель он), пилою по растению,

(он садовод); гниль — в печь, а сил скопление
(он знал) — в ядре: там жизнь, цветенье, плод!

Поверья бил, как плевел в поле,
мороки лжи, кумиры каст,
чтоб людскость встала на престоле,
нет, с превеликим сердцем в доле
великий дух пути не сдаст!
Дворцу велел: избе клади поклоны!...
В одно, сказал, земля и хлеб сошлись,
дели её; ... ах, Македонца троны,
и Цезарь — где вы? ... лишь его законы
извечны, как его держава-мысль.

С порога лень отмел сурово,
не встал к семейному ярму,
и до конца пути земного,
великий дух в величье слова,
он служит Богу одному!
Страстей распуган рой: прочь всё, что сорно!
гнать вороньё! пусть стаи голубиц
пособирают идеалов зерна,
чтоб сеять их... и будет благотворно
все, что людьми добыто в поте лиц.

Природной честью он глаголу
открыл исток моральных сил,
он прививал народу школу,
не прибегая к произволу,
сей дух себя осуществил.
При свете разума детей русоголовых
Учил непротивленью бытию.
Я знаю, и Христос бы молвил слово:
Учитель, повторяй народу снова
ту проповедь нагорную Мою...

... И все ж анафем пало время,
сломав спасительскую честь.
И встал бурьян, где сеял семя,
и ящеров сбежалось племя,
чтоб растоптать Благою весть.
Буйна гордыня, эгоизм без меры,
что Бог — любовь, — слова уходят в ночь.
Так с ним иссяк живой источник веры;
кто примирит добра и зла примеры,
могильный камень кто отвалит прочь?¹

(Перевод Михаила Письменного)

¹ Hviezdoslav P.O. // http://Zlatý.fond.Sme.sk/dielo/132/Orszagh-Hviezdoslav_Basne-prilezitostne
/3

Немало легенд породила трагическая кончина словацкого доктора. После краткого некролога, опубликованного в газете «Народные новости» (автор Й. Шкулъетты), о причинах столь трагического конца размышляли А. Шкарван, писатель Л. Надаши-Еге и др. Многие из них винили в этом не только эмоциональную натуру Маковицкого, но главным образом «толстовскую науку», которой так предан был словацкий доктор. Й. Шкулъетты усматривал причины самоубийства в том, что в душе Маковицкого «началось тяжкое раздвоение. Он хотел всего себя отдать служению словацкому народу, но при этом понимал, что не живет так, как этого требует учение Толстого. Переписка с яснополянским пророком, личное знакомство с его самыми преданными учениками, год от года усердствовавшими все больше, поглощали душу и волю Маковицкого»¹

Л. Надаши-Еге в письме к брату Д. Маковицкого писал даже о том, что он готов был бы возненавидеть Толстого, если бы тот ни обладал столь могучей силой художника. «...Взгляните на это старое безобразное лицо. — В отчаянии восклицал словацкий писатель. — Разве от него исходит доброта? Ведь это настоящий дьявол! И он проповедовал непротивление злу, а вся его жизнь последних лет — это было ничто иное, как постоянный протест! Бедняга, Душанко, мой дорогой, милый, я вспоминаю тебя как друга моей молодости. Ты мог бы еще смеяться, твои глаза могли бы еще весело смотреть на мир, если бы тебя не увлек этот вампир. Когда же, наконец, ты осознал,

что растратил и уничтожил свою жизнь, горе убило тебя...»².

Ближайший друг Маковицкого А. Шкарван, который по возвращении того из России допоздна, подолгу беседовал с ним и которому тот порой приоткрывал «темные стороны своей души», объяснял трагический конец его душевными терзаниями: «Душанко не раз исповедовался мне в том, что он не познал и не верит в Бога, что он не верит Толстому, что часто ему все это кажется всего лишь химерой... обычно он эти мысли подавлял в себе, ибо был он человек несмелый и нерешительный в вопросах веры и неготовый к большой борьбе. Бедняга Душан в действительности всегда сидел на двух стульях, он не жил в миру и не жил в душе своей ради Бога, он страдал от постоянных страшных душевных терзаний. При этом он упорно настаивал на своей нерешительной и неясной позиции, настаивал на своей роковой ошибке, состоящей в том, что он должен всегда обхаживать (ибо в действительности он лишь околачивался там) Толстого, от которого наивно ожидал того, что только Бог способен дать человеку, — блаженство и силу веры»³. Позже тот же самый А. Шкарван дополнил свои суждения о причинах самоубийства Маковицкого тем, что тот якобы был болен сифилисом, о чем он писал своему брату перед смертью и рассказывал своим друзьям — Галеку и Шробару. Предвидя в связи с этим свой тяжелый конец, Маковицкий в отчаянии решился на этот поступок. Как утверждает Т. Винклер, Душан не был в семье единственным, кто таким же образом

¹ Škultéty J. Dr. Dušan Makovický // Škultéty J. Voňa domoviny. Bratislava. 1973. S.313

² Там же. С. 35–236

³ Там же. С. 37

рассчитался с жизнью: два его брата поступили так же.

Скорее всего, причин для самоубийства было несколько: расставание с дорогим и близким ему по духу учителем, с Ясной Поляной и ее обитателями, неустроенность в новой жизни, заботы о жене, ребенке, болезни и т.п. Жестокая реальность сломала и без того болезненно хрупкую душу этого человека. Он часто думал о смерти, много и часто беседовал об этом с Толстым. Можно предположить, что ученика мучили те же самые вопросы, что и учителя, и что оба они не могли найти на них ответа. Именно об этом писал Толстой в своих работах «О жизни», «Путь жизни», «Первая ступень», «Исповедь». В «Исповеди» мы читаем: *«Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельной внутреннюю болезнью. Сначала появляются*

*ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже сознает, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это — смерть... Жизнь моя остановилась... Я как бы жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья, и настоящих страданий, и настоящей смерти...»*¹. Эти слова Толстого могут нам отчасти объяснить то, что произошло с человеком и другом, которого он так любил.

¹ Толстой Л. Н. Исповедь. Собр. соч. в двадцати томах. М., Т. 16. 1964. С. 105, 106

ПРАЗДНИК СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ

Ян Бузаши

(в переводах Наталии Шведовой)

Ян Бузаши (р. 1935, Кочовцы) окончил философский факультет Университета Я.А. Коменского в Братиславе по специальности «библиотечное дело и словацкий язык». Работал редактором, затем главным редактором (вплоть до закрытия) ежемесячника «Млада творба». С 1971 г. был редактором, главным редактором издательства «Словенски списоватељ». После 1989 г. стал председателем Ассоциации писателей Словакии и главным редактором обновленного ежемесячника «Културни живот». Автор множества поэтических сборников: «Игра с ножами» (1965), «Школа киников» (1966), «Навзикая»

(1970), «Красота ведет камень» (1972), «Сказка» (1975), «Год», «Перезвон» (оба 1976), «Душа бузины» (1978), «Зверобой» (1979), «Равнина, горы» (1982), «Золотое сечение» (1988), «Восстановление вином» (1993), «Дни» (1995), «Свет вод» (1997), «Прогулка по осени» (1999), «Госпожа Фауст и другие стихи» (2001), «Натюрморт — краткий пост» (2004), «Двустворчатые двери» (2006), «Жужелица» (2008), «Восемнадцать стихотворений» (2012), «Равнина» (2012), «На месте» (2015), «Набережная» (2017). Автор эссе «Бесполезное дерево» (2012) и литературоведческой книги «Быть своим. Беседы с Яном Бузаши» (2013).

О любви

Иди со мной, словесный смысл пусть пробудится,
и капля крови на себя нанижет пот,
а с нею капля слез навек соединится,
как будто нота в толстом томе нот.

Но ты поёшь, и голос твой летит,
и звуки эхом, тучами приглушены,
в осколках ваз разбитых он искрит,
и с песней ты мои листаешь сны.

Душа

Душа всего прекраснее на свете,
дрожит надежда в ней, как в молодой пшенице
гуляет с затаенной силой ветер,
она всё лучше, с верой породнится.

Но чаши чистой не спасти от помутнений,
когда мы наливаем внутрь отвары
безумных засыпаний, горьких пробуждений,
щепоть надежды добавляет нам отваги.

Февральский снег

Легкий снег, ах, как он тороплив,
словно из последней снежной мглы.
Из последней, вдруг его мотив,
горсть опилок облачной пыли.

Думаю я: Рильке там охнет взбывает,
смотрит из окна: что, соли, сахара полет?
Что за вкус миры приобретают?
С неба кто-то мне известье шлет.

Деревянный пол

Деревянный пол нам в тихих диссонансах
говорит, кто был тут, кто и наследил,
мерил мира близкие пространства,
кто оставил в них свой человеческий пыл.

Скрипнет, и когда проходят мимо,
чьи-то он хранит в себе движенья,
слышатся они в покое мнимом,
есть тут жизнь, без всякого сомненья.

Молитва

Ты, мысль моя, теперь всё время будь во мне,
ищи порядок свой и следуй ему верно,
мир затверди, пока не пущен он вовне,
держи его в себе надежной спермой.

Боль средоточия, а где порядка нет,
там плохо всё, и искушений дешевизна
пусть, пятясь, из меня уйдет в свой чуждый свет,
а силы добрые мне всё изменят в жизни.

Хорошая минута

Перед полуднем — время Прояснения духа,
вначале всё исполнено надежд, смотри,
когда от утренней слезы следа нет, сухо,
розовоперстой блекнет свет зари.

Тогда так хороша минута взлета,
бездонно небо, ветерок над головой,
летают мысли и жужжат про что-то...
И как прекрасно сознавать, что ты живой.

Причины и следствия

К историйкам тем достоверным, где убийство –
лишь плесень подсыхающая, и без крови,
а крупная афера — горечь лицедейства,
найдутся актуальные герои.

Мы в том живем, причин и следствий свойства
бьют, как часы, не прекращают бег,
на рафию мы смотрим с беспокойством,
неужто зло с добром срослись навек?

С войны, после войны

А люди целовались на перроне,
их поезд на другом перроне ждал,
как в демилитаризированной зоне,
всё одинаково, и каждый мал.

Опаздывают поезда, стоят без счета,
военный то исправит самогон,
из свеклы он, и бреется им кто-то,
он резок, замутнен, но слишком тонок он.

Судьбы лесов

Лес старый — человек, что отступает,
еще хранит он ценности, но тщетно,
вода остыла, в ней больную ногу он купает,
но всё ж ее он отморозит до Крещения.

Уходит лес, вновь дерево истлело,
царят здесь Злые силы, всё разрушат,
и до его судьбы ведь никому нет дела,
деревьев остовы и мертвые зверушки.

Обрывки

Не можем мы проверить правильности
ни в чем, нигде. Мы только лакомимся.

Суггестивно всё, что утверждаем мы.
Правда — это только вид тюрьмы.

Есть лишь теория всего — и точка.
Ее он хочет, но она не хочет.

Как?

Как жить в постмодернистском мире?
Есть небо, да, но есть ли там и Бог?
В машин потоке ангел, не парит в эфире,
дарует нерожденным детям первый вздох?

Спасает при авариях дорожных
и вложит перст туда, где скрежетал металл,
он восстановит швы любви неосторожной.
Вернет любовь нам, о какой ты не мечтал.

Любомир Фелдек

(в переводах Наталии Шведовой)

Любомир Фелдек (р. 1936, Жилина) — выпускник Педагогического института в Братиславе по специальности «словацкий язык и литература». Во время учебы работал редактором в издательстве «Младе лета». В 1960–1961 гг. редактировал заводской журнал в Нижней на Ораве, затем был «свободным художником». С 1973 по 1986 г. — заведовал редакцией оригинальной и переводной поэзии, одновременно являлся завлитом театра «Поэтическая труппа Новой сцены» в Братиславе. С 1990 г. стал ведущим редактором культурного приложения «Привет, Европа» в газете «Верейность» («Общественность»).

Автор поэтических сборников, в том числе «Единственная соленая родина» (1961), «Меловой круг» (1970), «Парацельс» (1973), «Двое за столом» (1976), «Заметки к эпосу» (1980), «Словак на Луне» (1986), «Плакать — это прекрасно» (1990), «Улыбающийся отец» (1991, избранное), «Одземок на прощание и 19 ярмарочных песен» (1992), «Любовь в зрелом возрасте» (1999), «This side up» (2003, избранное), «Аптечка для влюбленных» (2004), «Семьдесят о любви» (2006, избранное) и др. Роман «Ван Стипхоут» (1980) был издан во многих странах мира, в том числе в СССР.

Смерть обычного человека

Смерть гения никого не исполнит печали. Он славен, за что ни возьмется, всё получается. Он успеет сделать больше, чем другие, и лучше, чем другие, а значит, и заработать больше, чем другие, — даже если потом пропьет больше, чем другие, и отдаст другим больше, чем отдадут другим другие, был бы он сумасшедшим, если бы думал, что это других склонит в его пользу. Это даже непростительно. А если у него еще и детей больше, чем у других, и жена лучше, чем у других, и многое другое лучше, красивее, больше, чем у других, его смерть в самом деле с трудом может кого-то исполнить печали.

Они будут счастливы, что исчезло чудовище, которое мешало. И если многое потом будут другие делать хуже, многие будут хотя бы на минутку рады, что это худшее делают всё же другие. И если многое будут другие должны потом делать скопом, многие будут хотя бы на минутку рады, что это всё же делают другие скопом. Ах, ведь и я способен на такие чувства, которые каждый скрывает, и никого в них не упрекаю. Смерть гения, в общем, никого не исполнит печали.

Но когда умрет обычный человек, который всю жизнь, каждое утро вставал для тяжелой работы, поскольку более легкой для него не было, а после работы пил самый дешевый ром и мало ел, и только очень простую еду, мало кто о нем знал, и кто знает, был ли кто-нибудь такой, кому он мешал, нам хочется плакать, и мы не понимаем, почему говорят, что жаль гениев, когда сердце явно чувствует, что именно обычных людей жаль.

Оравские мотивы

I
На все вершины горные
в сениях Луны идет игра.
И щелкают всю ночь холодные
и голубые карты сентября.

Что ж, выходите на порог,
зову я здешних дочерей!
И королевой — каждая
в голландской раме из дверей.

И ветер высится на местности,
как дом, который спит.
Сентябрь заколот в неизвестности.
Рукой его ужасной мгла висит.
Перевод Наталии Шведовой

Верная любовь

Хожу по свету — и, возможно, слеп я.
В глазной эмульсии моей мелькнут напрасно
все храмы, что прекрасны,
и всё природы благолепье.

Но все-таки не так уж плохо дело.

Не ускользнула от меня ведь ни одна
позолоченная башня тела,
особенно когда меня касается несмело
часовней,
что с грушей схожа очень.

И ни одно взволнованное ветром море
на лице женщины
или ручей, бегущий на чулочке.

И ни один летучий женский штрих
для глаз моих не пролетает мимо.

Верность мне — вроде хобби,
сегодня и на весь остаток дней моих.

Тебя так много,
милый.

Ярослав Резник

(в переводах Наталии Шведовой)

Ярослав Резник (р. 1942, Ружомберок) получил образование в Педагогическом институте в Мартине (1959–1963), а затем изучал музейное дело в Университете им. Т.Г. Масарика в Брно (1969–1969). В 1966–1971 гг. был сотрудником Литературно-музейного отдела Матицы Словацкой в Мартине. В 1975 г. стал сотрудником Словацкого литературного агентства. В январе 1990 г. был избран председателем Общества словацких писателей, с 1993 г. работал директором Издательства Общества словацких писателей. В 1997–1999 гг.

был главным редактором газеты «Словацкая република», с 2000 г. — редактор издания «Теле плюс», выходящего раз в две недели. Автор поэтических сборников «Нерешительность» (1966), «Принятие» (1969), «С водой на языке» (1970), «Зной» (1993), «Достоинство и другие стихи» (1996), «Тайна прямой» (2007), «С простреленной розой на гербе» (2012), «Когда утихнет наша кровь» (2017) и др. Ему принадлежат несколько книг для детей и молодежи, документальные и драматургические произведения.

Мудрость осенних листьев

Опухшее небо выплевывает
в брошенные птичьи гнезда
ухмылки облаков
и старые желтые листья,
как разорванные четки
под скамейками

с потрескавшимися губами
 от возлюбленных ветра,
 молитвы шуршат
 в стократной боли,
 и снятся им
 последние зеленые сны
 о давних весенних постелях
 с неброским запахом хлорофилла
 в теплых и распускающихся
 кронах деревьев.
 О, брошенные птичьи гнезда!
 О, осенние покоренные листья!
 Вы всё еще не знаете,
 что тень предпочитает тьму
 свету,
 хотя предчувствует,
 что лишь в их слиянии
 она может быть и вселенски
 зачата?
 Зато ты,
 осенняя мудрая листва,
 на коленях молящаяся
 земле,
 в своем кратком тихом падении
 постигаешь
 эту единственную абсолютную правду
 бесконечной вселенной:
 лишь у времени есть время!

Мораль любви

Толпа кричит: свобода!
 Толпа кричит: равенство!
 Толпа кричит: братство!
 Лишь кто-то сзади,
 не по своей вине анонимный,
 словно замалчиваемый поэт,
 шепчет: любовь!
 А потом он идет домой,
 потому что за любовь,
 так ему кажется,
 не выступают.
 Мораль — эта высшая

условность его души —
такого не допускает.
А мораль любви
этого не требует.

Время

Весной вылупляется земля,
и мы, словно серны,
ее цветом
постоянно зарастаем.
Лишь на кончиках пальцев —
снег.
Им мы ежедневно
свои виски,
как цветками черешни,
смазываем.

Что такое любовь

Любовь, моя милая, —
это захватанная книга,
которую мы от пыли и забвения
в ежедневной суете
собственным дыханием защищаем.
Любовь, моя милая, —
это полная тарелка супа
в воскресенье после полудня,
когда все должны собраться
за столом.
Любовь, моя милая, —
это упавший лист,
что влезет вместе с нами
в утренний автобус
дождливыми осенними днями.
Любовь, моя милая...
Продень нитку в иглу,
подброшенную в воздух, —
узнаешь.

Замерзшая птица

Клювиком она обдувала место,
 крыльями сбрасывала пыль,
 глазами полировала, вытаскивала вату из уха земли,
 разговаривала с ней.
 Потом прилетела,
 потому что и падение — это, собственно, лишь
 разновидность полета
 в направлении от себя к земле,
 и заснула.
 С головой под крылом,
 в снах,
 она разменивает свои полеты
 на мелкие
 п
 е
 ры
 ш
 к
 и.

***Любовная лирика из дебютной книги
«Нерешительность» (1966)***
Капризная

Ночь коротка, а я бы у тебя хотел
 волосы сосчитать.
 Ты говоришь:
 — Смотри минутку на меня
 и думай,
 что меня убили.
 Порывы ветра улицу накрыли,
 он дует нам в уши.
 Тогда:
 — Спрячь этот зонтик,
 погода уже суше!
 Мы идем из кино,
 или наоборот.
 И опять:
 — Быстрее меня целуй,
 пока лить не начнет!

Что же мне делать?
Я словно улица и ее тишь.
Я люблю тьму твоих волос
и луну,
которую спрятанной в кустиках ощутишь.

Созревание

Глаза кошачьи зеленью сверкают,
и синь небес веснушками пошла,
свет меркнет, на колено опускаясь,
а темнота разделась догола.
Тогда тебя я жду и созреваю.
Устав от лая, пес затих вдали,
глаза свои я за окно кидаю,
они до неба медленно взошли.

Холодную наполнись ты росой,
на ноги брызни, как из почвы подошла,
искать тебя приду ногой босою
и, молчаливую, сожгу дотла.

Ночь

Белые молнии в полуночной тьме
Ты спишь
(без одеяла)
Громоотводы моих рук наутро
Солнце
(встало)
Минута когда сны прорезаны ножницами глаз
Ты поднимаешься
(такая одна)
С этих пор я буду в ладонях носить
молнии
(вспоминать)

Волосы небес

Они всегда растут наоборот,
 с небес на землю.
 Минута сладкая течет,
 когда я благодать любви приемлю.
 О, волосы небес, распущены плащом,
 на листьях звон, как бы ступают птицы,
 всё мерно утихает, слабо стонет гром
 и даль, как твои бедра, мне волнится.
 Небесным волосам я подставляю руку,
 в горячую ладонь ловлю их нить,
 потом я долго, долго, до ночи
 останусь с ними говорить.
 Один я вырву, наконец, несмело
 и подожду, чтоб стихло всё вокруг,
 к тебе, уснувшей, я на цыпочках приду,
 сложу его в объятия твоих рук.

Ожидание огня

Брось в темноту нож восклицания,
 ответом будет птичий сон.
 Я пальцами волос к траве зеленой,
 к росе тебя, босую, приведу в полон.
 Ты свежая трава, заплакана росой,
 касания колен разбудят тело,
 ты выплачь до утра все свои слезы,
 с востока скачет солнышко несмело.
 Мгла поднимает юбки,
 горланят петухи,
 уже светло повсюду,
 круженье дня лихи.
 Брось дню навстречу рук движения,
 дай мне пять волосков, подобье струн,
 тебя искать я буду с песней день за днем,
 пока однажды не наполнишься огнем.

Мила Гаутова

(в переводах Дарьи Анисимовой)

Мила Гаутова (р. 1942, Будапешт) получила образование в сельскохозяйственном институте в г. Нитра (1959–1964). После окончания работала агрономом, затем учительницей в средней школе. В 1968 г. эмигрировала в Канаду, однако через год вернулась обратно на родину. В 1986–1996 гг. была редактором журнала «Ромбоид». Автор многочисленных поэтических сборников,

среди которых: «Рыжая глина» (1983), «Переменчивая поверхность» (1983), «Чистые дни» (1990), «Пралюбовь» (1991), «Ностальгия» (1993), «Закрытый сад» (2001), «Архивы тела» (2004), «Белые рукописи» (2007), «Исчезновение ангелов» (2008), «Взмах крыльев» (2011), «Сад: лабиринт: гнездо» (2012), «Край во мне» (2015) и др. Ей принадлежат также прозаические произведения.

Явление I.

Падают в сад (в снег света) ароматные скопления звезд:

тихо стою на израненной дороге ведущей от ворот к дому: речные камни вы-
скальзывают из бетона: уже не принадлежат они реке,

и не принадлежат нашей столько раз пройденной и травой и спорышем заросшей
дороге:

души нашей семьи возносятся над язвами охраняя локти и колени внушек от
болезненных падений: вечером наши волосы переплетаются с ветвями яблонь:
мелкие зеленые плоды тоже хотели стать звездами: зеленый свет солнца уже за
горизонтом еще раз

озарит белые скамейки столы к стволу прислоненные грабли и заступ (появятся
мама мамы & мама и за ними узкая полоса свободного света для меня) моя рука
с проступающими синими жилами ухватится за корень

(на миг нечто темное проблеснет в голове и наступит легкая потеря равновесия
которую почувствую одна я) ты вновь пройдеши по саду ты с темными только
что вымытыми волосами и я заплачу поскольку этим явлением наяву в этом
стихотворении с надписью из Франсиса Понжа стал ты лишь ты: уже 27 лет
лишь в сердце: я в самом деле познала запах грусти сегодня в полшестого пополу-
дни 17.7.2017 Петеру О.

Явление IV.

Птенцы которые летают когда мы не смотрим на них между деревьями меж
предметов мебели проворно найдут любой ключ выбросят спрячут // откроют
каждый ящик найдут скрытую батарейку бинокль фотоаппарат // неумело ри-
суют и пишут в моих дневниках спрашивают у меня
фотографию моей мамы и отца на стене они умерли // отчего // от старости
и усталости отвечаю я // но и ты старая и усталая

не настолько отвечаю я // дрожь по коже как легко я обманываю // разобьют чашку которую мы спрятали от прабабушки // стаканы тарелки // на дереве в саду висит на шпагате лесная фея // на другом шпагате маленькая деревянная собака // ломают мою кошку она тоже из дерева в 1944 году мы купили ее в Берегово где жили в то время // они проходят по моим воспоминаниям и по тщательно оберегаемым предметам из прошлого моего твердыми быстрыми шагами // не оглядываясь // являются мне во сне им грозит опасность и я их спасаю в последний момент и это единственное что в тот момент имеет смысл // ты писательница // и я буду и еще буду художницей и певицей и врачом и-и-и столько жизни под нежной тонкой кожей под густыми волосами движения дочери и улыбка и мгновенная злость // так уж в нашей семье мы хлопаем дверями кричим разбиваем об пол тарелки мучаем друг друга любим друг друга... являемся друг другу во сне... младшая говорит я не хочу быть большой потому что ты потом умрешь // о беззаветная любовь маленькая узенькая рука проскользнет в мою // я нашла дар там где не оставляла его

(Эймушке&Сашеньке, внукам август, 2018)

Alarm 1: сад ожидания (double jump) через любую преграду можно перепрыгнуть: перелезть: природа нарушена нами: где же боль ты ищешь место без боли: ищешь положение в котором не болит... зверь внутри: нагой перевернутый камень: пол: поднимается влажность (зверь во мне) продолжительность телесного: равномерные скорые движения: (трепет век: слизистая снов) ты останешься я уйду: аорта: непокорный мир (грамматика: память) укрощать одно слово в день расцарапать в кровь сегодня целый день чувство что со мной творится нечто плохое. я не ошибаюсь мне снится шахта лифта бездонная река течет через меня: кровь: сперма: шум в ушах утрата равновесия я пройду по карнизу между двумя окнами ничто не спасет меня треснули самые тонкие капилляры (разрезать вдоль: верни мне мое время: вернись выкрик & тишина: лес непрерывно перемещается на юг: на север на восток: вверх и вниз мы шагаем стрелки: винтовки с прицелом и глушителем точно в самое сердце сердца серны когда угодно где угодно кто угодно кого угодно убьет

Alarm 2: мишень замкнутый круговой лабиринт без выхода (мозг) я вижу рисунок сердца авторства Леонардо из Виндзорской коллекции: вспыхивает сочувствие острого сечения ((когда нам демонстрируют фотографии несчастных людей происходит

в ритме сердца изменения (вот оно сострадание))
сердца равноценно мозгу:
маленький динозавр в нас подвигается (вперед?)
кто смотрит на мою фотографию (кто-то)
редукция: способности чувствовать боль:
alarm зверь внутри

Alarm 3: сад ожидания (double jump) не через
каждую преграду можно перепрыгнуть: перелезть: природа нас
остановит: где же боль ты ищешь место без боли: ищешь положение в котором не
болит этот холод пробирает до костей: все положения постепенно кончились: ты
не отвечаешь ты молчишь...
atraversare
мы бессмертны (с одного дня на другой)
мы бессмертны в своей смерти

Alarm 4: граница звездный небосвод
(откуда мы пришли)(они придут)
речь последний поворот экзистенции:

Silentio & Solitudo

пусть поменяются местами ночь и день
пусть замерзнут декабрьские озера
пусть щегол задрожит на ветке березы
пусть ветка березы задрожит под птичкой
пусть загорятся красная и желтая и нежная коричневая
птичий глаз пусть нас отражает в круглом еще
доверчивом свете зимнего солнцестояния
и запаха ребенка после купания
пусть любовь живет повторяясь...
пусть...

;;;

Я встала в пять утра
и вышла в сад слабая вуаль тумана
над ирисами вилась вниз к вишням и там исчезала
в последней летней траве: еще август:
светлозеленый круг опавших яблок: их
ровно столько сколько на дереве: из глубины гнезда
и сна отзовется птица: всходит Орион
осеннее созвездие: свет который
теперь настанет будет просто сумраком: учует

меня овчарка из-за забора и
 придет меня облизать: дни сузятся
 до элементарных радостей:
 31 августа 2015

Soundscape 1

:музыка для озера)нагие(одичавшие дочери танцующие
 в саду в сети бабушкиных кружев: время конца начала
 картина навязывающий себя пропасти ночи сон X страх превра-
 щается в желание:
 ах эти моменты сострадания)сочувствия(
 языческая неизбежность ритуалов)Деметра оплакивающая
 Кору(
 в конечности времени справедливость(
 в цветах под Белой скалой убивающая себя красота
 Сириус включает экран ночного небосвода
 Демоническое (я) становится наконец совершенством
 Глубоко низко сила: пропасть: закон
 мы остальные уходим)даже звездам это тяжело(
 “бездонная ночь глубины ада заполняет темнотой”
 Данте уже знал о силе пропасти все

виновники признающие собственную вину мы
 скорлупки на ветру
 пробные камни
 ритуал отвержения напрасно вечно
 я не знаю

Ян Замбор

(в переводах Наталии Шведовой)

Ян Замбор (р. 1947, Тушицка Нова Вес). Окончил философский факультет Университета им. П.Й. Шафарика в Прешове (1966–1971) по специальности «словацкий и русский языки». Некоторое время работал редактором в Восточнословацком издательстве в Кошицах, был редактором литературно-драматической редакции Чехословацкого радио в Кошицах

(1976–1983), научным сотрудником в Институте художественной критики и театральной документации в Братиславе (1983–1988), являлся основателем и главным редактором журнала литературы и искусства молодых «Прикосновения» (1989–1990). С 1991 г. преподает общую поэтику, развитие поэтики словацкой поэзии XX в. и историю испанской и русской поэзии на кафе-

дре словацкой литературы и теории литературы философского факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе. Переводчик русской и испанской поэзии. Ему принадлежит объемная «Антология русской поэзии» (2011). Автор поэтических сборников: «Зеленый вечер» (1977), «Неотложное» (1980), «Конь в квартале» (1983), «Полные дни» (1988), «Под ядовитым деревом» (1995), «Сопрано дождевых капель» (2000), «Меланхолический жеребец» (2003), «Избранные стихотворения» (2003), «Перелетное сердце» (2007), «Взмах крыльев. 42 словац-

ких хайку» (2011, хайку 11 словацких поэтов), «Дом, полный невидимых» (2014). Литературоведческие работы: «Иван Краско и поэзия чешской модерна» (1981), «Стихи и тишина. О поэзии словацких, русских и испанских поэтов» (1997), «Перевод как искусство» (2000), «Интерпретация и поэтика. О творчестве словацких поэтов XX в.» (2005), «Очертания стиха, очертания смысла» (2010), «“Вроде любовь, но вроде на соль похоже”: Мирослав Валец в интерпретациях» (2013), «Рыдания нагой души. Иван Краско в интерпретациях» (2016).

Разволнуйся, расшумись, поле

1
Как стебелек.
Еще и кожа на лбу
у нее истончилась.
Тесто раскатаем до стебелька,
так она говорила.
Редкие седые волосы
у нее сбоку схвачены заколкой —
девочка.
Куда же она собралась?
Из принесенного грибного супа она съела
три чайных ложки.
Она не в состоянии
выговорить слово.
Руку я оставляю на ее голове,
другой
держу ее руку.
У нее нет сил
ответить пожатием.
В глазах у нее порой болезненно стреляют
иголки.
Она закрывает веки —
тогда я боюсь,
что она уйдет.
По окончании визитов

она нас всё же
 тусклым
 лишь-словно-взглядом
 провожает —
 И каково это прощание!..
 Никаких посланий.
 Только
 бессилие
 и боль.

2

Как ребенка, ее в полевой колыбели
 покачивал ветерок,
 успокаивал шум поля.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Со духи праведных скончавшихся душу рабы Твоей, Спа-
се,
упокой, сохраняя ю во блаженной жизни,
яже у Тебе, Человеколюбче...
 Природа, присоединись к панихиде.
 Раскачайтесь,
 листья и стебли,
 хлебная нива,
 кукурузная полоса,
 кусты и деревья,
 нежно и мощно, беспредельно
 зашумите.
 Смирение даруйте
 и нам.

3

Ты уже не погладишь
 легкую руку и ветхую голову,
 лишь новый мрамор.
 Его приятные линии и гладкость —
 для утоления печали.
 Поглаживает его
 ветерок,
 целуют
 солнце,
 дождевые капли
 и снежинки.

Березы с плакучими ветвями —
тихой скорбью
тут постоянно.
Иногда поднимется сильный ветер,
и треплет их горе.

2015, 2017

Грабители

На руинах богов и святых
остались одни осквернители.

Хосе Анхель Валенте

От наследия предков после набегов
оставить опустошение,
от построек — развалины,
от живой земли — пепелище.
Ликовать над пустотой.
Ставить себе памятники.
Но что же с пустой землей?
Триумфально открывать пространство
для пришлых растений.

2017

Робкий зов в безграничную темноту

Осторожно,
склон движется,
завалят нас
пыльные,
с острыми гранями,
обломки.
Где нам укрыться?
Куда бежать?
Строй укрепления,
размножай
сдерживающую вегетацию.
Жизнь, не жизнь.
Найди обоснование своего бытия.
Этих ежедневных

спусков,
 опаданий,
 каменных обвалов,
 сдвигов,
 лавин,
 пепла и лавы,
 везувиев!
 Господи, дай мне сил,
 чтобы выбраться из-под обломков,
 зацепиться хоть за переливы росы,
 отблески на волнах,
 стебли травы,
 летящие лепестки,
 осенние отлетающие листья,
 снежные хлопья,
 дай
 ухватиться.

2017

Две танки с птицами

У деревьев сегодня в парке
 выросли белые перья,
 но они не взлетят.
 Я похож на этих птиц,
 полет которых уже — лишь мечта?

Есть птицы... Вечно
 на них мы смотрим, зная,
 что они не прилетят.
 Ты не устанешь их ждать,
 пока не окажешься на том свете.

2017

Яна Боднарова

(В переводах Дарьи Анисимовой)

Яна Боднарова (р. 1950, Якубованы, район Прешова). Получила образование на философском факультете Университета Я.А. Коменского в Братиславе по специальности «история искусства, библиотечное дело и латинский язык» (1968–1976). По окончании работала экспертом по охране культурно-исторических памятников в г. Прешов, а также

занималась научными исследованиями в области изобразительного искусства. Публикует поэзию, прозаические сборники, книги для детей, пишет радиопьесы и телевизионные сценарии. Автор поэтических сборников: «ШО-ПО-ТЫ» (1995), «Близнецы» (2000), «Из периферии» 2013), «Среди ночи мне хочется прогуляться» (2017) и др.

ЕСЛИ БЫ МНЕ ПРИШЛОСЬ С КЕМ-ТО ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬСЯ

в садах зависимостей, на ребрах предместий, костлявые псы между остовами машин. спящие мальчики возле стен кирпичного завода. всегда спиной к voyeurovi. двенадцатилетние бродяжки с глазками подведенными черным. паровозами курящие в карьерах. тишина просторов. остановившееся время. мальчики спят девочки... прислонившись к стене, на бетоне. между остовов, собак, крыс. все они гиперчувствительные. потерянные. в черном свете, вихрем, придут боги на party в сад зависимостей. со своих ледяных островов, омываемых океаном, где затонуло сознание.

„МЫ С ВАМИ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ“

/надпись на билборде близ перекрестка/

а кто же остается с нами по ночам? чей запах витает над лицами пробудившимися в потемках!? Незадолго до рассвета.

Морфей в этот миг пробирается сквозь больницы, идет через белые залы. Сыплет гипнотический эликсир на синюющие губы. „Life is a killer. Memento mori!“ бормочет лысый субъект с едким дыханием.

Мор-фе-эээй! остановился в конце долгого тоннеля.

и все же, все же: одна девушка танцевала босая. На изодранном тепадарии в гостинной.

после полуночи настал сочельник запах пирожных наполеон.

под палящим огнем месяца танцевала босая девушка. сама с собой. перед транзитом экзистенции.

НОЧНОЙ СНИМОК ИЗ ХАРЬКОВА

недвижная река. мост и ночь. зачем я пошла к реке? сквозь деревья, кусты, через мертвый блошинный рынок!? к лежбищам шлюх, житницам сутенеров. Похотливые вуайеристы расстегивали штаны. фотограф с косой фотографировал. лишь

для того чтобы увидеть удивительный отблеск? в серебре месяца отражались купола храма Покрова Богородицы. точно рыбий глаз отражали нас за рекой и укутывали покоем Все!

МИНУТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Минуты одиночества заранее приготовленные могилы. не лежат на них благородные. мраморно бледные. паучьими пальцами держащие священные книги. сквозь сон они давно уже не молятся. холодный мрамор. их парфюмы — гнилые хризантемы. Какие блюда едят мертвые? какие фантомы перелетают через Стикс? Стикс не течет. это не быстрый Ваг времен моего детства. я уже давно одна. паучьи мои сильные пальцы пахнут укропом срезанным в осеннем саду.

ЗИМА 1951 ГОДА

мама больше не читает книги. все утратило прочность. даже воспоминания. мне полтора года. дифтерит. лихорадка. врач пьет вино у нас в спальне. резкий запах. в высоком зеркале я вижу: белый мужчина расстегивает перламутровые пуговицы у женщины на блузке. раздвигает кружева. свод небесный. Через комбинацию гладит женские груди. целует шелк. и это моя мама?!

я за зеркалом. в лихорадке ночи.

а теперь скорая. врач обхватил руками меня, не мою маму. меня везут по ухабистым дорогам в городок у изножия гор.

в больнице монахини посмотрим выживет ли ребенок. и он выживет. в темном мозгу пускает корни первое воспоминание. пища для Лакана.

Стихотворения из сборника С периферии, 2013, Дерево и сердце, Bratislava)

ПЕЙЗАЖ В ОКРЕСТНОСТЯХ ФУКУШИМЫ (анти-констеблевская пейзажная зарисовка)

пейзаж беспокойный.
извивы и вой токсичного ветра.
рыбаки возвращаются с неудачной рыбалки.
и тут — звук свистка.
как будто Орфей созывает
крикливую птичью братию с деревьев,
стебли цветов торчат из земли,
мертвых из подземного мира.

а сейчас серебристый звон
сквозь зубы монахов.
Стремится заморозить волны цунами,
взрыв, ставший

домом небытия.
он хочет вернуть стране
шум и тишину
ее собственного сердца.

(báseň je zo zbierky V záhradách/pod dronmi,
Modrý Peter, 2016, Levoča)

Дана Подрацка

(В переводах Наталии Шведовой)

Дана Подрацка (р. 1954, Банска Штиавница) закончила философский факультет Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе по специальности «психология». По окончании учебы работала научным сотрудником Психологического института при философском факультете Университета Коменского, с 1988 г. — редактор «Литературного еженедельника», в 1999–2002 гг. — заместитель главного редактора. В период 2002–2006 гг. была депутатом Национального совета Словацкой Республики. В настоящее время работает в Литературно-информа-

ционном центре. Автор поэтических сборников «Лунная возлюбленная» (1981), «Зимние гости» (1984), «Рубикон» (1988), «Гризли в спящем доме» (1991), «Письмо» (1993), «Грех» (1996), «Имя» (1999), «Крупная дичь» (2001), «Казематы» (2004), «Персона & Морфей» (2007, диптих), «Купол» (2008), «Взмах крыльев. 42 словацких хайку» (2011, хайку 11 словацких поэтов), «Словацкие элегии» (2011), «Плащ богини» (2012, антология пишущих по-словацки поэтесс из Венгрии, Румынии, Словакии и Сербии), «Кубус» (2014) и др.

Зашифрованный ковер

Шофер притормаживает на переходе, по полосе зебры
в когда-то розовом костюме с рисунком китового уса
проходит кто-то, похожий на мою мать, которой уже нет в живых
Это не дежа вю, скорее n'jamais vu
Никогда не виденное имеет звание вассала, на которое есть право
только у королевы или короля

В когда-то розовом костюме с рисунком китового уса
мы ходили вместе в магазин ковров,

мать заставляла разворачивать каждый новый образец,
пока не отыскивала тот свой

Мы несли его под мышками как территорию

Как будто вовлекая меня в тайну вассала, она говорила:
«Смотри, это газель, ищущая божество

Это древо жизни, полное красных фламинго
Там лес, где растет козья борода
А это поляна, где можно исчезнуть в траве
с блестящими листьями

Зеленая

В зашифрованный ковер ты свернулась для меня, мама

Луковый образец

В трактатах о небесной иерархии не умалчивают о факте,
что мудрость в том, чтобы проникнуть в тайну раньше, чем мы ее узнаем

К рекомендуемым пособиям относится луковый образец
Слои шелухи в герметике плаща окружают середину

Во сне мы едем на велосипеде по свежевывавшему снегу
Мы входим в лазурный желобок, который ведет меня

В безбрежной тишине я слышу тонкий лед под колесом
За шлагбаумом мне было бы нужно завернуть к садам,
но желобок меня не пускает

То, чем я была, исчезает за горизонтом,
единственная моя обязанность — войти в узор, позволить себя
вести, подождать, пока в крови проплывает олень

Эммаусский трактир в моей голове

Над Фрауэнбергом, где пересекаются рудные дороги,
стоял трактир

После смерти владельца он обветшал, стены провалились в трещины,
разбитые стекла в бурях отправились в путь пепла

Он не переставал быть моим, там наверху, над лампами мертвых,
где у меня случалось, что лобная кость переставала быть пещерой
и становилась выпуклым зеркалом

Я вижу

перекупщиков золота, прохожих и горожан
с рубиновыми пуговицами торгового духа

Я улавливаю сигналы, мигающие пиксели
Каждая явленная картина — эммаусская

Душа заостряется,
в другом моем теле и в другом моем времени заглядывает внутрь

В изломленном секретере стоят хрустальные чаши
Я терпеливо выжидаю на цыпочках,
когда перельется в меня свет лица

К сверканию прибитая в лунной пелене,
в эммаусском трактире в моей голове

Меховой воротник

Поэтесса Анна О. мне подарила
меховой воротник

Я не буду его носить, но из пиетета к животному,
с которого пришлось стянуть шкуру,
я прикрепляю его к плечам

Замкнутая со всех сторон
я не сплю, нагая в воротнике

В нем я принадлежу к тем, кто проходит
по границе жизни, где постоянно морозит,
по наледи идут потоком машины с цепями,
а дети на раздвижном горизонте
строят из снежков
жилище

Один из них ангел

И я там была, на краю столкновений
 Паром, вмерзший во тьму,
 где душа тоскует по воротнику из меха

Прорастает из-под порога вместе со светом
 и о смерти
 не знает ничего

Вспышки коронного света

Русло, по которому мы шагали,
 было углублением среди корней дубов,
 растущих из-под земли, как кости

При вспышках коронного света ты шепнул:
 Скажи, я ли для Тебя
 самый важный человек,
 которого Ты встретила в жизни

И я сказала:
 Ты самый важный человек,
 которого я встретила в жизни

С тобой мне посчастливилось
 заметить, как Бог сажает дерево

Дева или орел

Ночью я вышла на улицу
 Автобусная остановка была залита сиянием

Она была похожа на грань магического кристалла,
 через которую можно было войти во вращающийся свет,
 как при подбрасывании монеты: изнанка или лицо,
 дева или орел

Я услышала стук
 Он усиливался вплоть до грохота

Кто-то снаружи вырубал отверстие,
 чтобы проникнуть внутрь

Меня окружил покой
Я ждала, кто покажется в проломе, пока не увидела
твои глаза, всего тебя, пробивающегося к моему сердцу,
потому что твое уже
свободно

Невеста

Среди деревьев, украшенных инеем,
я вижу мать в подвенечном платье с букетом тубероз

Туфли из атласа врастают в стекло
Замедленно, как будто бы у нее замерзал голос, она говорит:
Я не знаю, куда идти

Куда любовь, матушка

Выступ снега открывает голубица, над леском возносится
ящичек с двенадцатью бутылками вина
Его приготовил отец, нетерпеливо перебегающий из стороны
в сторону, без тропинки под ногами

Чтобы она могла подняться, в душе пробежит по кругу
Не найдет конца, поэтому должна броситься в одну
точку

Исчезнуть в глазу

Юрай Куниак

(В переводах Наталии Шведовой)

Юрай Куниак (р. 1955, Кошице) получил образование в Чешском высшем техническом училище в Праге. В 1990 г. основал издательство «Каменная роза». Автор более десяти поэтических сборников, среди них: «Проекция на веки» (1983), «Часть мирового пространства» (1994), «Блуждающий

нерв» (1995), «Каменная роза» (2004, избранное), «Линия горизонта» (2008), «Пейзаж во мне» (2015), «За городом» (2015) и др. В соавторстве с художником Яном Кудличкой были созданы книги «Мистерия пейзажа» (2008), «*Lamium album*» (2012), «*Rosa mystica*» (2016) и др.

Капля росы

На холодном ветру с озера стоит парень,
 близко к ней. Он следит, как мужает, сколько хищников
 на сто километров сосчитает у автострады.

Он изучает весенние карты снега, читает
 польского поэта Войчеха Банаха, его
 молитву к статуэтке с помойки на улице Бочаново.

Растущая луна днем — это прозрачная облатка,
 самолет направляется в Хельсинки, другой — на юг,
 аисты с Мазурских озер делают
 промежуточную посадку в Кордиках.

Они принесли с собой того парня, дружба
 с Синдбадом-Мореходом, приплыли
 к острову, который превратился в кита.

Мама была тогда далеко, сейчас она еще дальше,
 она всегда хотела, и его тоже учила, сделать что-то
 с чувством и точно, кто-нибудь бы сказал –
 скальпелем разрезать каплю росы.

Латеранская базилика

Зима еще не сказала последнего слова,
 в мелком углублении замерзла вода, в ней цветок,
 обманутый теплом предыдущих дней,
 и божья коровка, обманутая цветком.

Гадюка вцепилась в нос сенбернара,
 мотнув головой, он ее сбросил,
 на скользкой дороге ее охватило отчаяние,
 сосед на лопате отнес ее в лес.
 На ближнем дереве раздался стук дятла
 и вдруг стих, что-то отделилось
 какие-то тяжелые двери закрылись,
 пейзаж за ними остался в своих раздумьях.

На мое имя падает снег, густо и терпеливо,
 палочка невидимого дирижера — такая сонная.
 Фасад леса напоминает
 мать церковей всего мира,
 мороз тебе рисует брови, ресницы, улыбнись.

Озеро

Земля внутри меня двигалась и задрожала,
вершины сотряслись и сдвинулись в основаниях.
Я угнездился в кроне дерева.
Кто знает, что ему делать, тот знает всё.
Спокойная, зеркальная гладь,
пути открыты во всех направлениях,
в обратной перспективе
ты во всех строках моей жизни.

Во мне вершит дела материнская любовь, в ней
берет начало мой дух, натянутая струна,
воспитание милости в себе,
распространение зелени, разрушение границ.

Сегодня здесь каждому пристало только радоваться,
показать другое лицо, открыть другое сердце.
Дом сторожат твои ирисы.
Последние
известия туч, проясняется
замочная скважина к озеру.

Образность

*Рафаэль Санти, «Сикстинская мадонна»,
Альбрехт Дюрер, «Мадонна, царица ангелов»,
Мадонна Сандро Боттичелли,
Мадонна в камне Леонардо да Винчи,
Мадонна с ангелами Людовита Фуллы,
Золотая мадонна Эстер Шимеровой-Мартинчековой,
Мадонна из речной пены
на фотографии Мартина Мартинчека,
Коленопреклоненная мадонна неизвестного скульптора...*

Нескончаемые литании художников, каждому из них
удалось сделать что-то для того,
чтобы Божье дитя родилось снова.

Мама говорила, что это просто:
уместиться в самую малую величину,
принять дитя в себя,
открыть свои внутренние глаза и потихоньку,
без лишних слов произнести: добро пожаловать!

Роса мистическая

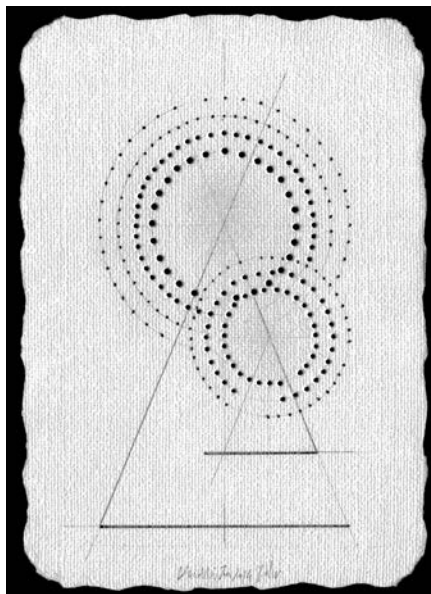
О мадонна,
на всех языках лишь подброшенное слово,
если ты не слетаешь с уст, как облачко.

О мать:
«Как ткач, ты доткал мою жизнь
и отрезал меня от основы».
Отрезанная картина выставлена во мне,
это она ведет меня дальше
жить в согласии с собой, уменьшаться,

не дать увлечь свое лицо, чувствовать
вблизи себя цветок тимьяна и добрую мысль,
на горизонте горные пики, пейзаж во мне,

впотьмах, да и в свете разлитого меда,
в убегающей дали рослое дерево,
прикосновение птичьего пения и неба,

пульсирующую тайну птичьих яичек:
слово, обросшее живой тканью.

Иллюстрации Яна Кудлички

Теодор Крижка

(В переводах Ивана Белокрылова)

Теодор Крижка (р. 1956, Кошице). В 1977–1983 гг. учился в Литературном институте им. М. Горького — отделение поэзии. В 1983 г. работал редактором еженедельника «Нове слово», в редакции издательства «Смена» (1983–1990), в Министерстве культуры Словацкой Республики (1992–1993), в Канцелярии президента Словацкой Республики (1993–1998). В 1998 г. основал журнал «Культура» — еженедельное издание этической направлен-

ности, которое продолжает традиции одноименного католического культурного обозрения. Является его издателем и главным редактором. Автор сборников стихов: «Заклинание весны» (1983), «Спокойная в беспокойстве» (1986), «Солнечная ночь, лунный день» (1987), «Вечерняя Утренняя звезда» (2001), «Жаждающая вода» (2004), «Поцелуй слезой» (2008), «Подорожники» (2008), «Beata Nox» («Блаженная ночь», 2009) и др.

Круговорот

Прозелень к небу простила растения,
Корни же крепко сплелись под землёю.
Вера такая, такое смирение:
Жить — только в дрему впадая зимою.

Купно уснули, укрытые почвой,
Снегом, мечтою, белеющей шалью.
Стают снега, и увидим воочию,
Как расцветут под небесною далью.

Зелень, бутоны — павлинов хвостами,
Словно дорога к воротам небесным,
В час, когда зиму мы утром застали
Тихо ползущей с мечом бесполезным.

Долго спала. И какое ж ей пенье,
Той, что проснулась на собственной тризне,
Живицу выгнав по веток сплетенью
Духом в душе, исповедуясь жизни.

Если речь о живой речи

Коль вспомнил ты живую речь,
Представь, в минуту эту
Здесь каждый волен выбрать меч,
Отбросив роз букеты.

И каждый может вынуть нож,
Срезая розы эти,
И вместо правды выбрать ложь,
Всё проклявши на свете.

И каждый может плётку брать,
Иль посох-патерицу,
Иль ничего не выбирать,
Но Судный день случится.

Прозелень к небу простерли растенья,
Корни же крепко сплелись под землёю.
Вера такая, такое смирение:
Жить — только в дрёму впадая зимою.

Купно уснули, укрытые почвой,
Снегом, мечтою, белеющей шалью.
Стают снега, и увидим воочью,
Как расцветут под небесною далью.

Зелень, бутоны — павлинов хвостами,
Словно дорога к воротам небесным,
В час, когда зиму мы утром застали
Тихо ползущей с мечом бесполезным.

Долго спала. И какое ж ей пенье,
Той, что проснулась на собственной тризне,
Живицу выгнав по веток сплетенью
Духом в душе, исповедуясь жизни.

Если речь о живой речи

Коль вспомнил ты живую речь,
Представь, в минуту эту
Здесь каждый волен выбрать меч,
Отбросив роз букеты.

И каждый может вынуть нож,
Срезая розы эти,
И вместо правды выбрать ложь,
Всё проклявши на свете.

И каждый может плётку брать,
Иль посох-патерицу,
Иль ничего не выбирать,
Но Судный день случится.

Мария Ференчухова

(В переводах Дарьи Анисимовой)

Мария Ференчухова (р. 1975, Братислава) училась на факультете Кино «киносценарий и драматургия», а также в аспирантуре по специальности «история и теория фильма». Автор

прозаических произведений, поэзии, научных исследований. Ей принадлежат поэтические сборники: «Скрытые названия» (2003), «Принцип неуверенности» (2008) и др.

ОБРАЗЫ ЛЕКАРСТВ

Метод

Смотришь внимаешь.
Ловко отмеряешь.
Меру отмеришь.
Оторвешь, отрежешь,
отломаешь, отцедишь, откroшишь,
отвоевываешь:

погрузишь в воду.

Далее действуй мануально
 либо смастери простое приспособление.
 Отмерь каплю,
 долей, потряси, отмерь,
 долей, трясина.
 Еще раз долей.

Еще много раз.

Разбавлением и сотрясанием
 увиденного
 твори образ.

Подсласти, выдержи, подавай.

Азотная кислота

1
 Бесцветный раствор
 постояв обычно становится желтым.
 В сильной концентрации он дымит,ся,
 на свету и на воздухе он окисляется
 и превращается в ядовитый красно-коричневый газ.

2
 Не существует большего гнева чем мой.
 Не существует другого духа мощнее.
 И нет боли сильнее,
 всепожирающие мысли, беспокойство.
 Что знаменует во мне это безмерное
 брожение молекул?

3
 Напрасно ты стремишься разбавить собственную
 слюну. Слезы в конце концов сожгут
 твою роговицу.
 Ты увяз во времени, языком
 вытраиваешь металлы, ногтем
 собираешь экстракт золота с зубов
 и до умопомрачения ищешь доводы,
 отчего ничего
 не могло быть иначе.

Золото

1

Благородный, верный, солидный,
и вместе с тем пластичный металл.
Он может угодить каждой. Его хотят
повесить на шею,
почувствовать на руке его прикосновение.

Он происходит из известного семейства,
где столь похвальные свойства
переходят от отца к сыну.

У нас три дочери, и все его встречают
лучезарной улыбкой.

2

Уже два дня я думаю о прыжке с высоты,
думаю про тело, расплющенное об бетон,
о раздавленных мягких тканях,
рассол, кровь, яркие и приглушенные краски.
Думаю про бурав, проникающий сквозь правый уголок
глаза.

3

Я не понимаю, что происходит.
Он был на рабочем совещании,
мы собирались идти на ужин,
он говорил, что речь идет о безупречном проекте.

Я нашла его скрюченного в шкафу,
в костюме матери,
и еще он примерил ее духи и часики.

4

Возвышенные цели, деструктивные мысли,
неудачи, унижения и после болезнь,
облегчение к вечеру,
а ночью боли,
боли такие сильные,
что вгоняют в гроб.

5

Золото

лечит сифилис, астму
и глубокую депрессию.

Золото

склонно к изворотливости,
любит сладкое,
молоко, хлеб, алкоголь.

Золото ненавидит мясо
в любом виде.

Золото смеется с облегчением,

золото активно ловит
галлюцинации.

Лютик клубневой

1

В верхней части лохматятся волосики.
Крадучись по нежным желобкам следов,
подбираются они к цветам.
Даже в одиночку он ядовит.

2

Обычно ему плохо от холода или сквозняка,
от перемены погоды.
Плохо от алкоголя.
Совсем плохо вечером,
плохо, когда он промокнет.
Плохо, когда к нему прикасаются.
Болезненные, холодные места на теле.

3

Не такой была моя жизнь. Она стала горькой,
поредела, как мои волосы.
В августе я добывал металлы,
а теперь мне не унести их.
Зубы в стакан, не забыть
выпить таблетку, хорошо,
что я живу один,
что ничего меня не касается,

что все время
в этих старых квартирах
топят.

4
Волдыри на моих пальцах,
струпья, твердые ороговевшие мозоли.

5
Этими вот,
вот этими вот руками я бы вас!

Чемерица белая

1
Многолетник с короткой корневой системой
и могучими корнями.
Густо посаженные светлые цветы,
позднее коробочки — алкалоиды, горечь,
смолы и органические кислоты –
не брать! Производить промышленно.

2
В сущности лишь холодное
дыхание и язык, кобальтово-синие образы:
предчувствуя болезнь, он колет,
целует без промаха
в отчаянии от невозможности
спасться.

3
Ему семь лет.
Он повторяет движения,
истово молится, в гневе поднимет
глаза, поцарапает друзей,
порвет занавеси и проволокой
прочертит борозды в штукатурке,
словно готовит место, куда стекать
крику, когда тот отпечатается
на стенах.

4

Я не хотел здесь появляться.
 Но я тут, неизбежный
 и древний, древнее напева,
 что разрывает мои уста.

Паслен сладко-горький

1

Изогнутый, внизу одеревеневший
 стебель, опасный именно там, где
 наиболее тугой. Сердцевидные листья,
 метельчатые соцветия
 с развитым пестиком
 после опыления превращаются
 в яйцевидную ягоду.

2

Было нам несладко, вдесятером
 мы ютились в трехкомнатной квартире,
 мы с детьми в гостиной,
 в кухне мы ели по очереди,
 кнедлики застревали у меня в горле,
 бабушке я каждый день обрабатывала
 нарыв на бедре
 а когда и малыши заболели,
 я закрывала себе рот пеленкой.

3

Матрасы пахли так, что не выведешь.
 Браки длились столько, что
 не объяснишь.
 С каждым я ложилась
 на самом краю, каждого
 оберегала.
 И каждого похоронила
 в дождь.

4

И сегодня меня разрывает
 от несогласия,
 немеют от него губы.
 Но с первым урожаем я

наглухо уйду
под землю, готовая
отовсюду вновь подняться.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ

Анамнез

Отец умер в 37 лет от сердечной недостаточности,
мама жива, сын здоров, анамнез
в психиатрическом плане
без отклонений.
В детстве обычный набор болезней,
не наблюдается у врача, лекарства не принимает,
семь лет назад операция на животе:
брюшная рана от удара ножом.
Постоянной работы не имеет. Подрабатывает официанткой.
Живет одна, в т. ч. в общежитии, выкуривает 10 сигарет в день,
пьет 2–3 литра вина в неделю.

Рано утром соседка нашла ее
на балконе полуголую,
она свешивалась через перила.
Кричала, что наконец настал час.
Она в твердом уме,
идет на контакт,
дезориентирована,
употребляет обценную лексику.

После 14 дней госпитализации
состояние стабилизировалось, настроение улучшилось,
лечение действует хорошо.
Сегодня утром выписана
под амбулаторное
наблюдение.

Воспаления

У меня в теле воспалительные процессы.
Особенно в жилах и лимфатических узлах.
Мои суставы распухли, я читала, что это может быть
подагра или ревматизм.

В моем теле непрерывно ощущения.
Сильные.
Любая ситуация
вызывает во мне реакцию.
Я не жалею о прошлом.
Я испытываю все чувства одновременно.
Печаль, тоска,
и огромная неизбывная страсть,
ко всем.
Гнев и даже зависть,
в пятке сильное покалывание,
в левом желудочке тянет.
Я не могу встать на полную стопу,
хожу на цыпочках.
Мой свод обрушился.
Кровь в икрах давит на клапаны,
кровь стремится обратно,
жилы вздуваются.
Соединительная ткань уже не может удержать
внутренности в брюшине,
и живот надувается.
В животе у меня все чувства,
токсичные материалы,
в мозгу у меня ртуть.
Иногда она течет из глаз,
сверкает в уголках.
Иногда ртуть у меня на языке,
от нее тяжелеют губы,
и время от времени расползаются.
Я не хочу улыбаться.
Иногда я так переполнена,
что острыми предметами
вскрываю складки,
выпускаю ядовитые газы,
срезаю перегородку
и льется из меня машинное масло.

Я с этой тяжестью один на один.
Все во мне,
внутри,
но ничего не говорят.

Что-то могло случиться

Однажды в районе десятого июля
я перестала понимать, что такое реальность.
Я сказала им, не понимаю, что произошло.
Что такого стало, о чем я не помню.
Ведь и то, что я помню, словно в тумане.
Детали совсем привычных вещей:
шерсть пса, грязная вода,
запутанное время.

Когда шкаф отодвинули, я увидела
за ним двери: Они не открывались,
они были металлические и немного покороженные.

И тут я поняла, что фотографии
прилепленные на дне ящика
положила туда не я.
И рукопись не была моей.
Я видела, что за этими дверями
есть другая лестница и другие двери,
за ними жили те,
кого я прежде встречала
в пивной.

Когда я обернулась,
В темной квартире уже не было мужчин
в униформах, там стояла она,
словно находилась там всегда, все время.
Я совершила что-то плохое?
Мы совершили что-то плохое?
В конце коридора семь раз провисало
зеркало.

Метеор

Мы уготовали тебе страшную смерть.
Мы бросили тебя бороться с хищными зверями.
Мы думали, что ты один из них.
Позволили тебе переплести
молочные зубы с иголками,
раковины мягких ногтей с когтями.

Наше продолжение,
розовая нить, запутавшаяся в живом
клубке волос, слизистых сумок
упругих костей,
посреди искусственно посаженного леса,
который необходимо три раза в день поливать,
чтобы тот не превратился в пустошь,
какой был прежде:

спокойная, неброская минута
завязки. Переход к тишине
наполняют ритмом лишь
миллионы цикад.

Последние дилеммы шестилетки:
Кто вырезал солнце,
несмотря на палящую жару,
кто его непрерывно
засовывает в вышину?
Кто пускает по небу метеоры?
Мир таков, каким я его вижу?
Я в самом деле тот,
каким думаю, что я
был?

ВОСПОМИНАНИЯ ЛАДИСЛАВА БАЛЛЕКА

Во времена виртуальных, а зачастую и просто мало правдоподобных сюжетов в словацкой литературе иногда появляются автобиографические произведения, в основу которых положены реальные истории. Именно к такому можно отнести книгу Ладислава Баллека «Прогулки по Трое и лабиринты памяти» (издательство «Каллиграм», 2013), которая представляет собой дневниковые записи автора, относящиеся к 2000–2008 годам, когда он был послом Словацкой Республики в Чехии.

Депутатом Баллек стал, как он вспоминает, благодаря случайной встрече с Л. Фогашом. Эта судьбоносная встреча у Дуная состоялась в январе 2001 года, а 6 марта на Пражском граде Баллека уже принимал президент Чешской Республики Вацлав Гавел, который, несмотря на свою болезнь, пригласил нового посла на личную встречу. Как положено, почетный караул Града отдал честь новому послу. А затем последовала череда встреч с председателем парламента ЧР П. Питгартном, с которым он еще до этого виделся в Лугачовицах. После полудня Баллек посетил тогдашнего спикера Палаты депутатов ЧР Вацлава Клауса. Он встречался с ними и позже, и эти встречи, как правило, носили доверительный характер. В череде встреч четвертым стал вице-премьер ЧР М. Земан, беседа с которым также была сердечная, дружеская. А после последовало еще мно-

го знакомств с соотечественниками, среди которых была даже дочь известного словацкого писателя Й.Г. Тайовского. Так начался первый год Баллека в должности посла.

Первая часть названия книги — «Прогулки по Трое» означает, что резиденция словацкого посла находилась в районе Праги, который называется Троя. Это часть города застроена особняками, там же расположен и пражский зоопарк. Свою политическую деятельность и работу на поприще культуры Баллек всегда сочетал с интересами, связанными с его прозаическим творчеством. Это именно то, что является для читателей наиболее интересным. Об этом говорит вторая часть названия книги — «лабиринты памяти».

Являясь официальным лицом, посол не мог сам определять большую часть своей программы, не мог отдавать предпочтение личным интересам. К счастью, эти личные — прежде всего литературные — интересы нередко сочетались с его обязанностями посла. Совершенно очевидно, что чешско-словацкие отношения в период его пребывания на посту посла были довольно необычными. Многие политики, простые люди, деятели культуры очень тепло вспоминают свои встречи с Ладиславом Баллеком. Несмотря на то, что бывшая республика уже распалась, чехи с симпатией относились к словакам. И позже «многие из

тогдашних иностранных дипломатов спрашивали его, почему мы — чехи и словаки — собственно, разошлись?» (С. 20). Деятельность посла в те годы была весьма разнообразна: он помогал студентам из Словакии, у которых не было общежития, принимал участие в их мероприятиях на педагогическом факультете Карлова университета в Праге, который я вместе со студентами нашего факультета тогда посещала, навещал больных друзей, которые работали в то время в Праге (например, Р. Хмеля, С. 21, 29), оказывал содействие эмигрантам в получении гражданства, регистрировал браки в посольстве, посещал Я. Фигеля, находящегося после аварии в травматологическом отделении клиники Брно. Как правило, события его личной жизни перекликались с важнейшими историческими событиями того времени. Он вспоминает посещение историка Я. Яблоничского во время его работы в чешских архивах (С. 29), принимает участие в траурных мероприятиях по случаю еврейского холокоста, вручает памятные медали семьям, которые спасали евреев (С. 29). Важное значение имела встреча со старостами пражских районов, во время которой они договорились о регулярных контактах представителей района Прага 2 и братиславского района Рача. Баллек присутствует на лекциях, организованных в рамках словацко-чешского клуба, который под руководством В. Скальского стал центром словацко-чешских отношений в Праге. Он посещает экуменические богослужения и содействует сотрудничеству представителей различных религий. Большим событием стало его присутствие на службе в Храме свято-

го Вита, которую в память о жертвах трагических событий в США (С. 30) организовал Вацлав Гавел. Вспоминает он и о своем присутствии на премьере фильма М. Минача, рассказывающем об англичанине Н. Уинтоне, который в период Второй мировой войны спас 669 чехословацких детей. Тогда по просьбе матери режиссера З. Миначовой Баллек в качестве посла произнес речь, многократно повторенную на протяжении многих лет. Он принимает регулярное участие в приемах, проходящих в посольствах разных стран, начиная с США и заканчивая небольшими государствами. Одновременно в его обязанности входит организация приемов в посольстве Словакии, которые способствуют поддержанию дружеских отношений между послами (С. 31). Занимается посол и менее приятными делами. К примеру, на пани Драгу, по происхождению словачку, напал бомж (С. 31), и ей необходимо было подать заявление в полицию. Сочувствие к простому человеку, конечно же, не входит в обязанности посла, однако это как нельзя лучше характеризует Ладислава Баллека не только как писателя и посла, но и как человека.

В книге воспоминаний преобладают положительные эмоции, оценки, симпатии, вместе с тем она является кладезем документов и свидетельств того времени. Так, он пишет об участии в проведении «Праздника братства чехов и словаков» на Яворине (С. 29), вспоминает различные юбилеи (например, трагические события в США), сопровождает официальных словацких и чешских представителей, например, членов Конституционного суда Словакии (С. 32), часто встречается с главным органи-

затором чешских и словацких культурных и политических переговоров в Сенате Е. Ланским, выступает по радио, телевидению, принимает участие в беседах, пропагандирует Словакию. Деятельность Баллека способствует ликвидации напряженности в отношениях между двумя народами в период распада Чехословакии, он всячески содействует позитивным контактам — человеческим, дружеским, личным. После встречи с группой арабов, которые были похожи на террористов, и, основываясь на информации арабистов, он, сидя в трамвае, размышляет о том, что самыми радикальными врагами европейской цивилизации среди мусульман являются именно те, кто учился в университетах Европы и Америки (С.36). Он понимает, что «военная акция в Афганистане» не ликвидирует напряженность, хотя она и неизбежна. Он наблюдает беседы политиков (Мигаш — Клаус, Земан), сознавая, что они, носят порой личный характер, содействуют развитию чешско-словацких отношений в контексте европейских и мировых связей (С.36). Неординарными являются и взаимоотношения с польским послом историком Кравчиком, которые в свое время обеспечили поддержку Польшей Словакии при ее вступлении в НАТО. Именно эти отношения были важнейшей темой переговоров в первые годы пребывания Л. Баллека в качестве посла СР в Праге. Весь первый период пребывания Баллека в качестве посла проходил под знаком вступления Словацкой Республики в ЕС и НАТО, которое было предопределено результатами парламентских выборов 2002 года. В этой связи важное значение имели встречи с тогдашним министром

иностраннных дел Е. Куканом, с Л. Фогашом, а также с чешскими политиками, в частности, с Р. Сланским — послом в Словакии — и заместителем председателя правительства ЧС П. Рыхетским.

К концу года посол начинает болеть, что является признаком его переутомления, и именно тогда он обращается к своему прошлому. Именно эти возвращения в личное и литературное прошлое особенно привлекательны для читателей. На сей раз речь идет о событиях, связанных с учебой в школе и во вновь открывшемся Педагогическом институте в Банской Быстрице, где Л. Баллек учился. Однако обязанности посла он продолжает выполнять до Рождественских праздников; приезд жены, семьи становится для него отдушиной, как и воспоминания о близких, которые «летописец» может себе позволить во время праздников. Он рассказывает о кончине матери в 1998 году, в его воспоминания постоянно вклинивается реальная жизнь, наконец, год завершает самая интересная часть книги, которую можно назвать «Лабиринты памяти 3» и которая становится апогеем описания первого года пребывания Баллека в качестве посла в Чехии. Здесь рассказывается о приезде в родную деревню Альтвассер, в которой живут немцы Спишского края, отца матери Августина из Америки. Дед писателя руководствовался в своей жизни принципами, которые были сформированы семейными традициями, включая основополагающий принцип: «ничто огромное, энергичное и беспощадное кроме огня не способно совершить ничего значительного». «Он не курил, не пил, не ругался вслух, все здоровье, волю и энергию он отдавал торговле, учебе,

ремеслам, счетам. Когда он прочитывал то, что могло оказаться для него полезным, он закрывал глаза и, многократно повторяя, складывал это в своей памяти, а если на следующий день он не обнаруживал заученного, то наказывал себя тем, что отказывался от завтрака. По отношению к себе он был сдержан, людей не стремился развлечь или заинтересовать» (С. 71). В Америке дед разбогател, он побывал там трижды, как опытного мастера его приглашали снова, но он не смог жить без родного края, к тому же его жена Мария чувствовала себя плохо, поэтому он вернулся. Он был «привлекательным мужчиной среднего роста, с черными усами», темноволосым, в то время как его дети унаследовали от матери светлые волосы и голубые глаза (С. 72). Дед всегда радовался тому, что ему уже не надо будет работать на шахте, что он может построить себе новый дом и мельницу, однако его не покидало предчувствие несчастья. Предвестником этого несчастья стала змея, выползшая из колодца, когда он собирался попить воды. Свою жену он впоследствии найдет мертвой, однако где-то его уже ожидала другая — будущая бабушка писателя, Мария, муж которой к тому времени уже умер. «Летописец» вспоминает свое детство в Шагах и службу в армии — спустя четырнадцать лет он получит от своего бывшего командира М. Махачека поздравление по случаю его назначения послом. В этих воспоминаниях мы узнаем важные биографические подробности: например, причины переезда семьи из Банской Быстрицы в Братиславу. Он посещает Шумаву и Чешский лес, где в 1963 году, будучи солдатом, служил на погранзаставе. Военная

служба продолжается два года — у его курса еще не было военной кафедры, — и он даже служит на два месяца дольше положенного: в то время пограничная служба была длиннее. Посещает место прохождения службы на западной границе, в Нырске: «Когда я немного огляделся в Нырске, мне показалось оно почти курортным местечком: там произошли такие же перемены, как и в Домажлицах, и то, что я пытался найти там, уже изменилось или совсем исчезло. При этом я подумал о том, что нельзя вернуть молодость, ибо она уже исчезла навсегда... Боже, как я любил тогда здесь мечтать! И жить...» (С. 24).

Далее в книге всплывает мотив романа «Лесной театр» и другие мотивы, известные из произведений Л. Баллека. Он вспоминает свои первые письма, обращенные к студенческой любви Анне (она изучала право в Братиславе), к матери. Все они были написаны в духе правды предков, которой он руководствовался всю свою жизнь. Пограничное местечко Хеб вызывает ассоциации с пограничным городом Шаги, где будущий писатель провел свои детские и юношеские годы. Мы узнаем их в его произведениях, узнаем и родной край матери Спиш, немецких предков писателя. Здесь он использует ассоциативный способ рассказывания, перемежает план современности с планом воспоминаний. При этом вызывает удивление его память. Когда он смотрит на железную дорогу, в его сознании всплывает воспоминание о поездке в Германию, когда он вместе со своими литературными коллегами — Шутовцом, Проузом и Коларом вынужден был подчиниться пограничному досмотру в местечке Хеб и когда

у них отобрали все печатные материалы, которые они получили в Германии. Юмористические истории здесь чередуются с грустными и трагическими картинками нашего недавнего прошлого. Интересно описана встреча с Эржикой, словачкой по происхождению, которая когда-то, когда он был еще солдатом, пригласила его на танец, а он отказал ей. Встреча спустя сорок лет носит ностальгический характер.

Вслед за эпическими пассажами, напоминающими лучшие места романов Баллека, следуют дневниковые записи, фиксирующие его официальные обязанности: во время встреч с чешскими политиками часто звучит критическое отношение к факту распада Чехословакии, трудности, связанные со словацко-венгерскими отношениями. Далее в памяти автора всплывают встречи с Рудольфом Шустером (Баллека растранивала его болезнь), с Я. Чарногурским и П. Питгартом, рассуждения по поводу проблем, содержащихся в декретах Бенеша, словацко-венгерские отношения, вступление Словакии в НАТО. Автор поясняет важные проблемы, касающиеся политики, культуры, личной жизни, которые нередко взаимосвязаны. Эпический характер повествования обретает главным образом в описании частной жизни, дневниковые же записи, как правило, лишь кратко фиксируют факты. Пословицы и поговорки, которые он часто использует, подтверждают хорошо проверенную правду. Ему приходят на ум слова его спишской бабушки о том, что когда человек слишком сильно спешит куда-то, то будет лучше, если он опоздает. Песня, которая доносится из костела на чешско-немецкой границе, вызыва-

ет воспоминание об отце: «он подошел к ближайшему костелу, который в его времена был пустым и покинутым. Иногда он входил внутрь для того, чтобы помедитировать и вместе с хором вспомнить песню «Ближе к Тебе, Господи...» Во время каждой воскресной мессы его отец пел эту песню в сопровождении органа в костеле Шáги, когда готовился к своему последнему пребыванию в братиславской больнице. Он словно предчувствовал, что его ожидает дорога в Дольный Кубин, в родной дом, на свою кровать, в которой он появился на свет Божий для того, чтобы прожить сорок семь лет и после трехмесячных мучений навсегда покинуть этот мир... А он, писатель, остался в Шáгах один и переживал период, который и по сей день остается самым тяжелыми в его жизни» (С. 25).

Своеобразным бегством от бремени каждодневных обязанностей, которые Баллек исполняет педантично, образцово, являются воспоминания в «Лабиринтах памяти» о детстве в Шáгах, отце, который был родом из Оравы, матери — спишской немке. Семейные ценности святы для него, а гармония семейных устоев является основой его уравновешенного, сформированного этическими принципами характера: «Мама была привязана к семье, природе, родному краю, она руководствовалась в воспитании детей прежде всего любовью к дому, в то время как отец отдавал предпочтение просвещению, положению в обществе, среди людей, в государстве... Впрочем, и матери тоже это не было чуждо, и когда отца уже не стало, она вновь и вновь возвращалась к его жизненным ценностям, вспоминая при этом, что их всех

оберегает в жизни свойственная ему человечность, его забота о судьбах переселенцов». Отец воспитывал в детях стремление к знаниям, которые бы помогли им избежать участи «косарей лугов и пастухов овец»; он подчеркивал важность человеческого великодушия, «...советовал не обижать хорошего человека... своей вдумчивостью, рассудительностью, сдержанностью и великодушием он поражал нас... Для него было важно, чтобы мы, его дети, в первую очередь на людях, разговаривали сдержанно, подавляли свои эмоции» (С. 58). Отец имел дворянские корни, на этих благородных принципах еще его отец воспитывал своих детей.

Воспоминания о детстве и семейных традициях мы находим и в начале рассказа о следующем периоде деятельности писателя в качестве посла в Праге, который приходится на 2002–2003 годы. После смерти матери весной 1998 года он посещает родные места как раз в то время, когда там цветут акации — символ всего творчества Баллека. Его малая родина усыпана ее цветами, которые становятся как бы вратами, как он выражается, в его невинность. Официальным поводом для посещения родного городка Шáги стала беседа с писателем, но в действительности его привела туда тоска по малой родине, желание встретиться с близкими людьми. Из Клиц приезжает брат Йожо, с которым он встречается в парке, они идут к реке Ипелью. «Автор и сам не знал, почему самые далекие дали делились ему всегда с берегов рек, озер, морей, а с берега Ипеля он видел еще дальше» (С. 84). Ипель — река, в которой он, будучи мальчишкой, едва не утонул, когда прыгнул в его холодную

весеннюю воду. Водой окропила его и бабушка, когда, появившись на свет, он не дышал. Желтые луга с распустившимися одуванчиками, аромат цветущих акаций, виноградник, солнце — все они отворили двери его памяти: «Он чувствовал, что смотрит на места, которые всегда найдут себе приют в его памяти, и этот приют он назвал “Солнечным берегом памяти”» (С. 85).

В его сознании всплывает череда воспоминаний, в том числе эпизод с украденными одноклассниками фруктами — уже тогда он проявил себя как дипломат, не выдав их. Далее следует рассказ о переживаниях матери по поводу болезни и смерти отца; она уезжает, чтобы ухаживать за ним, будущий писатель остается в Шáгах один, ему грозит тройка по поведению, он получает двойку по математике: после каникул его ожидает повторный экзамен, неприятности с учителями продолжаются; он носит темную одежду и галстук, избегает развлечений и коллективных мероприятий. «Его обвиняют в барских манерах и буржуазном поведении», упрекают в индивидуализме, в пережитках во взглядах на некоторых отечественных и зарубежных литераторов, на историю, на словацких, чехословацких и зарубежных деятелей. К экзаменам на аттестат зрелости его не допустят, он получит единицу по словацкому языку и целый год вынужден будет трудиться в рабоче-крестьянской среде. Мать и следующий год отсутствует — она вместе с его сестрой ухаживает за бабушкой в ее родной деревне Стара Вода на Спиши. Свои решения учителя, в конце концов, поменяют — «По поводу этих решений школы самая влиятельная часть город-

ского общества непонимающе покачает головой» (С. 88); на второй год он останется в одиннадцатом классе.

Рекомендацию в высшую школу Баллек не получил, к счастью, как раз в этом году открылось несколько педагогических институтов, а так как поступить на первый курс желающих было мало, его после дополнительных экзаменов условно принимают в Педагогический институт в Банской Быстрице. И, как он пишет, судьба улыбнулась ему, ибо банско-быстрицкие годы он считает счастливыми годами своей жизни. Баллек видит существенные отличия в семейном и школьном воспитании между северной частью Словакии и южной, он «избегает всяческих споров» (С. 89), может углубиться в книгу, проявляет себя как индивидуалист, переживает непонимание учителей, их ответы на его вопросы кажутся ему слишком примитивными, поэтому он ищет ответы в книгах. Дома его не наказывали, отец приучил его к чтению, истоки познания он видел в античной цивилизации; глава заканчивается уходом отца.

Следующий раздел «зигзагов памяти» повествует о сороковых годах, когда таможенники праздновали капитуляцию хортистских войск. Отца писателя арестовали немцы. Они жестоко допрашивали его, хотя на празднике таможенников он отсутствовал. Тогда его спасла мать, спишская немка, которая под присягой поклялась, что отца там не было. Вскоре немцы покинули Дудинец. Далее мы становимся свидетелями встречи отца писателя (тогда вдовца) с его матерью (в то время вдовой). Их свадьба состоялась в Угорной, Баллек использует немецкие названия городов и деревень, так как помнит их еще

с детства. Семейная сага продолжается, «летописец» вспоминает спишские леса в долине Угорной, где его мать вместе с семьей жила в доме лесника. Отец меняет место работы: сначала в Вышнем Комарнике, затем его переводят на Ораву — в Суху Гору, потом на юг Словакии, в Шáги. Чередование времен в этих воспоминаниях придает тексту характер современной прозы.

Неотъемлемая часть пребывания в Праге — прогулки по любимым местам — сначала в одиночестве, а затем с женой. И вновь всплывают воспоминания о детстве в общем государстве чехов и словаков, о судьбе президента Т.Г. Масарика, М.Р. Штефаника; при этом писатель и посол — в одном лице — поражают нас своей энциклопедической памятью. Описания любимых мест в тихом районе города, где находится резиденция Л. Баллека, чередуются с рассказами о прогулках по Национальному проспекту, Вацлавской и Староместской площадям, где он пьет кофе, при этом он не забывает и об основных событиях, как он говорит, чтобы извилины в голове «прежде времени не заржавели». Он приходит к выводу о том, что «человеческая память ... более долгая, глубокая и определенная, чем память государственных органов», хотя последняя и важна, но более избирательна и мимолетна» (С. 34). При этом критические оценки описываемых событий содержатся лишь в подтексте, автор избегает их, факты он комментирует с позиций наблюдателя, как правило, беспристрастного (например, эпизод, в котором рассказывается о том, как группа арабов в трамвае бросала на пол окурки). Он принимает участие в спортивных мероприятиях в Праге,

когда их посещают государственные деятели Словацкой Республики, многие из которых, благодаря его доброжелательности, становятся его друзьями. Сложную работу Баллек компенсирует приятными впечатлениями, опорой для него является супруга, с которой однажды он спас утят во время прогулки по Трое (С. 128–129). Писатель становится свидетелем наводнения в Праге летом 2002 года: «Во время наводнения вырванная с корнем сирень, растущая возле забора зоопарка в Трое, зацвела голубоватыми цветами весны, словно протестуя против своей гибели... Деревья, что росли вдоль Влтавы — в основном это были вырванные с корнем акации — зеленели последней надеждой. Нет, мы не хотим умирать. Так шептали они, обратив свои листья к солнцу... Вода течет, течет, солнце еще греет. Расцвели и другие цветы, испытывая шок от наводнения» (С. 156). Акации, будто символ жизни, играют важную роль в судьбе писателя и в его творчестве в различные периоды его жизни. Они являются символом вечных жизненных ценностей.

Из деятелей культуры постоянными соратниками Баллека являются Р. Хмель, Ю. Якубиско, М. Ласица, Л. Фелдек, С. Чехова из журнала «Мост», которые после распада Чехословакии вносят свой вклад в развитие чешско-словацких отношений. Радостным событием для него после оккупации страны в 1968 году становится перевод его романа «Помощник» и отрывка из романа «Акации» на русский язык. Его гражданская позиция отличается мужеством и бескомпромиссностью. Он организует или принимает участие в мероприятиях, пропагандирующих

словацкую культуру — в Чешских Будейовицах, Лугачовицах, а также на Мораве, например, в Остраве, участвует в театральных представлениях чешских и словацких театров, в концертах, выставках. В частности, Баллек вспоминает концерт Петра Дворского по случаю 50-летия со дня рождения мастера в пражском Общественном доме (С. 30), который стал важнейшим культурным событием Праги в то время, он лично поздравляет его с юбилеем, а после они становятся друзьями.

Добрые отношения складываются с тогдашним чешским министром культуры П. Досталом, позже Баллек посещает его в больнице, когда тот заболевает. Благодаря его усилиям словацкие театры и артисты часто выступают в театре «Без забрадли». Он принимает участие в премьере словацкого фильма «Местечко» (С. 33), а также в беседах с чешскими деятелями искусства (в частности, с одним из участников фильма, который пользовался большим успехом в Праге, — Я. Краусом), становится свидетелем кинофестиваля в Карловых Варах. Значительным событием этого времени является организация и проведение «Месячника чешско-словацкого культурного сотрудничества», который проходил при участии председателей правительств — М. Дзуринды и М. Земана — в словацком Национальном театре; инициирует подписание культурного договора на 2001–2003 годы министрами культуры М. Княжко — со словацкой стороны — и П. Досталом — с чешской, активно содействует осуществлению показа на сцене Национального театра в Братиславе спектакля пражского Национального театра по новелле Грабала

«Я обслуживал английского короля», участвует в 150 других культурных мероприятиях, которые проводились в обеих республиках в течение этого месячника (С. 37).

Дневники Л. Баллека представляют собой хронику чешско-словацких литературных отношений в 2001–2008 годы. В должности посла он как известный словацкий писатель выполнял функции и культурного атташе СР в Чехии. Вместе с Р. Хмелем в период после распада Чехословакии они были самыми известными представителям словацкой культуры в Праге. Рудольф Хмель — известный словацкий литературный критик и историк литературы — заведовал Кабинетом словачкистики на философском факультете Карлова университета, позже руководил Кабинетом славянских исследований. Став министром культуры СР, Хмель в значительной степени содействовал развитию чехословацких отношений в области культуры.

Поскольку Л. Баллек к этому времени уже был известным прозаиком, его отношения с деятелями словацкой культуры носили личный характер. В Театре комедии он побывал в гримерной у М. Ласицы, М. Лабуды, М. Княжко, когда те показывали пьесу «Шутка». После представления, на котором присутствовали зрители со всей Чехии — при этом некоторые из них видели пьесу много раз, — во время приема, состоявшегося после спектакля, он принял участие в дебатах с чешскими поклонниками словацкой культуры. Словацкий Национальный театр поставил оперу Моцарта «Дон Жуан», гостей приветствовал тогдашний председатель правительства ЧС М. Земан,

министр культуры П. Достал и другие члены чешского правительства.

Известно, что отношения с людьми, которые посол установил еще в первые годы своего пребывания на этом посту, были дружескими, и он поддерживал их все восемь лет; постепенно они обрели и характер отношений личных, даже семейных. Важным он считает разговор с немецким послом М. Либалом, касающийся условий принятия Словакии в Евросоюз и создания будущей коалиции. Он отмечает, что немцы внимательно и избирательно наблюдали за событиями в Словакии. Баллек реагирует на это следующим образом: «Я признавал право членов ЕС на выбор стран-кандидатов, однако я рекомендовал дополнять их оценки оценками словацкой стороны, для того чтобы отношение было более объективным. При расширении ЕС, сказал я тогда, помимо факторов экономических необходимо учитывать также и факторы культурные, философские, человеческие...» (С. 40). Свое мнение он выражает словами о том, что Словакия живет в оптимистическом ожидании своего вступления в европейское содружество, которое в настоящее время обоснованно, а ее разочарование не пошло бы на пользу ЕС (С. 41).

События культурной жизни тесно связаны с событиями личной жизни Баллека, так как посол был одновременно еще и писателем. Он вспоминает, к примеру, показ фильма «Помощник» и беседу со сценаристом В. Шулаем (С. 44), выступления фольклорных ансамблей «Лимбора» и «Малая Лимборка», поздравление Л. Фелдеку по случаю его 65-летия и др. Принимает участие в возложении венков к па-

мятнику Т.Г. Масарика, которое было частью празднования Чешской Республики, вспоминает выступление мартинского театра в «Театре под Пальмовкой», вступительное слово В. Гавелла, прием на Граде. Однако здесь уже можно обнаружить появление первых признаков недомогания автора.

Он обращается к содружеству писателей: «В ситуации, когда бывший Союз писателей рухнул и его осколки разлетелись в разные стороны, кажется, что все вопросы решаются лишь путем дальнейшего дробления, что они могут быть восполнены искусственно, рыночным способом... Классовое сознание, подобно листьям, опадающим с кроны дерева, которые превращают эту крону из прекрасно одетой молодой дамы в старую и голую, явно ослабло, угасло» (С. 45). Он сравнивает новую ситуацию с периодом, когда его отец служил пограничником и когда его коллега, растратив 10 чехословацких крон, вынужден был уйти из отряда, однако его поступок не должен был стать публичным, ибо он бросал тень на всех пограничников. Культурное и политическое начала перемежаются, придают оценкам политических событий человеческий характер, язык блестящего прозаика выглядит достойно, он не слишком орнаментален, посол блестяще выражает свои мысли, сообразно с важностью излагаемого материала.

Описание профессиональных, политических обязанностей, а также

обязанностей на поприще культуры чередуется с краткими дневниковыми записями, становится очевидным, что «летописца» все больше одолевает усталость, однако он тщательно скрывает ее. Он участвует в новых встречах с представителями культуры; Р. Лукавский, Р. Брзобогатый и его жена Г. Грегорова основывают театр; Баллек вместе с Р. Шустером участвует в совместных мероприятиях, проводимых представителями всех религий; он вместе со всемирно известными чешскими писателями (Л. Вацулик, М. Вивек, финский богемист Е. Балк, В. Замаровский) присутствует на большом празднике «Мир книги», который состоялся на книжной ярмарке в Праге (С. 119–120).

Ежедневные обязанности, выполняемые на сто процентов, повлияли на здоровье посла — одного из самых значительных прозаиков второй половины XX столетия. Его последняя книга мемуаров является свидетельством ежедневной самоотверженной борьбы с действительностью и с самим собой — его личность и характер определяют семейные и национальные корни. В этих воспоминаниях без всякого пафоса воссозданы мгновения судьбы человека, который содействовал мирному разрешению проблем, связанных с распадом Чехословакии на два самостоятельных государства, что уже само по себе предполагало наличие множества проблем, которые, благодаря мудрости дипломатии с обеих сторон, произошло спокойно.

Литература:

Ballek, Ladislav. Trojou a vřškom pamäti — Pisárov dlhý zápis 2000–2008. Bratislava, Kalligram. 2013.

(Баллек Л. «Прогулки по Трое и лабиринты памяти. Летопись 2000–2008». Братислава. Каллиграм. 2013)

Перевод Аллы Машковой

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

МОНИКА КОМПАНИКОВА

Моника Компаникова (р. 1979) — словацкая писательница молодого поколения, автор целого ряда книг, пользующихся заслуженным успехом. В начале своего творческого пути она издала два сборника рассказов («Место для одиночества», 2003; «Белые места», 2006). Затем был опубликован ее роман «Пятый корабль» (2010), получивший высокую оценку читателей и критики. В 2011 г. эта книга была удостоена престижной литературной премии «Анасофт литер», а снятый по ее сценарию художественный фильм получил призы международных кинофестивалей. Среди последних работ писательницы

— иллюстрированная книга для детей «Глубоководные сказки» (2013) и роман «У слияния» (2016). Произведения М. Компаниковой переведены на многие языки мира, в том числе — на английский, немецкий, арабский, венгерский, сербский и др.

В представленном здесь фрагменте романа «Пятый корабль» («Piata lod») отражены свойственные книгам Компаниковой доверительная интонация, точность психологического портрета, аутентичность в передаче внутреннего мира персонажа.

Для героини романа, юной Ярки, внутренняя гармония становится по-

что недостижимой. Лишены не только теплоты, но и всякого человеческого содержания отношения между ее суровой моралисткой-бабушкой и беспутной матерью, и сама она одинаково безразлична обеим. Глубоко несчастные, они внушают и Ярке убеждение в собственной неполноценности, формируют в ней комплекс вины за их жизненные неудачи и беды. Ярка пытается помочь другим несчастным детям, уводя их из враждебного мира взрослых в иллюзорно дружелюбный мир природы в заброшенном саду дедовской дачи, на воображаемый «голубой корабль».

Крушение этой иллюзии становится для Ярки еще одним ударом, оправиться от которого ей удастся лишь спустя годы, когда она вновь встречает свою юношескую любовь. М. Компаникова наделяет свою героиню характером цельным и деятельным, несмотря на давление неблагоприятной среды. Она выстраивает сложный сюжет его развития, используя и повествование от первого лица, и чередование временных пластов, и отступление к характеристикам-биографиям других персонажей, пропущенным через восприятие юной, а затем и повзрослевшей Ярки.

Моника Компаникова

ПЯТЫЙ КОРАБЛЬ (отрывок)

Луции было шестнадцать, когда я родилась. Вполне понятно, что она не испытывала при этом никакой радости, счастья или удовлетворения. Стать матерью в этом возрасте означало для нее одно — постареть, запереться в четырех стенах, опуститься, набрать лишние килограммы, перестать заботиться о себе, растерять подружек и парней, лишиться вкуса к жизни, свободного времени, сна, вообще свободы. И она изо всех сил сопротивлялась. Отправляясь куда-нибудь, она одевалась в точности, как мои одноклассницы — в короткие юбочки, розовые или фиолетовые, в майки с латексными наклейками. А иногда влезала в узкие джинсы и в большие пацанские кроссовки, на голову нахлобучивала капюшон толстовки или бейсболку. На руках у нее звенели браслеты, дешевые, облезлые обручи, то и дело спадавшие с запястий. Она так и ходила, судорожно растопырив пальцы, словно грабли, чтобы только удержать эти браслеты на своих худых руках. Мы с ней могли бы запросто обмениваться одеждой, носить одни и те же ботинки, вместе покупать шмотки — если бы у нас был одинаковый вкус и если бы Луции этого захотелось.

Не называй меня мамой, повторяла она снова и снова, а то я чувствую себя старой короной. Называй меня Луция. А у меня это имя никак не хотело вылезать изо рта. Каждый раз оно застревало где-то в горле, не в силах протиснуться вон и прозвучать естественно и искренне. Но я научилась и этому.

Ты же моя мама, думала я. Разве нет? Мама всегда мама, разве нет? Не обязательно всем про это знать. Ты меня стыдишься? Брось свои глупости! Я устала.

Я устала. Такая вот точка в конце каждого разговора.

Однако усталость и вялые, замедленные движения ей совсем не шли. Она же была так молода. Вспоминаю ее прежней, вскоре после смерти Ирены, когда нам уже не нужно было скитаться по съемным углам или терпеть Ирины попреки. Мне было десять, и я вполне могла о себе позаботиться, много времени проводила в кружках и на продленке. У Луции была тогда относительно стабильная работа: это означало, что она почти три месяца трудилась на одном месте; у нее были и некие относительно стабильные отношения: это означало, что упомянутый господин был уже готов отремонтировать протекающий бачок, а на умывальнике лежала его зубная щетка. Помню, какая в те времена была Луция: веселая и бесшабашная, она без устали носилась по квартире, даже готовила и убирала, ходила в магазин и делала все те обычные вещи, какие делают по дому другие мамы. И только порой, будучи на взводе — из-за ссоры с приятелем или из-за задержки зарплаты — она подолгу стояла у окна, притопывая ногой и прищелкивая длиннющим ногтем большого пальца о еще более длинный ноготь безымянного в ритме какого-то шлягера. Квартира досталась нам по наследству, Ирена умерла, и это стало для нас настоящим чудом.

Ирена регулярно устраивала в квартире тотальную чистку.

В первый раз она провела свою грандиозную уборку, когда ее супруг, некий пан Милетич, сбежал в 1968 году в Австрию. Всех это очень удивило, поскольку пан Милетич всю свою жизнь был тихоней, уравновешенным, солидным и покладистым работником. Но в один прекрасный день он поехал в Девин на кладбище, прополоть сорняки на могиле брата, и назад уже не вернулся. Года через два-три от него пришла открытка, а потом уже ничего, человек как сквозь землю провалился. В Братиславе он оставил жену и двухлетнего ребенка. Если когда-нибудь Ирена, театрально сжав зубы, о нем и упоминала, то всякий раз говорила о некоем пане Милетиче, слабовольном и нерешительном типе, у которого руки постоянно были выпачканы по локоть в земле. Его поездка на Девинское кладбище должна была порядком ее подкосить. Сама я его никогда не видела и ничего о нем не знала, кроме того, что он всегда ходил сгорбившись и что у него был ухоженный сад, где он проводил все свободное время. Там или на кладбище в Девине.

Ирена служила заведующей детским садом, и когда на пороге своего сорокалетия, в шестьдесят шестом, она забеременела, это было воспринято общественностью, как внезапное падение на землю метеорита. Следует ли раздуть из этого неожиданного факта сенсацию и извлечь для себя какую-то выгоду или надо сделать вид, что ничего не случилось и лить на ее раны целительный бальзам? Ирине пришлось срочно предъявлять отца ребенка, регистрировать брак и менять свой прежний образ жизни — старой девы, посвятившей всю себя, душой и телом, воспитанию социалистической молодежи, на новый — заботливой матери и супруги.

Ребенка уже через полтора месяца переместили в казенную кроватку яслей, располагавшихся прямо под кабинетом заведующей, и он каждые три часа получал бутылочку с молочной смесью, а на попку — детскую присыпку с тальком. Ирена — в духе того времени — образцово сочетала карьеру с семейными заботами, пока некий пан Милетич не решил прополоть сорняки на могиле своего брата. Товарища заведующую тут же перевели на кухню, на самый нижний, цокольный этаж железобетонного здания, поскольку жена эмигранта не имела права воспитывать детей в духе настоящих коммунистов.

Квартиру она вычистила за три дня, сразу после унижительной ссылки на цокольный этаж. От деда не осталось даже спички, затерявшейся среди матрасов. Ее низвели на уровень некоего Милетича, который был до своего бегства монтером в Димитровке (*Братиславский химический комбинат — прим. пер.*), ей устраивали проверки, как подозрительной личности. Она вмиг постарела, и коренившаяся в ней злоба, которую она ради хорошей должности в детском саду скрывала под любезной улыбкой, тут же вылезла наружу. Она заперлась в четырех стенах. Прочистила свой бетонный бункер и усовершенствовала ежедневный режим. Теперь его уже не мог бы нарушить никакой монтер. Ложечки и вилочки, идеально, как для банкета, сервированы на салфетках, ни разу не использованные декоративные полотенца безупречно разложены по цветам. Все было выдержано строго в одном тоне.

В Нойдорфе, в десяти километрах от австрийской границы, есть большой цветочный магазин «Miletich». Думаю, стоит туда как-нибудь заглянуть. Посмотреть на цветочки, луковички, рассаду.

Спустя пятнадцать лет она снова проводила генеральную уборку и снова так же основательно. Уничтожала следы от Луции и меня. Через шесть недель после родов Луции исполнилось семнадцать. Вот я же через шесть недель вышла на работу, почему бы и тебе этого не сделать, заявила Ирена. Найди себе поскорее какое-нибудь жилье, а пока не нашла, можешь пожить с ребенком на кухне. Три месяца, и ни днем больше. Вы испортили мне жизнь, и я не желаю вас здесь больше видеть. Бери из своей комнаты, что нужно, а остальное уже моя забота. Комнату я запрю, чтобы ты знала — тебе там больше нечего делать.

После этого Ирена без всякой жалости выбросила мамины плюшевые игрушки, кубики, книжки, все ее детские вещи, все, что Луция не успела собрать или спрятать. Она не забрала с собой почти ничего, потому что не приняла Иренины слова всерьез. И неожиданно для себя оказалась словно на каком-то шатком мостике, разделившем — и одновременно соединившем — детство и взрослую жизнь. Луция лишилась всех материальных предметов, свидетельствовавших о том, что она была ребенком, ходила в школу, имела собственные игрушки, и еще не успела собственными усилиями приобрести вещи, которые делали бы ее взрослой. Она осталась где-то в промежутке. Еще не привыкнув к тому, что стала матерью, Луция не была уже и ребенком. Не существовало такого места, где ей были

бы рады, не на что было опереться, чтобы не упасть. Не осталось вообще ничего, что связывало бы ее с порой невинности, было бы для нее надежным проводником в будущее. Вообще ничего.

В 1989 году, на Рождество, Ирена сгребла в одну большую коробку удостоверения, марки, значки, вымпелы, протоколы съездов, памятные вещицы из профсоюзных поездок, словом все, что могло быть свидетельством ее активной деятельности как члена партии. После этого она отпраздновала католическое Рождество со всем, что полагается, словно делала это всю жизнь — тайком, за закрытыми дверями. Почувяв опасность, она каждый раз вела себя точно улитка-гермафродит — меняла обличье и ползла дальше по своей грязной тропинке.

Мы вернулись к Ирене, когда ей было лет шестьдесят пять, и у нее как раз случился перелом шейки бедра. Видимо, она сочла такое решение самым экономически и логически правильным, ведь кто же еще обязан был позаботиться о ней и отплатить за все, чем она пожертвовала в прошлом. Кто же еще, как не ее собственная дочь и внучка, которая была уже в состоянии таскать тяжести и пересчитывать сдачу в магазине. Луция приняла ее предложение, поскольку была по горло сыта девятью годами скитаний по съемным углам. Она склонила голову, распаковала чемоданы и тем самым признала свое поражение.

Мы прожили все вместе в двухкомнатной квартире Ирены меньше года. Уже через неделю я поняла, что любая другая альтернатива этой святой троице была бы намного лучше, но Луция сказала, что нужно потерпеть. Не будет же она жить вечно.

Не называй меня бабушкой, распорядилась она с самого начала, как только мы немного притерлись друг к другу. Чтож я, по-твоему, на бабушку похожа? поинтересовалась она оскорбленным тоном. Ну, уж нет, решила я про себя. Бабушку я представляла себе совсем по-другому, она ласковая и мягкая, с теплыми объятиями. А тебя я буду называть бабкой ёжкой. Как Луция.

Называй меня Ирена. Сколько раз тебе говорить. Для тебя я никакая не бабушка. И ни для кого другого.

Будет исполнено, Ирена!

Так я и жила с Луцией и Иреной. Они вполне могли бы сойти за двух чужих теток, моих нянек. С таким же успехом я могла бы жить и у соседей.

Раньше мы ютились в съемном углу на другом конце города, в четырехкомнатной квартире с еще шестью или семью студентами какого-то художественного института. Я никогда не видела их всех вместе, и лица соседей сливались для меня в одно разноцветное пятно. Мне казалось, что они все время одалживают друг у друга одежду, обувь, запахи, партнеров, мысли, что у них один общий шкаф, из которого они вытаскивают все, что понравится, не обращая внимания на половые различия и размеры одежды. Студенты были веселые и обычно вполне дру-

желюбные, но перед моими глазами они постоянно мельтешили — то приходили, то уходили, то мирились, то ссорились, и это меня утомляло. Часто они менялись комнатами и кроватями. Вечером какой-нибудь бритый налысо парень заходил в одну комнату, а утром выходил из другой. Или приходил совсем незнакомый и занимал место того, кто исчез, не сказав ни слова, хотя к нему я уже, хоть и с трудом, привыкла. Казалось, будто все мы живем в пластмассовом кукольном домике, где какой-то шаловливый ребенок все время переставляет мебель и меняет местами игрушки из-за непонятного мне каприза. А я все никак не могу приспособиться к этим внезапным переменам.

У нас не было ни своего личного пространства, ни спокойной жизни. Мы с Луцией спали вдвоем на узкой кушетке в крошечной комнатке, которую время от времени одна из соседок использовала как чулан, а другая — как мастерскую. Необходимо было куда-нибудь перебраться, и когда Ирена обратилась к нам со своим великодушным предложением, Луция ни минуты не сомневалась и не пожалела даже денег, заплаченных хозяйке за месяц вперед и за отказ от аренды.

Горечь поражения Луция старалась замаскировать разными способами. После возвращения домой она принялась выкидывать невообразимые штуки. Мы примчались словно торнадо, и Луция сразу же взялась за реорганизацию быта, причем без всяких компромиссов и жалости. Ирене пришлось перебраться на тахту в маленькой, загроможденной мебелью гостиной, а мы вдвоем стали наслаждаться комфортом в огромной, залитой светом спальне.

В спальню Луция перетасила и телевизор, а Ирене оставила радиоприемник, из которого нарочно вывинтила антенну. Безупречный, складывавшийся годами порядок в доме Ирены развалился за несколько дней. Свои чулки Луция засунула в шкаф вперемешку с полотенцами, перенастроила радиостанции, все столовые приборы ссыпала в один ящик, а стеклянных рыбок и лебедей упрятала в коробку.

Что за базар ты тут устроила! кричала Ирена. Никакого порядка, никакой системы! Ты же все разрушила! Абсолютно все мне тут разрушила... Она выла, как раненый зверь, но была совершенно беспомощна, не могла сделать ничего, только тыкала палкой в ковер, держась за дверной косяк. Ни на что другое она не была способна, хотя бы поднять свою клюку повыше и раскидать полотенца по комнате. Ей было трудно даже выпрямиться и удержать равновесие. Я с ужасом смотрела на этих двух женщин, которых связывали друг с другом только жадность и взаимная зависимость. И при этом сознавала, что тоже принадлежу к ним, что мы невольно и неразрывно скреплены родственными узами. Те, кто нас не знал, мог бы и не догадаться о том, что же нас связывает, ведь мы называли друг друга по именам, хотя в наших жилах и бурлила общая кровь.

Ирена вышивала картины. Натюрморты с фруктами и букетами сирени, вышитые крестиком, покрытые пылью, выцветшие, безжизненные. В один прекрасный день Луция сняла их со стен и принялась безжалостно отдиравать от рам.

Ирена стояла возле меня, словно рассыпавшая старая труба, от которой осталась только кучка битых кирпичей; одной рукой она опиралась о дверной косяк, а другой с помощью костыля пыталась подтащить к себе сорванные куски холста. Колени у нее тряслись, а костыль только царапал ковер. Я не знала, что делать — жалеть ее или злорадствовать. В школе нам без конца твердили, что старших надо уважать, уступать им место и помогать нести тяжелые сумки. Я видела совсем рядом ее лицо, искаженное злостью и беспомощностью, красные веки без ресниц, водянистые глаза, желтоватую кожу, похожую на мятую вощеную бумагу из мясного магазина. Я видела ее жиденькие волосы, которым не хватало серебряного блеска, оспинки и бородавки, пигментные пятна и желваки, как будто обтянутые вощеной бумагой. Она была до отвращения реальной, детали ее тела обозначились более отчетливо, и то, что она была моей бабушкой, совершенно вылетело у меня из головы. Я рассматривала ее, как какое-то насекомое под увеличительным стеклом, ощущая неистребимый запах старого тела, и видела в ней только ведьму, бабу Ягу, которая тянет ко мне свои костлявые руки, чтобы вцепиться ими в мое плечо и воспользоваться мною как еще одной своей конечностью. Ее немощь совсем не трогала меня, хотя в тот момент я ее осознала. Я говорила себе, помоги ей, встань на ее сторону, прости ее. Луция делает все это из одной только ненависти, Луция плохая, злая. Не в силах сделать что-то другое, она может только мучить живое создание, неспособное защитить себя, а ведь так не годится, ведь это подло.

И тут Ирена замахнулась, пытаясь дотянуться костылем до Луции, но рука, которой она держалась за косяк, соскользнула. Она инстинктивно повернулась ко мне, протянула свою усеянную пигментными пятнами руку и растопырила пальцы, словно хищник, приготовившийся схватить на лету мелкую добычу. Я в ужасе отскочила в сторону и помчалась мимо Луции в коридор. Послышался тупой удар, хотя, может быть, мне это только показалось.

Ирена после этого случая притихла и уже не вмешивалась в попытки Луции делать в квартире все, что заблагорассудится. Через год она умерла.

Сразу после похорон Ирены Луция, вернувшись домой, мигом сбросила с себя все черное, что было на ней надето, скинула пальто и платье и оставила их лежать на полу. Потом она пробежала по всем комнатам, распахнула настежь окна и входные двери и устроила такой сквозняк, что по всей квартире разлетелись сложенные кучкой счета и салфетки с Ирениной тумбочки. Словно голубки, возвещающие долгожданный покой и мир.

Луция бегала по квартире в красном бюстгалтере, спотыкалась о разбросанную по полу одежду, белые бумажки тихо оседали на ковры и мебель. Бурые октябрьские листья, затянутые в окна сквозняком, путались в складках гардин.

Пока я не спеша раздевалась, Луция споткнулась о свое пальто и растянулась на полу. Сзади на бедре у нее был большой желтоватый синяк. Она перевернулась, и на ее лицо слетело какое-то полотенце. С минуту она так и лежала, трясясь то ли от плача, то ли от смеха. Ее поза была очень похожа на ту, в которой умерла

Ирена. Но Луция этого не знала, поскольку нашла ее не она. А она увидела ее уже одетой, подретушированной и уложенной, во всем ее достоинстве и строгости.

Квартира, доставшаяся нам по наследству, была загромождена содержавшимися в идеальном порядке барахлом. В первую очередь мы избавились от всего, что напоминало об Ирене — от ее личных вещей, одежды, вазочек, фигурок, картинок, которые за минувший год Луция не успела ликвидировать. Ее платья из синтетического дедерона, которые невозможно было использовать даже в качестве тряпок, мы затолкали в пластиковые пакеты, и оставили их возле мусорных баков на случай, если вдруг кому-то что-то из этого понравится. Сейчас все так делают, никто не стесняется раскрывать свои шкафы перед всем районом, хотя многие постеснялись бы рыться в этих шкафах. Потом мы в течение нескольких недель находили Иренины костюмы, кухонные полотенца, нейлоновые занавески и чулки, разнесенные по всему кварталу, висящие на деревьях, мокрые, вываленные в грязи у придорожной насыпи. Ничего из тех вещей, которые во время уборки прошли через наши руки, уже никто никогда не надевал, не постирал и не воскресил. Даже хорошо сохранившиеся свитеры с узором цепочкой, которые Ирена берегла, перекладывая вощеной бумагой. Их попросту растащили по парковке кошки.

Очистив квартиру от Ирениных мелочей, мы решили, то есть, Луция решила выбросить отвратительные, противно скрипевшие шкафы, оклеенные дубовым шпоном. Они шатались, даже если под них подкладывали дощечки, и я боялась, что однажды, когда я буду доставать с верхней полки шкафа свои носки, он придавит меня и разрубит на две части. Так вот и останусь лежать там перерубленная пополам, а Луция не сможет этот шкаф приподнять и сложить воедино мое тело и ноги. Я представляла себе, как лежу на полу, а голова и половина туловища под шкафом. Чистая работа. Мои ножки в черно-белых кедах валяются на ковре, как спички.

Шкафы кто-то ночью увез. И разобранную на части двуспальную кровать, от которой мы оставили себе только матрасы. Тумбочки с вырванными дверцами валялись еще две недели во дворе, пока сосед с первого этажа не принес их к нам на четвертый и оставил возле наших дверей с запиской, чтобы мы вывезли свою рухлядь как положено, на склад утильсырья. Ну, кто бы стал вывозить рухлядь на склад утильсырья, если она у мусорных баков возле дома и так когда-нибудь в будущем каким-нибудь образом сама разложится и исчезнет? А мне, по крайней мере, было куда прятать свои вещи, когда Луция не впускала меня в квартиру.

Пока была жива Ирена, наши комнаты из-за абажуров, сплетенных из проволоки и лозы, казались потонувшими в темной воде. Световые пятна в виде рыбьей чешуи плавали по стенам, когда лампу раскачивало от сквозняка. Абажуры мне удалось разобрать. Я попрыгала по ним, сломав все на мелкие кусочки, и затолкала вместе с эмалированными кружками и почерневшими кастрюлями в мусорные мешки. При этом я проткнула проволокой свои единственные кеды.

Потом мы в течение нескольких недель украдкой, после того, как мусорщики вывозили содержимое баков, избавлялись от больших, битком набитых мешков

с торчащими концами проволоки. В темноте, чтобы не видели соседи и чтобы Луции не пришлось морочиться с вывозом мусора и еще за это платить.

Уничтожение Ирениных реликвий приводило Луцию в какое-то иступление. Она срывала занавески, резала ковры, била посуду, словно вымещая на этих несчастных отживших свой век вещах копившуюся годами злобу на хмурую старую женщину.

Грандиозный план обновления разгромленной квартиры переносился потом с ноября на декабрь, с декабря на лето. Постоянно не хватало ни денег, ни времени, и хотя широкий круг приятелей Луции все разрастался, не находилось никого, кто приехал бы на большой машине, отвез бы нас в какой-нибудь гипермаркет за недостающей мебелью и помог бы затащить ее на четвертый этаж. Я не жалела о том, что мы избавились от вещей, оставшихся после Ирены, но все-таки рассчитывала на реализацию первоначального смелого плана, который включал в себя кровать, письменный стол, шкафчик для одежды, кресло-качалку и в дополнение ко всему — магнитофон. В конце концов, мне пришлось удовольствоваться тем, что у меня есть хотя бы собственная комната — темная узкая штольня с недокрашенными стенами и матрасом, лежащим на деревянных подпорках. Тогда мне было достаточно и этого, поскольку хорошее настроение, в котором постоянно находилась Луция, было словно сахарная пудра, спасительно декорирующая неудачный торт. А хорошее настроение у нее все еще было. Почти целый год.

Квартира после бесчинств Луции так и осталась совершенно разоренной. Она перестала ею интересоваться и только пользовалась выгодами, которые та ей давала. Луция больше не проветривала ее столь же основательно, и воздух в трех небольших помещениях застаивался и густел. При свете электрической лампочки, которую прикрывало нелепое импровизированное подобие абажура, изготовленного по воле фантазии из пластикового стаканчика из-под йогурта, все приходившие к нам выглядели вялыми и усталыми, говорили замедленно, двигались, словно тени. Блестки и фальшивые кристаллы, нашитые на майках подружек Луции, гасли, ее шумные и вульгарные приятели смягчали свои речевые обороты, собаки забивались под стол и прятали носы, совсем как в доме покойника.

Луция думала, что, разрушив созданные Иреной систему и порядок, она окончательно изгонит ее из квартиры. Однако там все еще блуждал какой-то невидимый призрак.

Луция не умела делать уборку, не могла позаботиться о самых простых вещах, касающихся ведения хозяйства. А мне даже в голову не приходило открывать время от времени окна и проветривать комнаты. Даже в жару мы задыхались, дыша воздухом, миллион раз пропущенным через легкие. Спустя год хорошее настроение угасло, и Луция снова стала жаловаться на вялость и слабость, на то, что ей не хочется ни дышать, ни спать, ни бодрствовать. А я и не догадывалась, что следует почистить уборную и выбросить из холодильника засохшую горчицу. Я убирала только то, что буквально бросалось в глаза, обо что я спотыкалась,

только те вещи, которые мешали пройти в комнату или в ванную. Если уже не оставалось места, чтобы выложить купленную треску, я перебивала кучи посуды, которые росли сами по себе, хотя Луция еду почти не готовила. Я выносила мусорное ведро, только когда в него уже невозможно было засунуть даже палочку от леденца, не вывалив при этом что-нибудь на пол. Я протирала тряпкой пол, чтобы не приходилось слишком часто стирать носки. Зато я умела устанавливать три разные программы в автоматической стиральной машине и сортировать белье. Этому меня научил отец одной моей одноклассницы, потому что Луции не хотелось читать инструкцию.

Называй меня Петер, не называй меня «дядя», говорил мне отец моей одноклассницы Дороты. Для меня это не было проблемой, ведь даже собственную маму я не называла мамой.

Петер.

Я хотела бы забрать Петера к себе домой, сидеть у него на коленях, слушать, как он дышит, дышать вместе с ним. Обнять его за шею, есть бутерброды, которые он приготовил. Бутерброды с горчицей. Приготовленные только для меня. Дорота горчицу не выносила. А я всегда хотела с горчицей, потому что могла тогда сосчитать, сколько он сделал их для меня, а сколько для Дороты. Симпатия и интерес, материализовавшиеся в бутербродах. Количество, поддающееся измерению.

От него исходила успокоительная уверенность в себе, которой недоставало Ирене, Луции и всем ее приятелям вместе взятым. Большой, взрослый Петер, мужчина на двадцать лет старше меня, которого я могла называть на «ты», у которого на все находился и ответ, и время, и который научил меня стирать.

Как-то раз одна пожилая дама в автобусе деликатно шепнула мне на ухо, что от меня пахнет. Что это совсем не идет такой милой девочке. Вонять, как хорек. Только тогда до меня, наконец, дошло, почему никто в школе не хотел делить со мной шкафчик. Луции было все равно, а Петеру я стеснялась об этом говорить. Поэтому я соврала, что мы купили новую стиральную машину, а Луция потеряла к ней инструкцию. Машина была у нас уже давно, но Луции не хотелось в ней стирать. Она предпочитала дожидаться кого-нибудь из знакомых и сказать ему, что стиралка снова сломалась, и надо бы на нее взглянуть. Так время от времени белье нам кто-нибудь стирал.

Петер усадил меня на стиральную машину и полчаса учил разбирать символы на вшитых в одежду бирках. Он посвятил мне целых полчаса своего сосредоточенного внимания, и у меня было такое чувство, будто я вступаю на палубу надежного, прочно стоящего на якоре корабля. Я была свободна и счастлива. Я была влюблена и ошеломлена.

Спустя год все стало понемногу портиться. Хорошее настроение вытекало из Луции, как вода из плохо закрытого крана, капля за каплей, мешаясь с каплями водки и абсента.

Пока мы жили на съемных квартирах, ей приходилось сдерживать себя, а в собственной квартире она уже могла делать все, что заблагорассудится.

Мы виделись с ней не так часто, как мне бы хотелось. Луция где-то подолгу пропадала, якобы на работе. На какой-то работе, о которой она не могла сказать ничего определенного. Вначале она старалась делать вид, что занята стабильной, приличной работой где-то в офисе — якобы приличной работой якобы в офисе — но я же не была больной на голову и быстро сообразила, что в офисе не работают с половины четвертого вечера до двух ночи. Луция знала, что я знаю, что она врет, и под конец без всяких объяснений просто уходила и приходила, и приносила домой деньги. Если не сама, так ее приятели. А когда меня в школе спрашивали, чем занимается моя мама, я что-нибудь выдумывала. Я не рассказывала о том, что она живет на пособиеи, кроме того, мотается по республике, что-то продает и покупает, иногда работает за барной стойкой, иногда гоняет на машине в Австрию или делает что-то дома, но что конкретно — не знаю. Ведь со мной она ничем таким не делится. Ее отъезды и приезды невозможно было предсказать, и меня это порядком нервировало. Если бы я была тогда чуть постарше, меня нервировали бы только ее приезды.

Ребята из нашего квартала завидовали тому, что по ночам я часто сижу дома одна и могу смотреть фильмы.

Иногда за десять дней мы с Луцией могли не перекинуться даже словом. Я говорила себе, что многих людей связывают теплые и глубокие отношения, которые не нуждаются в словах. Почему же нельзя сказать этого и о нас с Луцией?

Прошли годы, пока я не поняла, какими глубокими должны быть отношения, сколько любви должно в них заключаться, чтобы слова не были нужны. То, что происходило между мной и Луцией, было далеко от молчаливого общения, созвучия душ. Наши отношения отличались полным отсутствием понимания, безразличием и сумятицей. Общая кровь была для нас всего лишь жидкостью, текущей по жилам.

Перевод Людмилы Широковой

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ, ПРИВЕДШИХ К ОБРАЗОВАНИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Возникновение первой Чехословацкой республики (ЧСР) стало одним из важных факторов сохранения национальной идентичности словаков. И в наши дни Словацкая республика отмечает 28 октября как официальную памятную дату, закрепленную в ее государственном законодательстве.

1914 год — Сторонники создания первого государственного образования чехов и словаков ориентировались вначале на царскую Россию. Об этом свидетельствует факт приема царем Николаем II делегации, которая предложила ему свою программу, основанную на идее славянской общности, а затем добилась организации национальной воинской части («Чешской дружины») в русской армии. Речь шла и о восстановлении Чешского королевства под эгидой династии Романовых.

29 июля 1914 года — Началась Первая мировая война.

19 октября 1915 года — Вопросы самостоятельного существования нового государства часто поднимались во время переговоров представителей Чешского заграничного комитета с ведущими политиками. Успеху Томаша Гаррига Масарика в этом деле способствовало его положение профессора Лондонского университета и директора Славянского института, где именно в этот день им была прочитана первая лекция. Месяц спустя во Франции вышел первый манифест чехословацкой самостоятельности — «Провозглашение чешской независимости». Важную роль в его подготовке сыграл Милан Растислав Штефаник, который перед чехословацкими активистами «открывал двери парижских салонов и правительственных кабинетов».

13 февраля 1916 года — В Париже был создан Чехословацкий национальный совет как представительный орган так называемого заграничного сопротивления.

1 мая 1918 года — На митинге рабочих и жителей Липтовского св. Микулаша и его окрестностей была принята «Микулашская резолюция», которая поддержала право народов на самоопределение и идею образования Чехословакии.

22 мая 1918 года — От имени министерства иностранных дел Великобритании лорд Роберт Сесил признал право чехословацкого народа на самоопределение, а спустя несколько дней правительство США утвердило резолюцию Конгресса угнетенных народов, принятую в Риме. В июне 1918 г. к этим державам присоединилась Франция, в июле того же года — Россия, а в августе — Япония.

30 мая 1918 года — В США представители Словацкой лиги в Америке, Чеш-

ского национального объединения, а также председатель Чехословацкого национального совета Томаш Г. Масарик подписали Питтсбургское соглашение.

3 сентября 1918 года — Правительство США заявило о наличии военного положения между Чехословакией и Германской и Австрийской империями. Тем самым оно де-факто признало Национальный совет правительством, обладающим полномочиями решать военные и политические вопросы.

14 октября 1918 года — Министр иностранных дел временного правительства Эдвард Бенеш назначил первых послов.

18 октября 1918 года — в Вашингтоне была опубликована декларация

самостоятельного чехословацкого государства, выработанная Томашем Г. Масариком. Она появилась одновременно с ответом 28-го президента США В. Вильсона на предложение по устройству Европы, полученное от Австро-Венгрии после окончания войны. «Провозглашение независимости соответствует сформулированным Линкольном принципам прав гражданина и человека. Чехословацкое государство будет республикой в своих постоянных устремлениях к прогрессу, оно гарантирует полную свободу совести, вероисповедания, науки, письменности, искусства, слова, печати и собраний».

28 октября 1918 года — Манифест Национального комитета в Праге провозгласил создание Национального коми-

тета Чехословакии. С этого времени он стал выполнять функции правительства и принял новый закон об образовании ЧСР, который подписали Вавро Шробар, Антон Швегла, Алоиз Рашин, Франтишек Соукуп и Иржи Стршибрный. Этот день в истории стал днем образования Чехословацкой республики (ЧСР).

30 октября 1918 года — На заседании в Мартине был создан Словацкий национальный совет (СНС), который принял «Декларацию словацкого народа». В ней была выражена поддержка совместного государства чехов и словаков. Мартинская декларация Словацкого национального совета утвердила «Основные государственно-правовые документы образования ЧСР».

Перевод Людмилы Широковой

1968 ГОД В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1968 год стал одним из важнейших рубежей в послевоенной истории Чехословакии в самых разных аспектах — в политическом, государственном, идеологическом, культурном; поворотным оказался он и для словацкой литературы.

После ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора и, особенно, с началом политики «нормализации» ситуация в обществе и культуре существенным образом изменилась. Последовательно, одно за другим были закрыты «неблагонадежные» литературные периодические издания, ужесточилась цензура, был введен запрет на публикации, вследствие чего одни писатели надолго потеряли возможность печатать свои произведения (Д. Татарка, И. Кадлечик, Л. Тяжкий, П. Карваш), а другие на протяжении ряда лет писали «в стол» (В. Шикла, Я. Йоганидес, П. Виликовский) или были вынуждены эмигрировать (Л. Мнячко, Я. Блажкова); репрессии коснулись и литературных критиков (П. Штевчек, М. Гамада), и переводчиков (З. Есенска). Лишь со смягчением идеологической политики властей к концу 1980-х гг. некоторые из них вернулись на легальное поле, но определенная часть вплоть до 1989 г. продолжала находиться на положении внутренних эмигрантов.

Источником сведений о событиях 1968 г. служат многочисленные публикации документов той поры, исследова-

ния историков, свидетельства очевидцев. Однако не менее важной составляющей, без которой картина не была бы целостной, является художественное воссоздание событий и человеческих судеб в литературных произведениях. По характеру, времени написания, жанру они весьма разнообразны. В их числе и самые ранние отклики на акт введения войск Варшавского договора, относящиеся к 1968–69 гг. (это — стихи и публицистические выступления писателей, появлявшиеся в словацкой и зарубежной печати, в самиздате), и произведения более позднего периода, увидевшие свет лишь после 1989 г., в которых присутствуют эпизоды, мотивы, сцены событий 1968 г., а также мемуары политических деятелей, в которых взгляд с временной перспективы часто сочетается с эмоциональностью очевидца исторических событий.

Процесс «закручивания гаек» после августа 1968 г. шел неотвратно, но в первые месяцы не столь стремительно, поэтому протестные выступления еще появлялись порой в открытой печати. В Словакии площадкой для них служили, в частности, литературные издания «Културны живот» (выходил с 1946 по 1968 г.), его преемник «Литерарны живот» (шесть номеров в 1969 г.) и «Млада творба (1956–1970)». Так, «Младой творбе» в 1969 г. появилась сатирическая рубрика «Инфаркт» с ироническим подзаголовком — «жур-

нал в журнале для непритязательного зрителя по проблемам золотой Центральной Европы». Авторы публикаций — а в их числе были известные словацкие писатели и деятели театра М. Ласица, Ю. Сатинский, Э. Гаветта, В. Беднар — используя эзопов язык и весьма прозрачные намеки высказывали свое критическое отношение к действительности.

Появлялись в печати и стихи, в которых выразилась первая живая реакция словацких поэтов на акт политического и военного насилия. Позднее большая часть из них была включена в сборник «Двадцать первое. Август 1968 г. в творчестве словацких писателей». Основная часть вошедших в нее произведений — это стихотворения, написанные по горячим следам событий и опубликованные как в словацкой периодике («Културны живот», «Литерарны живот», «Млада творба» и др. — до их закрытия), так и в зарубежных изданиях («Словак в Америке», «Канадский словак», «Мост»). Значительная часть авторов принадлежала к эмигрантскому кругу (А. Жарнов, К. Стрмень, М. Шпринц, Г. Звоницкий), однако особенно ярко и непосредственно выразили свои чувства поэты, жившие в стране и видевшие все своими глазами, пережившие крушение надежд, попрание своего человеческого и гражданского достоинства. Антология была подготовлена еще в 1978 г., к 10-летию акта оккупации, но по понятным причинам не могла быть издана в это время и вышла в Словакии только после «бархатной» революции, в 1993 г. — в год образования независимой Словацкой Республики.

Павол Горов (1914–1975), поэт старшего поколения, пишет в стихотворении «Малый реквием по Яну Палаху и другим»:

Не буду плакать, лучше стисну зубы
И терпких слез не выдам на позор
Когда бессильная любовь с холодной
смертью спорит...
В конце он оставляет открытым вопрос:
Останется лишь пепел чистого костра
Иль словно Феникс вновь поднимется
оживший
его народа дух¹.

В стихах зрелых поэтов звучит не возмущение или негодование, не резкий протест, а скорее печаль, горечь разочарования. С неожиданной остротой она выразилась в стихотворной композиции «Реквием» Войтеха Мигалика (1926–2001), поэта и функционера, много лет занимавшего руководящие посты в Союзе словацких писателей. Его описание первого дня оккупации похоже на чередование моментальных снимков:

С грохотом мчатся в ночи к нам безоружным,

Сворачивая пространство...
Вертолеты по небу кружат,
луна оцепенела
страну мою, словно овечку
швырнули на колена...
Ночь раскаленная прикована к радио
Единственная волна в море джаза...
Навсегда застыл во мне
плач минуты этой...

В части «Dies irae» рефреном повторяется фраза «Под гусеницами тан-

¹ Цитаты по изданию: Dvadsiaty prvý. August 1968 v tvorbe slovenských spisovateľov. Zost. J.M.Rydlo. Martin, 1993.

ков...», — там «кричит мое сердце / что так вас любило», там видятся ему «Лермонтов и Ленин — / они что вам скажут?», там «лежит моя избитая / преданная вера». Проникновенно звучит колыбельная в части «Offertorium», посвященная памяти невинной жертвы агрессии — семнадцатилетней Даны Кошановой, погибшей в Братиславе от пули советского солдата:

Баю-бай, летят два слова
в дальние края.
Спи же, Данка Кошанова,
доченька моя.
Притулит земля родная
павшее дитя
Спи же, Данка, ты святая,
доченька моя.

Образ Данки как олицетворение трагических утрат словаков, бесчеловечности тоталитарной машины подавления возникает и в стихах других авторов сборника. Душан Кужел (1940–1985) в стихотворении «Сонет для Данки, застреленной 21.VIII. 1968» возвышает этот образ до уровня воплощенной национальной памяти и совести:

Ты все шагаешь. С крестом
легко перелетаешь через горы и зло-
словье.
Земля тебя приветствует, вставая на
колени.
Мизинцем рушишь стены всех систем
И, как осколок тонкий, заостренный,
всегда уколом будешь ты для опустев-
ших душ

В сборник вошло несколько стихотворений Яна Стахо (1936–1995), одного из наиболее ярких словацких поэтов второй половины 60-х гг. В характер-

ной жестко-экспрессивной манере, с использованием натуралистически окрашенных метафор он пишет о трагедии 68-го года, нередко обращаясь непосредственно к русским, «бывшим братьям»:

С открытым сердцем я иду... «Отрежь ломоть
как от буханки хлеба, брат, слезою матери
его ты посоли, добро пожаловать!...»

А он дает в ответ (Сам — сердце в танке,
кованном огнем)

Олово детям, сам же весь в броне...
Не брат он мне! Не славянин! («Нет»);
И пулеметы
по-прежнему все лают в нежных снах
наших и ваших ничего не понимающих детей
(«Ему»).

В стихотворении «Свидетельство (О ночи на 21 августа 1968 г.)» поэтическое обобщение национальной трагедии отмечено библейской тональностью:

Его я видел. То был ангел мести.
Меч огненный его нес смерть и страх.
(В действительности: лаяли винтовки,
Он пулеметом гладил тротуар!)
Его я видел, то был бывший брат
Пытался к звездам он взлететь
(Но я узнал его разящий меч,
Ангела смерти, что на улицах считает
мертвеющие лица под дождем из
звезд).

Стихотворение поэта и переводчика Яна Штрассера (р. 1946) «Август» проникнуто печалью и меланхолией от осознания повторяемости одних и тех же ошибок и бед (рефрен — «Все это здесь уже было»), когда сильный подавляет слабого, свободное слово умолкает под руками палача, держаще-

го в руках серп и молот («Слово / серпом подрезанное точно под связками, / молотом прибитое точно на нужное место»). Но поэт далек от пессимизма, его «август» олицетворяющий несломленный дух народа, отступает лишь на время:

Он молчит. Все понимает.
Все помнит
Молчит и живет
потаенно. Прячет язык
до лучших времен.

Тема 1968 г. проходит как важный мотив в эмигрантской литературе, в частности, в публицистической прозе Л. Мнячко (1919–1994). Это, прежде всего, книга «Седьмая ночь. Испытания и обвинения одного коммуниста», вышедшая в Вене в 1968 (в Словакии — лишь в 1990 г.). Однако с особой психологической глубиной раскрыта она в произведениях 1970–80-х гг. писателя-диссидента Д. Татарки.

Доминик Татарка (1913–1989) — один из наиболее значительных словацких писателей XX в., в творчестве которого непосредственно и оригинально отразились основные тенденции развития литературы. В его ранних произведениях 1940-х годов экзистенциальная проблематика сочеталась с лиризмом и чувственностью («В тоске поиска», «Панна волшебница»); социальной сатирой в адрес клеро-фашистского словацкого государства окрашен его роман 1948 г. «Приходская республика»; в начале 50-х гг. он искренне пытался выразить в духе социалистического реализма тему антифашистской борьбы и построения нового общества (роман «Первый и второй удар»), опти-

мистическую веру в нового человека, в новые социалистические отношения между людьми («Свадебный пирог», «Дружные годы»), однако вскоре разочаровался в этих идеях, видя их карикатурное искажение в тогдашней государственно-политической системе (сатирический памфлет «Демон согласия»). В поисках истинных нравственных ценностей он обратился к опыту пережитого, лично им прочувствованного — теме войны и Словацкого национального восстания, участником которого он был («Петушок в агонии»), отношениям в семье «Побывать еще с вами», юношеской любви («Плетеные кресла»).

Лирическое начало, непосредственность чувств, свобода самовыражения характерны и для произведений писателя 1970–80-х гг., написанных в период его отлучения от официальной литературы из-за остро критической позиции в отношении силовой акции по подавлению «весны» и последовавшей политики «нормализации». В 1969 г. Татарка вышел из компартии, членом которой был с 1944 г., был исключен из Союза писателей и, будучи одним из немногих активных словацких диссидентов (подписавших, в частности, и «Хартию 77»), постоянно, на протяжении почти двух десятилетий, испытывал психологическое давление со стороны властей и особенно — органов госбезопасности. В это время он создал ряд произведений в форме вольного бесфабульного повествования, дневниковых записей, писем, полемических замечаний. Они публиковались и в самиздате, и в зарубежных издательствах, в разных редакциях и разной компоновке

отдельных частей. Это книги «Один против ночи» (Мюнхен, 1984), «Записки» (самиздат, 1979; Кельн, 1984), «В непогоду» (самиздат, 1978; Торонто, 1986), «Письма в вечность» (Торонто, 1988), «Магнитофонные записи» (самиздат, 1987; Кельн, 1988). Тема 1968 г. проходит через все эти произведения, с ней связаны размышления писателя, его воображаемые диалоги с друзьями и коллегами, психологические зарисовки, воспоминания о детстве и матери, образы прошлого и личные, эротические переживания, наполняющие повествование. Повторяются и основные мотивы: шок от акта оккупации, слежка и провокации госбезопасности, разочарование и одиночество в условиях изоляции. Потребность в самовыражении, в писательской и человеческой самореализации Татарка программно, не раз говоря об этом, реализует через максимально открытое художественное высказывание, свободное течение мыслей и слов, через раскованную эротику, в которой он видит оружие против физической и духовной смерти.

Книга «Один против ночи» состоит из трех отрезков повествования. Первая часть — «Сон о трех шляпах» — строится на переплетении сновидений, литературной рефлексии и любовной линии с неизменным оттенком политической провокации, подозрений и недомолвок. Свой внутренний диалог писатель ведет здесь с умершим другом, ученым-литературоведом А. Матушкой, академиком, «причесанным» под гребенку нормализации, но оставшимся близким ему духовно. Он вспоминает трагические дни начала оккупации, ханжескую атмосферу писательского актива с участием Г. Гусака

и новых рьяных функционеров. Нескольким женским персонажам — Ольга, Андреа, Марыля — то чередуются, то сливаются в один образ молодой привлекательной женщины, «подсаженной» к несломленному писателю-диссиденту для наблюдения и составления отчетов о его поведении и высказываниях. Она становится его горячей поклонницей и возлюбленной, и в этом он видит еще одну свою победу над системой. Размышляя о национальной гордости, о роли политиков и деятелей культуры в событиях 68-го года, Татарка с горечью восклицает: «Сколько было в этом городе политиков, и больших, и поменьше, и самых крупных, сколько мыслителей, сколько писателей. И вот в этот город ворвались танки. ...Если они были такими прозорливыми, если питали столь сильную любовь к русскому языку, почему же они не выступили? Почему не приветствовали дружественные войска? Почему не сказали гражданам, что они, вожди, великаны духа, обо всем этом думают? Выступил только я. И это исторический факт. Все это есть на магнитофонных пленках»¹.

Вторая, меньшая по объему часть книги — это «Письма Доминике», адресованные девочке, которую нарекли в его честь, в честь «замалчиваемого, исключенного из общества писателя». Здесь Татарка в характерном для него свободном ироническом ключе пишет о действительности 70-х гг., о безнравственности современных политиков и дает юной Доминике духовное напутствие, призывая хранить высшие ценности — свободу, достоинство, вер-

¹ Tatarka D. *Sám proti noci*. Nakladatelství evropského kulturního klubu, 1988, s 46.

ность своим убеждениям («Не дай себя запрячь... в идеологический хомут. Не поддавайся, просто не поддавайся»), столь же ценна для него и открытость, свобода в любви («Любовь — это свобода души», «Любить вымыслом, творчеством, даром, работой, риском, гибелью»)¹.

В третьей части, названной «Разбойничья песня на стебле травы», тема 68-го года звучит особенно остро. Писатель отождествляет себя с вольнолюбивым персонажем словацкой истории и фольклора («Я — карпатский разбойник, который дал себя повесить за ребро ради чувства свободы»). Размышляя о фундаментальных для него понятиях памяти и совести, Татарка вспоминает и вновь переживает как личную трагедию шоковые дни августа, когда на долгие годы был потерян суверенитет республики (пусть более или менее иллюзорный), унижено национальное достоинство чехов и словаков («Во мне болит моя Республика», «Я вышел из партии: эта организация не защищала суверенитет Республики», «Теперь мы уже не нация, чехи и словаки,... мы всего лишь этнос, который поет и танцует в фольклорном стиле. Вы коллекционируете скальпы малых народов, малых республик?»). Вновь он возвращается к сцене митинга, на котором выступал в день начала оккупации («Ворвались танки, чтобы наводить свой порядок посреди нашего беспорядка. Меня подняла на руки молодежь: Выступи, выступи. И я говорил о свободе, о культуре»), о своем жесте отчаяния («Я разорвал рубашку, открыл грудь: Стреляйте сюда, товарищи! Но меня не застрелили, как минуту

спустя Дану Кошанову»). Для Татарки важно, и он не раз это подчеркивает, что даже в такие драматические минуты в нем «не проснулся расист»: «Я не сваливаю вину на русских или советских. Такие-то и такие-то генералы, такие-то и такие-то сатрапы повинны в том, что искалечили мою республику и превратили граждан в лакеев». Затертый и дискредитировавший себя лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!» Татарка подвергает осмеянию и издевательской интерпретации, не забывая упомянуть о своей неизменной симпатии к русским: «С русским я от души выпью, спою песню, всегда договорюсь с ним, с гениальным русским. Но зачем мне сливаться с ними на вечные времена? Будем лучше людьми, и вы, русские, и мы»².

В форме внутреннего монолога-исповеди, переплетающегося разнообразными вставками в форме писем, воображаемых диалогов с умершими или далекими собеседниками, эротических видений, эпизодов детства — написана и книга «Записки» (в переизданиях с дополнениями — «Записки для возлюбленной Лютеции»). Ее сюжетная канва — история любви пожилого писателя-диссидента (некоторая дистанция от самого автора, самоирония обозначена заменой его имени на имя «лирического героя» — Бартоломей Слзичка, то есть — «Слэзка») и раскованной молодой женщины, получившей как не без основания подозревает герой, задание следить за ним (ее имя также переменчиво, в зависимости от обстоятельств — Саша, Наталья, Лютеция). Развитие их отношений от легкого флирта к страсти, глубокой

¹ Ibid. S. 55.

² Ibid. S. 64, 70, 92.

взаимной привязанности — столь же важная составляющая жизни Бартоломея-Доминика, как и борьба за собственное духовное выживание, вечный спор с бывшими друзьями и единомышленниками. Их имена зачастую не называются прямо, но приметы и черты позволяют угадать, о ком идет речь. Так, в одном эпизоде книги описывается словесная стычка героя с «Академиком, седовласым лакеем», толерантным к верховной власти, и в нем читается А. Матушка («Шанё» из предыдущей книги), в другом эпизоде передается возмущение автора неприглядными поступками «Владо, нашего народного художника, депутата, председателя Матицы» (явный портрет В. Минача) и др. Герой, как и его автор, мог бы принять приглашение и уехать во Францию, соединиться со своей возлюбленной, но цена этого слишком высока. Из последних сил он остается верным своим принципам, своей внутренней свободе, не соглашаясь на компромиссы: «Мне говорят прямо: Напиши что-нибудь ангажированное. Достаточно тридцати строчек, мол, “ввод войск одобряю”. Но я так не могу»; «Если уж меня не изрешетили тогда пулеметной очередью, то теперь никто не может заставить меня поступиться своим человеческим достоинством»¹. Книги, созданные Татаркой после и в связи с событиями 1968 г. представляют собой ценный художественный и человеческий документ о времени и о эмоционально-психологическом состоянии отдельного словацкого человека и всего общества.

На долгие годы «нормализации» тема 1968 года стала «табу», идеологиче-

ски враждебной по отношению к официальной трактовке акта агрессии как акта братской интернациональной помощи. При этом, разумеется, в дальних ящиках письменных столов не одного словацкого писателя лежали «крамольные» страницы, где дается личностная, нравственная оценка этой национальной трагедии. Так, сцена начала оккупации входила в качестве финала в первый, неопубликованный вариант романа Винцента Шикулы (1936–2001) «Орнамент». На судьбу этого романа 1968-й год повлиял особым образом, поскольку в нем поднимались острые темы политических репрессий конца 1940–50-х гг., подавления личности, преследования католической церкви со стороны властей и госбезопасности. В периодической печати было опубликовано лишь несколько отрывков из начала романа, но весь текст, включавший в себя и сцену начала вторжения 21 августа, в условиях жесткой цензуры периода «нормализации» уже не мог быть напечатан и пролежал в известном «ящике» более двух десятков лет. Преодолев почти семилетний период молчания, когда его произведения не публиковались, В. Шикула с середины 1970-х гг. вышел в ряд ведущих словацких писателей. Одна за другой выходили в свет его новые книги — трилогия «Мастера», исторический роман «Матей», ряд повестей, сборников рассказов, книг для детей, стихотворных сборников. И лишь в 90-е гг. писатель вернулся к рукописи романа, переработал ее и издал в виде дилогии «Орнамент» и «Ветряная вертушка» (1991, 1995). В опубликованном окончательном варианте сцена с советскими танками отсутствует, события романа за-

¹ Tatarka D. *Písacky pre milovanú Lutáciu*. Praha, Labyrint, 1999, s. 258.

вершаются задолго до этого момента, что объясняется углубленно-нравственным взглядом на проблематику романа и внутренней логикой развития характера его главного героя.

Первый вариант финала романа был опубликован лишь в 2008 г. в журнале «РАК» с комментарием вдовы писателя, литературоведа А. Шикловой. В нем представлено несколько эпизодов событий августа 1968 г. в восприятии Матея Гоза, героя романа, во многом близкого самому писателю. Шикула тонко передает его ощущения горечи, обиды, недоумения при виде чужих танков на улице родного города: «Один из танков опрокинул уличный фонарь, загородив проход. Я замер, глотая гарь и пыль, а рядом грохотали стальные гусеницы. Не помня себя, я бросился бежать, в глазах слезы, дым и отчаяние». Свой протест он пытается выразить, как и многие в те дни, нанося на стены домов надписи («Мы писали известно: «Зачем вы к нам пришли?»). Вдоль дороги увидели лозунги: «Да здравствует Александр Дубчек!» И рядом: «Помни!»). Своего рода гуманистический оптимизм, присущий творчеству В. Шикулы, выразился и в этих сценах; он увидел возможность человеческих контактов и понимания даже в такой чрезвычайно напряженной ситуации: «Рядом вдруг остановилась колонна военных машин, на каждого нацелился пулемет. Русский офицер видит, что Матей Гоз держит в руках кисть с известью. Их взгляды встречаются, они понимающе кивают друг другу»¹. Другой эпизод, с советским солдатом, почти полностью совпадает

с тем, что описал Шикула в своих автобиографических заметках, изданных уже после его смерти, в книге «Там, где сворачивает дорога» (2002): «Крутом сплошь советские колонны, оружие. На площади Штура в Модре стоит регулировщик, страшно напуганный, я хотел с ним поговорить, но он меня боялся, хотя я принес ему на выбор из соседней корчмы пиво и лимонад и нарочно отпил из обеих бутылок, чтобы он не опасался...»².

Среди произведений последних лет, поднимавших тему событий 1968 г. можно назвать романы В. Климачека, П. Ранкова, П. Криштуфека. Для творчества Климачека, писателя, драматурга, театрального режиссера характерен интерес к отголоскам недавнего социалистического прошлого и их проекциям на современную действительность, оригинальная художественная интерпретация актуальных процессов в обществе. Переломные моменты недавней словацкой истории стали сюжетной основой его романа «Горячее лето 68» (2011).

Действие первого романа развивается последовательно, в отдельных эпизодах из жизни героев — детей и родителей трех близких друг другу семей; лишь некоторые обстоятельства проясняются экскурсами в их прошлое. Почти идиллические картины в начале повествования — любящие семьи, живописные улочки Братиславы, планы на будущее выпускницы медицинского факультета Петры, романтическая поездка в Израиль ее подруги Терезы — все это трагически обрывается в августе 1968 г. с приходом советских тан-

¹ Šikula V. Ornament (Veterná ružica) // RAK, 2008, № 8, s. 32.

² Šikula V. Tam, kde sa cesta skrúca. Bratislava, 2002, s. 60.

ков. Семьи разлучаются, и для тех, кто спешно эмигрировал за границу, начинаются долгие поиски своего места в жизни, безработица, голод, ностальгия по дому и покинутым близким.

Важным источником знаний о замалчивавшихся страницах прошлого, в том числе, о событиях 1968 г., является и литература факта. Особый всплеск она переживала в 1990-е гг., когда авторы получили возможность открыто публиковать копившиеся годами впечатления и записи, подводить собственные итоги жизни в условиях «нормализации» и тоталитарного социализма в целом. Среди таких публикаций — а здесь встречаются и книги эссе, и документальные свидетельства, и историко-культурные исследования — значительное место занимают мемуары. Для этого типа литературы, представляющего собой сплав документального и беллетристического, повествование от лица непосредственных участников исторических событий, наряду с его фактографической ценностью, важен и личностный аспект, раскрытие внутреннего мира автора. Особый интерес представляют воспоминания людей, активно участвовавших в политической, общественной жизни тех лет.

Богата по своему содержанию и широте охвата событий книга Александра Дубчека (1921–1992) «Из воспоминаний. Надежда умирает последней» (1993). Автор предоставляет разнообразный и редкий по аутентичности материал, касающийся истории страны, показывает суть противоборства партийных группировок и интересов, кадровых перестановок и судьбоносных решений. Однако в аспекте нашего

рассмотрения важной представляется характерная для автора личная человеческая позиция, искренность и эмоциональность высказывания. Известный словацкий ученый-литературовед Я. Штевчек в одном из своих эссе назвал А. Дубчека «политиком сердца», обладающим «чувством правды и справедливости», «несокрушимой культурой нравственности». «Доброта и чистота сердца, — писал он, — вынесла Александра Дубчека из казематов партийной политики на солнечную улицу политических будней, к людям, равным ему, к народу»¹. Человечность, искренность собеседника (или противоположные качества) являются для Дубчека одним из главных критериев в обрисовке тех или иных фигур. Так, говоря о Г. Гусаке, он часто использует не политические характеристики, а эмоциональные эпитеты — «сухой», «бесчувственный», «расчетливый». Описывая свою принудительную депортацию в СССР и переговоры с членами Политбюро перед подписанием пресловутого «Московского протокола», Дубчек с искренним огорчением замечает бесцеремонность, высокомерие советских партийных руководителей. В ответ на свое открытое, почти доверительное выступление в защиту чехословацких реформ, попытку объяснить ошибочность и пагубность военного решения проблемы, он услышал резкую отповедь Брежнева, в которой «идеи и идеалы были отброшены куда-то на задворки»: «Брежнев вскочил, лицо его побагровело, густые брови сдвинулись, и он начал на меня кричать». «Он разоблачил себя и все политбюро, — пишет

¹ Števček J. V pasci (politické úvahy). Bratislava, 1995, s. 76–77.

Дубчек. — Это была кучка циничных и наглых бюрократов с феодальными взглядами, которые давно уже перестали служить чему бы то ни было, кроме собственных интересов»¹.

В центре внимания автора постоянно оказываются гуманитарные аспекты, защита прав человека, свободы слова. За это он ратовал и в начале процесса преобразований («Я знал, что необходима свободная печать, которая поможет открыть дорогу коренным политическим и экономическим реформам»), и в трудных условиях первых месяцев оккупации («На меня оказывали давление, чтобы я ввел не толь-

ко жесткую цензуру, ... но и полный контроль над средствами массовой информации. Однако в этих вопросах я никогда не сдавался»)².

Автор приоткрывает перед читателем и многие стороны своей частной жизни, рассказывая о семье, о детстве и юности, проведенных в Советском Союзе, о перипетиях своей политической карьеры, о гонениях, слежке и других испытаниях, выпавших на его долю в пору «нормализации». Книга А.Дубчека — яркий и убедительный литературный документ эпохи, живой автопортрет автора — политика и человека.

¹ Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná. Bratislava, 1993, s.222.

² Ibid. S. 149, 231.

ВСПОМИНАЕМ...

СКАЗОЧНЫЙ МИР ПАВОЛА ДОБШИНСКОГО 190 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Павол Добшинский (1828, Славовце — 1885, Дренчаны) родился в семье евангелического священника. Образование получил в гимназиях Рожнявы и Мишковцов. В 1840 г. поступил в лицей в Левоче, где изучал философию и теологию. Уже тогда проявился его литературный талант: он

сочинял стихи в духе штуровской поэзии, произведения патриотического, а также подражательного характера в стиле народных песен. В период революционных событий 1848–1849 гг. Добшинский присоединился к революционной армии, а затем вошел в состав императорского войска. После окончания революции в 1850–1852 гг. был ассистентом у евангелического священника и этнографа Самуэля Росса. Тогда же начал собирать и издавать произведения словацкого народного творчества. В 1852 г. стал редактором журнала «Словенске погляды». С 1858 г. по 1861 г. занимал должность профессора словацкого языка и литературы в Банской Штявнице. В 1861 г. обосновался в местечке Дренчаны, где стал священнослужителем. Одновременно он редактировал литературный журнал «Сокол» (1860–1861). На протяжении многих лет Добшинский знакомил читателей с зарубежной поэзией. Он переводил Байрона, Шекспира, Лермонтова, Миц-

кевича и др. В 60-е годы проявил себя как литературный критик, издатель. Однако все же больше всего внимания он уделял фольклористике. Результаты его исследований составили основу работы «Размышления о словацких повестях» (1872), которая, наряду с трудами Л. Штура, стала одной из самых известных книг на эту тему. Добшинский собирал и записывал народные песни, пословицы, поговорки, загадки, которые были напечатаны во втором томе «Сборника словацких народных песен, повестей, пословиц...», изданном Мати-

цей Словацкой в 1874 г., а также в книге «Простонародные обычаи, поверия и пьесы словацкие» (1880). Вместе с А.Г. Шкультеты он составил и опубликовал шесть тетрадей сказок («Словацкие повести», 1858–1861). Туда вошли 64 народные сказки. Позже, в 1880–1883 гг. вышли в свет еще восемь тетрадей сказок (всего 90) под названием «Простанародные словацкие повести». Более поздние издания этих книг украсили иллюстрации выдающихся словацких художников XX столетия Мартина Бенки и Людовита Фуллы.

МАГ СЛОВА ПАВОЛ ДОБШИНСКИЙ

Две объемные книги под названием «Словацкие сказки» (1858–1861) и «Словацкие народные сказки» (1880–1883), несомненно, являются в Словакии самыми известными, издаваемыми и читаемыми произведениями XIX века. Эти книги были подготовлены и изданы выдающимся деятелем словацкой культуры второй половины XIX века, поэтом, переводчиком, редактором, педагогом, литературным критиком и теоретиком, фольклористом и сказителем Паволом Добшинским (16.03.1828, Славовшовец — 22.10.1885, Дренчаны). Имя Добшинского настолько тесно связано со словацкими сказками, что данные издания получили название «Сказки Добшинского» и фактически стали обозначением фольклорной прозы как таковой, а сам термин «народная сказка» (иначе говоря, фольклорная проза) стал упрощенным названием «Сказок Добшинского». Авторитет Павола Добшинского — бесспорно, самого известного и значительного словацкого сказителя XIX века, и не его одного! — способствовал тому, что имена других выдающихся собирателей и составителей «Словацких сказок» (например, Августина Горислава Шкультеты), без участия которых самые значительные книжные издания, возможно, выглядели бы иначе, в культурной памяти словаков были отодвинуты на второй план.

Фольклористы и литературоведы XX века отмечали, что мастерство Добшинского заключается, прежде всего, в том, что ему удалось создать такой вид сказок, который считается прототипом (моделью) словацкой сказки вообще. Он сумел достичь этого благодаря созданию самой модели данного жанра (прежде всего, жанра волшебной сказки), которая с точки зрения языка выглядит типично народной, в плане материала представляет собой наиболее распространенный вариант, а в композиционно-стилевом и повествовательном отношении отражает как основные принципы поэтики повествования, так и специфику речи фольклорного рассказчика. Этой цели Добшинский добился своим концептуальным подходом к исходным текстам: на сюжетном уровне он отбирал варианты с определенным материалом, на языково-стилевом — очищал их от архаизмов и книжных выражений, а также от ошибок, присущих устному повествованию; одновременно он старался повысить эстетическую привлекательность сказок. Однако важно и то, что он придавал сказкам характерный облик — можно даже сказать, что литературный, — благодаря чему сказки, подвергшиеся его творческой обработке, следует отнести к вершинам европейского литературного фольклора.

Все это имело первостепенное значение для последующего успешного

развития словацкой культуры: книги Добшинского сыграли важную роль в формировании основ словацкой литературы, ее исторических, эстетических и языковых принципов, утверждении письменного языка в качестве литературного; с лингвистической точки зрения, благодаря этим текстам, опубликованным на наречии, были зафиксированы лексикологические, смысловые и синтаксические особенности преимущественно гемеровского диалекта. Книжное издание сказок оказало воздействие и на другие области культуры (к примеру, при составлении сборника пословиц и поговорок Адольфом Петром Затурецким они стали для автора одним из основных источников), не говоря уже о влиянии на оригинальное творчество как современников, так и последующих поколений писателей, которые воспринимали эти тексты как источник фольклорного материала, черпали в нем вдохновение для собственных произведений.

Сказки, изданные Паволом Добшинским, оказали также воздействие на культуру в плане отношения к фольклорным традициям, к фольклорной прозе. Благодаря широкой читательской аудитории они как бы вновь вернулись к носителям фольклорных традиций, повлияв на характер повествования, в том числе и совершенно неграмотных рассказчиков в регионах, где проживают национальные меньшинства (к примеру, среди русинов), что подтверждает фольклорный материал XX века. Эта особенность сказок Добшинского представляется чрезвычайно важной, ибо свидетельствует не только об их восприятии, но и о специфическом культурно-историческом

воздействии. В отличие от аналогичных текстов Карела Яромира Эрбена, оказавших минимальное влияние на чешские фольклорные традиции, «Словацкие сказки» и «Народные словацкие сказки» пользовались большой популярностью в фольклорной среде. Объяснение этому мы можем, кроме всего прочего, найти в словах самого Добшинского, которые содержатся в его письме к Яну Драгорину Маковицкому от 3.05.1858 г.: «Что касается чтения, то наш народ еще находится в состоянии, когда его надо кормить молоком, чтобы он к удобоваримой пище привык. Сказки я воспринимаю как молоко, которым наши словаки будут питаться и с помощью которого они полюбят чтение и привыкнут к книгам». При написании этих строк Добшинский наверняка и не думал о том, что его творения будут иметь гораздо более важное, а не просто культурно-воспитательное значение и что они окажут воздействие на всю традицию сказок в Словакии в той мере, что порой трудно будет определить, пропущены ли данные произведения через восприятие Добшинского или же они представляют собой стандартный вариант традиционной устной сказки.

Тайна успеха сказок Добшинского заключается, прежде всего, в том, что предлагаемое им читателю «молоко» пришлось тому действительно по вкусу, благодаря концептуальному подходу к обработке сказок, стремлению познакомить читателя с лучшими из них. Художественные достоинства и эстетическая ценность текстов сами по себе — как своеобразное качество «молока», которое Добшинский предлагал читателям, — являются, прежде

всего, результатом сочетания незаурядного таланта автора и его оригинальной стратегии. Способ, с помощью которого Добшинский создавал сказки и который можно реконструировать благодаря доступности первоначальных текстов в обширном корпусе рукописных источников, показывает, что из всей массы материала он выбирал только те тексты, которые считал народными, фольклорными и которые одновременно — в художественном, эстетическом планах — были привлекательны. Поэтому талант Добшинского нельзя оценивать только как талант рассказчика. Он был архивариусом, исследователем и, если можно так выразиться, художественным режиссером своих сказок: материал, который он брал за основу, был ему знаком из рукописей, обнаруженных другими собирателями (из коллективных сборников, например, «Кодексов ревуцких» и «Народных забав», а также из авторских книг, начиная с Амалии Сиротковой, Ондreja Цабана, Само Халупки и др.), из общения с фольклорной средой и из художественных текстов других авторов («Кодексов тисовских» Августина Горислава Шкультеты, Марка Дакснера и Йонатана Доброслава Чипко, из книжных изданий сказок Яна Францисцы и Божены Немцовой). Этот материал он тщательно анализировал, сравнивал, а затем либо обрабатывал так, чтобы он становился как бы новым (его собственным) текстом, либо его (реже) лишь редактировал. Именно таким образом Добшинский создавал тип сказки, который мы воспринимаем как классический.

Способ реконструкции текстов сказок Добшинским можно хотя бы по-

этому конкретизировать с помощью наиболее ярких признаков сказочной поэтики, которые ее отличают и которые, благодаря их частому употреблению, читатель воспринимает как типичные. Таковыми, к примеру, являются хорошо известные рамки, иначе говоря, начальные и заключительные формулы. Представления о жанре сказок позволяют нам предположить, что рамочное построение сказки является одной из основных свойств данного жанра. Опытный читатель, основываясь на своих познаниях, предполагает, что сказка, как правило, начинается с вводной формулы и заканчивается формулой заключительной в соответствии с той же закономерностью, что и развитие действия в направлении поражения зла и победы добра. Именно таким образом обстоит дело в сказках, изданных Паволом Добшинским. Однако если мы обратимся к фольклорным текстам, возникшим в условиях существования научных методов изучения современной фольклористики, то обнаружим, что рамки действия — его начальные и заключительные формулы — не всегда бывают обязательными, более того, они не являются типичными и часто просто отсутствуют в фольклорном повествовании (например, в сказках так называемого «Вольмановского сборника» рамки имеет лишь треть всех сказок). Почему это так? Ответ на этот вопрос может нам дать обращение к творческой лаборатории сказителей XIX века.

Если фрагменты сказок, вошедшие в «Народные песни» Яна Коллара (1834, 1835), еще не имеют необходимых композиционных частей, а значит и формул, то уже для первых записей

сказок начала сороковых годов характерны структура и композиция, которую мы воспринимаем как типичную для сказок. Хотя самыми распространенными являются (также как и в фольклорной среде) простые формулы, типа «жил-был один...», тексты указывают на выраженную тенденцию к созданию рамочной структуры сюжетов, которая свидетельствует о том, что уже на начальных стадиях обработки фольклорного материала романтики воспринимали формулы как важную составную часть сказочной поэтики. Поэтому-то сказки не только начинались, но и заканчивались устойчивыми словосочетаниями, выполняющими роль формул, а также определяли несколько основных типов вводных и заключительных формул, в том числе и таких, которые позже не были зафиксированы в фольклоре. Эти типы формул в дальнейшем видоизменяли и уточняли (конкретизировали в художественном отношении) издатели сказок.

Павол Добшинский из исходных текстов намеренно использовал прежде такие формулы, которые были оригинальными и в определенной степени в стилевом отношении исключительными. При этом он целенаправленно выбирал главным образом формулы, подчеркивающие характер фантастического мира сказки, либо в виде стилизованных вводных формул, декларирующих с помощью построения вводной части фантастический характер истории («где было, там было, где вода сыпалась и песок лился»), либо формул, в которых рассказчик завязывает отношения с фантастическим миром

сказки («была там бумажная земля, и я провалился аж по сюда»). Для Добшинского далее характерно то, что он старался показать связь между формулой и жанровой разновидностью данной сказки. В то время как Ян Францисцы в «Словацких сказках» (1845) завершил волшебную сказку «Три заколдованных князя» формулой, основанной на комическом изображении перехода рассказчика из фантастического мира сказки к миру реальному, которая скорее отвечала юмористическому повествованию («Гей, вот это была свадьба! — и я там тоже был. А когда я хотел уйти оттуда, посадили меня вместо коня на один наполненный водой мешок: я хотел проколоть его шпорами, чтобы он со мной поскакал, раз уж столько господ на меня смотрели; я этот мешок и в самом деле проколол, вода вытекла из него, и сюда меня принесла»), Добшинский подобным типом формулы заканчивал только юмористические сказки: «А я, и в самом деле, не мог узнать как следует, потому что когда это случилось, я встал за ведром воды, которое перевернулось. И из-за этого случилось наводнение, которого, вероятно, даже во времена Ноя не было, и это наводнение принесло меня сюда, в этот далекий край, где когда-то Дюро-трулё жил, если и до сих пор ни живет здесь среди людей»). Эта последовательность Добшинского свидетельствует о высоком уровне знаний, касающихся поэтики сказки и одновременно обращает внимание на иной организационный и основополагающий принцип его творчества, на высокое художественное чувство.

Перевод Аллы Машковой

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНЫЙ СБОРНИК СЛОВАЦКИХ СКАЗОК ПОДГОТОВИЛ РОССИЯНИН И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ В 1843 Г.

Отношение русского слависта И.И. Срезневского (1812–1880) к словакам было особенным. В возрасте двадцати лет, в 1832 г., в Харькове он издал книгу словацких народных песен в кириллической транскрипции под названием «Словацкие песни». Как пишет словацкий ученый Рудо Бртань, совсем юный автор записал их со слов словацких дротаров, торговцев лечебными маслами и шафраном, работавших в России.

В 1842 г. И. Срезневский несколько месяцев провел в образовательной поездке по Словакии, из которой привез много фольклорного и этнографического материала. Исключительно теплые отношения у него тогда сложились с Людовитом Штуром. Они познакомились еще в 1840 г. в немецком городе Галле, где в то время учился Штур. Встретившись в 1842 г. в Словакии, они затем переписывались вплоть до преждевременной кончины Штура в 1843 г. Письмо Штура к Срезневскому от 8 мая 1842 г. подтверждает, что Срезневский собирался издать словацкие сказки, записанные студентом евангелического лица в Братиславе,

а позже — известным писателем Яном Калинчаком: *«Твое братское письмо из Познани я получил и мысленно тебя за него поблагодарил. Всех нас, словаков, обрадовало твое намерение издать наши словацкие повести и сказки, также, как и татранские песни и повести».*

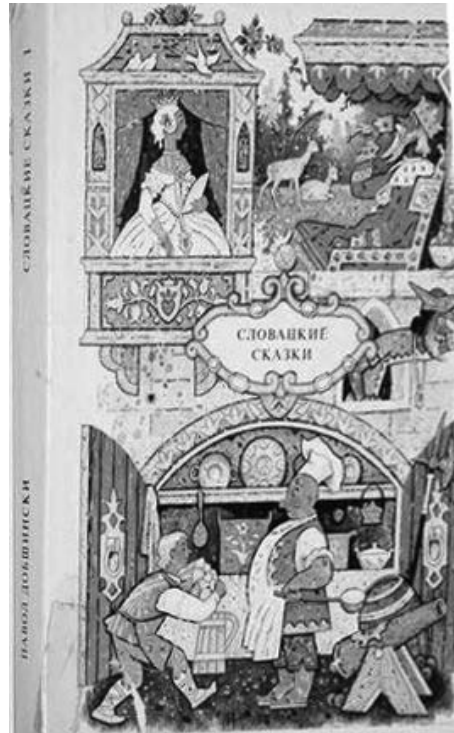
Книгу словацких народных сказок И. Срезневский начал готовить в 1843 г., т.е. раньше, чем на этот шаг решились словаки. Собранный Срезневским материал, в связи с его занятостью, так и остался в рукописях. По поводу подготовки книги сказок Штур в 1843 г. писал Срезневскому: *«Нас обрадовало, что ты взялся за издание словацких сказок».*

Словацкий фольклорист Вера Гашпарикова пишет: *«В целом можно утверждать, что народную прозу в наследии И.И. Срезневского следует причислить к старейшим записям, источником для которых послужило словацкое устное изложение, что существенно обогащает реестр сказочного материала».*

Первый сборник словацких сказок сумел издать писатель Ян Францисцы в 1845 г.

Перевод Анастасии Быриной

По материалам:
<https://kebisek.blog.sme.sk/c/467437/prvu-tlacenu-zbierku-slovenskych-rozpravok-pripravoval-rus-izmail-sreznevskij-r-1843.html>

Павол Добшинский. Словацкие сказки.
Изд-во «Младе лета». 1988 год

СКАЗКА ПАВОЛА ДОБШИНСКОГО «ДЛИННЫЙ НОС»

Где-то когда-то жил да был старый король и был у него один-разъединственный сын, да и тот давно на чужой стороне воевал.

Однажды королевич получил из дома известие, что отец тяжело занемог и если он хочет застать его в живых, пускай поскорее возвращается домой.

Ни минуты не медля, садится королевич на коня и во весь опор мчится в свой замок. К счастью, король был еще жив, да только очень уж плох. Он знал, что долго не протянет, день ото дня все слабее становится, уже едва дышит.

Как-то утром зовет король сына и чуть слышным голосом говорит:

— Дорогой мой сынок! Видно, пришел мой последний час. Ничего не поделаешь, давай прощаться. Слава богу, ты уже человек разумный, надеюсь, и без меня проживешь по чести по совести. Правь мудро, будет хорошо и тебе, и твоим под-

даным. Еще я оставляю тебе такое сокровище, что дороже самого королевства! Ищи его во дворе под колодцем, найдешь — бери, но пользуйся с умом! — сказал и дух испустил.

Молодой король отца любил и решил похоронить его с великими почестями. Созвал своих подданных и соседних королей и, не поскупившись, устроил богатые похороны, ничего не пожалел и в грязь лицом не ударил!

Когда поминки кончились и соседи разъехались по домам, молодой король увидел, что в казне его пусто. Что оставалось делать? Только клад искать. Приказал молодой король позвать двенадцать молодцов и велел копать под колодцем. Дружно взялись они за работу. Выкачали воду, начали землю рыть, а там — не земля, а сплошной камень! Заступ от камня отскакивает, искры в разные стороны так и летят.

— Поднажмите, добрые молодцы, приналягте! — Кричит король.

Из всех сил стараются работники, но вперед — ни на пядь не могут продвигнуться.

— Не жалейте силенок, ребятушки, за деньгами дело не станет! — Повторяет король.

— Да ведь с камнем не так-то просто сладить!

Надоело королю глядеть на бестолковую работу, повернулся он и ушел в свои покои. Стал думать, что делать, если под колодцем не окажется клада? Большое сомнение его брало: где же это слышано, чтоб под колодцем — и вдруг клад! И чем дольше он прикидывал, тем больше его злость разбирала: и на отца-то он злился, и на себя, и на весь мир. Совсем извелся король, бегаёт взад-вперед по покоям, вот-вот на себя руки наложит.

Вдруг двери распахнулись — работники идут, небольшой ларец несут.

— Вот, — говорят, — гляди, король, что мы под камнем нашли!

Взял король в руки ларец, с боку на бок поворачивает, разглядывает — ничего в нем особенного нет, так себе ларчик — из трухлявых досочек сбит.

— Вот уж действительно сокровище! — С сердцем воскликнул он, да как грохнет его об пол! Ларец рассыпался — на полу торбочка, дудка, да поясок лежат и еще — письмо. Схватил король письмо, читает:

«Кто торбочку потряхнет — вытрясет золотых дукатов сколько его душе Угодно».

Не стал он дальше читать, схватил торбочку и давай над столом трясти. Весь стол золотыми монетами усыпал. Повернулся к работникам:

— Ну, — говорит, — потрудились вы, ребятки, на славу, надо мне вас позаслужам отблагодарить. Подставляйте-ка шляпы!

И честь-по чести насыпал каждому по целой шляпе дукатов. Работники низко поклонились и отправились по домам.

Остался король один, стал смотреть, что еще в письме написано: «Кто заиграет на этой дудке — вызовет войска несметные, а кто этим поясом подпоясается, тотчас очутится там, где пожелает!»

Спрятал король три отцовских подарка и на душе у него посветлело!

Прошло несколько лет, и решил король, что пора ему жениться. Нарядился самое лучшее платье и заиграл на дудке. В ту же минуту появилось перед ним огромное войско и он отправился во главе войска к соседнему королю на смотрины.

Услышал король-сосед, что к его городу чужая армия движется, перепугался насмерть, потому что к войне готов не был и воевать не собирался.

— Что делать? С таким войском мне не сладить, — молвил он, — придется в ноги кланяться!

И король кинулся к нашему королю навстречу и стал смиренно спрашивать, чего тот желать изволит.

— Ничего, я, сударь мой, не желаю, — отвечает ему молодой король, — а пришел я к вам на смотрины!

Поднялось тут в городе ликование неслыханное. Чужой король пригласил нашего в свой замок и приказал в его честь пир устроить.

Стали все есть, да пить, да веселиться. Молодому королю принцесса весьма по душе пришлась! И вот уже дело вроде бы на лад пошло. Молодой король рад-радешенек, что и он люб принцессе! От счастья голову потерял, давай перед принцессой похвалиться, какая у него торбочка есть. И показал ей эту волшебную торбочку! А девица-то была не промах!

Наступила ночь. Все спать пошли. Наш король на радостях крепко-накрепко уснул. А хитрая принцесса подкралась к его платью, вытащила волшебную торбочку, а на ее место простую подсунула.

Утром жених проснулся и домой спешно отбыл, свадьбу готовить. Понадобились ему деньги на расходы. Достал он свою торбу, потряхнул — ничего нет — пусто. Еще раз потряхнул — опять ничего, в третий раз что было сил потряхнул, а дукаты все не сыпятся, да не сыпятся. Глядит, а это — и не его вовсе торбочка! Разгневался король, достал дудку. Дунул, появилось перед ним войско несметное. Спрашивают его солдаты:

— Чего тебе, господин, надобно?

— Ступайте за мной! — приказывает он.

Вскочил на коня и помчался в соседнее королевство. А там — в толк не возьмут, почему это король назад вернулся. Навстречу бегут, но он от их поклонов отмахивается, на полном скаку кричит:

— Торбу у меня кто-то стащил! У кого она? Немедленно верните, не то худо будет!

— Что ты, что ты, миленький, ты ж ее просто позабыл, — щебечет принцесса, — пойди, погляди, я ее в золотую шкатулку схоронила. Стоило ль тебе о ней так печалиться? Не все ль равно, что у меня ей лежать, что у тебя? Целей будет!

И так она перед королем рассыпалась, так его обхаживала, что он успокоился. Куда только злость девалась! И снова они пировали, веселились, а потом и в пляс пошли.

Вытащил кто-то у короля посреди пляски из кармана дудочку и давай над ним потешаться, уж не промышляет ли он мелкой торговлей.

— Дудочка-то она дудочка, да непростая! Захочу и всех вас вместе с вашим городом в порошок сотру. Вот дуну разок и сразу видимо-невидимо солдат появится. А еще у меня пояс есть! Вот это пояс! Подпояшусь и скажу: «Хочу быть там-то и там-то! И тут же окажусь, где пожелаю».

Коварной принцессе только того и надо! Уснул король, а она подкралась к его платью, дудочку вытащила и отнесла к отцу.

Сообразил старый король, что теперь сила в его руках, немедля приказал молодого короля к постели привязать, а на рассвете из замка с позором вытолкать да из города взащей гнать.

Молодой король чуть со стыда не пропал!

Долго бродил он, не разбирая пути-дороги из края в край, пока, наконец, не вернулся к себе домой. Да посовестился в рваном платье явиться к своему народу, украдкой пробрался в замок, скинул с себя лохмотья и облачился, как подобает королю.

Только с той поры потерял король сон и покой. Все не может успокоиться из-за торбочки и дудки, а как вспомнит про свой позор, кровь в нем прямо вскипает! День и ночь ломал он голову, как отомстить коварной принцессе и ее отцу. И вот однажды вечером подпоясался он волшебным поясом и загадал:

«Хочу немедленно оказаться подле дочери такого-то и такого-то короля. Пускай она мои вещи вернет!»

Не успел подумать, как очутился рядом с принцессой. Она только-только спать легла, еще и свечи не задула. Перед дверями стража стоит. Принцесса завопила, из постели выскочила и сорвала с короля волшебный пояс. Прибежали солдаты, схватили его и потащили к старому королю. Когда тот узнал, где его поймали, то приказал бросить нашего короля в самую мрачную темницу, а на другой день отрубить голову!

— Ах, до чего же я дожил! Лучше бы мне вас, подлых разбойников, никогда не знать-не видеть! — кричал наш король, когда его уводили.

Заперли его в темнице и солдата к двери поставили. А старый король разослал во все стороны гонцов, чтобы господ на казнь созывали. Он, мол, завтра собирается такому-то и такому-то королю за то-то и то-то голову с плеч рубить.

Ох, и невесело пташке в клетке поется! Наш король горюет, головой о двери бьется: «Лучше голову разобью, чем доставлю врагам радость на мою казнь глядеть», — решил он.

Услышал шум стражник:

— Э, королевич, брось, — говорит он ему, — может, еще как-нибудь из беды выпутаешься! Я когда-то твоему отцу служил. Он меня не обижал, и я тебе добром отплачу. Ступай направо вдоль стены. Увидишь камень, что наружу выступает. Откати его и откроется лаз.

Сделал король, как солдат велел, откатил камень и очутился на свободе.

Стали утром господа на казнь собираться. Отворили темницу, а там пусто, нашего короля уже и след простыл.

Старый король от злости волосы на себе рвет, а господа с чем пришли, с тем и ушли.

Освободившись, молодой король забрел в густой лес. Измученный, повалился на землю и заснул крепким сном. Проснулся голодный, стал вокруг озираться, чего бы это поесть, чем бы подкрепиться? Да кроме лесных ореховничего не нашел. Долго пробирался сквозь заросли, пока не вышел на полянку, на которой паслись овцы. Видит, неподалеку стоит пастушья избушка. Он туда! Вошел, поклонился и сразу же спросил, не найдется ли чего поесть.

— Как не найтись, найдется, голубчик мой, — отвечала ему старая пастушка, — присаживайтесь!

Повернулась — и вот уже перед ним угощение стоит: сыра кусок, хлеба горбушка и ковшик простокваши. Он не заставил себя долго просить, сел за стол и наелся до отвала. Передохнул немного, поблагодарил добрых людей и отправился дальше.

Идет он, бредет, а сам все о своей обиде думает и чем больше думает, тем сильнее его досада берет, глаза туманом застилает. Не разбирая дороги, взобрался он на вершину высокой скалы, а под ней преглубокая пропасть. Остановился, стоит, размышляет:

«Эх, лучше мне помереть, чем без отцовых подарков жить, да такой позор терпеть!» — завернулся в плащ и бросился в пропасть.

Пока летел, плащ возьми да распахнись, и ветер понес короля далеко-далеко в лес. Зацепился король за дерево, а на нем — полно спелой смоквы. Недолго думая, нарвал он плодов и стал есть. Вдруг чувствует, нос у него вытягивается, растет, растет, вымахал труба-трубой!

— Вот ведь не везет! — загоревал королевич. — Все-то беды на меня сыпятся! Что теперь делать буду?

Хочет с дерева спуститься, а нос не пускает. Пришлось ему задрать нос вверх и с превеликим трудом кое-как с ветки на ветку до земли добираться.

Тут его от сладкой смоквы такая жажда сморила, чуть было не пропал! К счастью, слышит — поблизости ручеек журчит, он к ручью побежал. И что же? Носище его к воде не подпускает. Наловчился как-то и хлебнул глоточек.

— Ох, и хороша же! — похвалил он водицу. — Батюшки, а нос-то вроде меньше стал!

Хлебнул еще, и нос как нос стал — обыкновенный.

— Вот радость! — воскликнул королевич. — Теперь я рассчитаюсь с обидчиками! Ну, погодите, вы у меня еще попляшете!

Нарвал он с дерева смоквы, зачерпнул из ручья воды и вернулся к пастушьяй избушке. Попросил там старой одежки и отправился в замок к королю. К самым дверям подошел.

— Тебе чего, старик? — спрашивает его служанка.

— Да вот смокву продаю, — отвечает он.

Служанка побежала доложить королеве, та приказала узнать, сколько старик за нее хочет.

— Двенадцать дукатов, — отвечает торговец. И служанка сразу же ему деньги вынесла.

Положил королевич дукаты в карман и прочь помчался, только пятки засверкали.

А в замке мать с дочкой, знай смоквой лакомятся. Вдруг принцесса взглянула на королеву и обмерла!

— Ах-ах, — кричит, — как у вас, мама, нос вырос!

— И у тебя, доченька, тоже вон какой вымахал! Что же это творится? Уж не от смоквы ли?

— Ах, маменька, — заломила принцесса руки, — что теперь с нами будет, мой нос уже в пол уперся!

И у служанки тоже нос вырос: не удержалась, пока смокву в королевские покои несла, одну ягоду слопала.

Мать с дочерью криком кричат, причитают. Услыхав этот рев, король сам к ним явился. Велел созвать лекарей со всего света. Созвали, да напрасно. Ни один помочь не может. Чем больше от тех носов отрезают, тем длинней они вырастают. Что делать? Пришлось терпеть насмешки, но на улицу свои длинные носы не высовывать.

Прошло полгода, вдруг — откуда ни возьмись — какой-то незнакомый лекарь является. В черном платье, с палочкой в руке, идет себе по городу.

— Бог в помощь! — крикнул он бабе, что в саду полола. — Какие тут у вас новости?

— Ах, да какие у нас могут быть новости, — отвечает баба. — Все только худо, да хуже некуда. Даже смеяться теперь не велят.

— Почему так? — спрашивает лекарь.

— Да потому, — баба в ответ, — что королевские дамочки отрастили себе страшные носища. Теперь если кто-нибудь засмеется, — его в тюрьму волокут. Думают, будто над их носами потешаются.

— Отчего же им никто не поможет? — любопытствует лекарь.

— А, чтоб они пропали вместе со своими носами! Тут и так докторов тьма-тьмущая перебивалась, да все в каретах четверней! И ни один не вылечил.

— Я не я буду, — молвит лекарь, — коли их не излечу! Ступай королю доложи. Вот тебе дукат.

И дает ей дукат.

Обрадовалась баба, бегом побежала сообщать королю, что у нее-де лекарь сидит, обещает королеве и принцессе пособить.

— Да только он не в карете, а пешком с посошком, — добавила она.

— Не в том дело, — говорит король, — лишь бы моих дам от носов освободил.

И велит лекаря в замок привести.

Привели нашего лекаря. Король его спрашивает, берется ли он беде помочь. Лекарь отвечает:

— Берусь, но только, чтобы дам в полное мое распоряжение отдали!

И чтобы доказать, что он знаток своего дела, велит дать кому-нибудь из слуг одну смокву съесть.

*Иллюстрация
Людовита
Фуллы
к сказкам
Павола
Добишинского*

Привели слугу, дали ему смокву, и только он ее проглотил, как нос у него стал длинный-предлинный!

— У этого слуги, — изрек лекарь, — крови мало, да и та жидкая и слабая, ее не надо остужать!

Дал ему глоток воды. Нос тут же отвалился. Все обрадовались, а больше всех принцесса, ведь теперь она снова станет такой же прекрасной, как прежде!

Зовет лекарь служанку.

— У этой, — говорит, — кровь погуще, и чтоб мое лекарство помогло, ее следует разбавить! Несите сюда плетку!

Приказал служанке скинуть с себя все до рубахи и давай ее плеткой охаживать, потом дал глоточек волшебной воды хлебнуть — не больше наперстка. И носище тут же исчез.

Принцесса дожидаться не может, когда придет ее черед, чтобы опять стать красивой.

А лекарь говорит:

— Погоди немного. Повремени! — И берет в работу королеву. Хлестал он королеву три дня. На четвертый смочил ей язык волшебной водой и длинный нос у королевы тут же отвалился.

Подошел теперь принцессин черед. Чтобы молодую горячую кровь охладить, гуляла плетка по принцессиной спине шесть дней. Принцесса уже без памяти валится, а лекарь и ухом не ведет. Не пожелаала принцесса боль терпеть, на седьмой день отказалась лечиться. Мать вокруг нее бегаёт, успокаивает, и так и этак уговаривает, еще денек потерпеть. Все, мол, заживет, лишь бы от безобразного носа избавиться.

Подошел последний день. Стала принцесса умолять лекаря бросить плетку, стала ему сулить, что пойдет за него замуж, да еще подарит ему огромное богатство.

— Какое богатство? — поинтересовался лекарь.

— А такое, какого ни у кого на целом свете нет, — отвечает принцесса, и достает золотую шкатулку и вынимает из нее торбочку.

— Эту торбочку, — объясняет она, — потрясешь и получишь столько дукатов, сколько пожелаешь. А вот дудка — только в нее подудишь, сразу войско появится несметное. Вот пояс — стоит его подпоясать — сразу попадешь, куда задумал. И подает ему дудку и пояс. Лекарь поясом подпоясался, торбу и дудку за него заткнул, подбоchenился и повел такую речь:

— Знай, принцесса, я — тот самый король, которого ты велела с позором из города гнать. Я — тот самый король, которого ты собиралась казнить. Я — тот самый продавец, у которого вы смокву купили. Я мог вас без всяких мучений исцелить, но вы заслужили хорошую порку. А эти три вещи были моими и моими будут. Ты же, принцесса, за свое коварство и вероломство навсегда останешься с длинным носом! — сказал и пожелал перенестись в свой замок.

Зажил наш король, припеваючи, и про все злое да плохое позабыл.

«...ЖИЗНЬ ЖИВЕТСЯ ТОЛЬКО РАДИ ЧЕЛОВЕКА...»

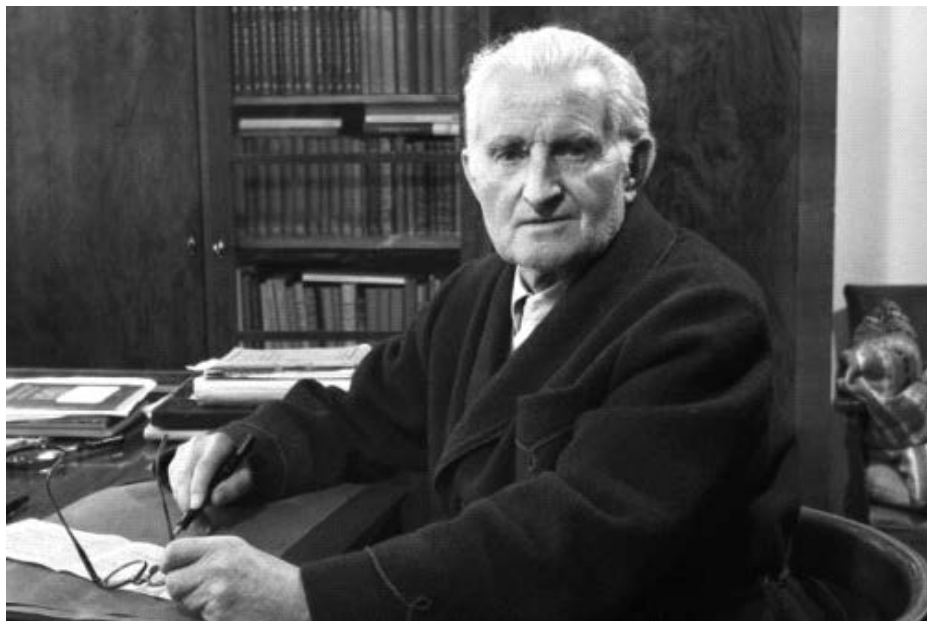
ИВАН КРАСКО: 60 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ

Иван Краско (настоящее имя Ян Ботто) родился 12 июля 1876 г. в Луковиштах. Учился в венгерской гимназии в Римавской Соботе, в немецкой — в Сибиу и в румынской — в Брашове, где в 1896 г. получил аттестат зрелости. В 1900–1905 гг. учился на инженера-химика в Праге. Работал инженером недалеко от Праги — на сахарном заводе в Клобуках (здесь он создал свои основные поэтические произведения) и на химическом заводе в Сланом. В 1914 г. ушел в армию; по возвраще-

нии с войны в конце 1918 г. поступил на государственную службу только что образованной Чехословацкой республики, стал депутатом, а позже — сенатором. Умер 3 марта 1958 г. в Братиславе. Похоронен в родных Луковиштах.

Поэзия: «Nox et solitudo» (1909), «Стихи» (1912).

Проза: «Наши» (1907, в периодике, под псевдонимом «Богдана Й. Поттокинова»), «Сентиментальные истории — 1, 2» (1908), «Письмо мертвому» (1911).

КОНТУРЫ ПОЭЗИИ ИВАНА КРАСКО

При попытке постичь поэзию Ивана Краско (1876–1958) можно исходить из названия его первого сборника «Nox et solitudo» (1909)¹. Вторая поэтическая книга «Стихи» (1912) — это дальнейшее развитие лирики ночи и одиночества и одновременно размыкание их круга. При этом ночь у Краско — не только хронотоп, но и символ. Заголовок с взаимосвязанными обозначениями несет основную характеристику положения лирического субъекта. Он хорошо подобран и выразителен. Это не прерывает его связи с европейским литературно-художественным контекстом рубежа веков, основным базовым знаком которого был индивидуализм. В тогдашнем контексте развития словацкой поэзии этот заголовок воспринимается как новый, непривычный.

В первом сборнике привязанность к ночи характерна лишь для части стихотворений, чаще это, по сути, стихотворения дня — но эти дни почти всегда туманны и дождливы, серы, то есть как будто переходят в ночь. В лирике Краско важную роль играет возведение в символ атмосферного акцента. «Ночь» как символическое обозначение мы могли бы спокойно заменить более общим обозначением «тьма». Перемежающиеся образы ночи и серых дней родственны по смыслу, они создают одинаковый символический комплекс и относятся к отрицательно

воспринимаемому полюсу мира поэта. Они воплощаются как природные образы, обычно антропоморфные, являются спутниками одиночества лирического субъекта, существуют рядом с ним, но в то же время соотносятся с психическими, становятся также и его образом. Внешнее пространство у Краско неотделимо от внутреннего. Ночь, тьма, туман, дождь, черное, серое — это и ночь, тьма, туман, дождь, черное, серое лирического субъекта, образ его внутреннего мира. С этим символическим комплексом непосредственно связан образ стоячей воды, в котором он с помощью эпитетов характерно подчеркивает ее «безбрежность», «серость», «мутность», «тишину», «неподвижность» и который также относится к индивидуальному человеческому существованию.

Образность развивается горизонтально — метареферент из области природы связывается с референтом из душевной сферы или, наоборот, метареферент из душевной зоны связывается с референтом из природы. Прежде всего природное в конфронтации с душевным обретает новые коннотационные значения. Слово представляется вертикальному образно-смысловому построению стихотворения. Например, первая строка стихотворения «Смеркается...» — «Смеркается, темнеет, к ночи склоняется», которую мы при первом чтении воспринимаем как обозначение времени, при позд-

¹ «Ночь и одиночество» (лат.). (Прим. переводчика.)

нейшем сокращенном повторе «Смеркается, темнеет», а потом и при дальнейшем чтении стихотворения, приобретает новые значения в контексте, указывает и на завершение времени индивидуального человеческого существования, наступление ночи — смерти, которое производит драматичное субъективное впечатление, подвигает человека на мучительное нравственное подведение итогов.

Стихотворение «Ночь» с сегментом «Близится черная, страшная ночь!», включенная в «Стихи», словно бы продолжает «Смеркается...». Мотив наступления ночи в ней, в том числе благодаря предметности стилизации, звучит еще настойчивее. Ночь здесь — «*pox mea*»¹ (как автор отметил в номере журнала «Денница», где стихотворение первый раз вышло, — *Gáfrik, Súborné dielo Ivana Krasku. Zväzok prvý...*, 1966, s. 372), ночь индивидуума, обостренного духовного кризиса интеллектуала начала XX в., от которого невозможно ускользнуть и который необходимо проанализировать собственным разумом. Как написал Станислав Шматлак, ночь здесь человека «оставляет в одиночестве, подвергая его мучению не только интеллектуальному, но и нравственному, и эмоциональному» (1976, s. 107). Пространство «я» занимает «хаос», «удушливая неопределенность, безмерно разросшийся серый туман» (стихотворение «Я»). Лирический субъект Краско, парализованный скепсисом, переживающий метафизические страдания как экзистенциальные, мучимый потрясением основ своего космоса, брошен, собственно говоря, в первоначальную неупорядоченность,

в исходный бесформенный и безграничный хаос (ср. *Eliade*, 1994, s. 23–25).

Ночь в различных образных модификациях с большей или меньшей степенью черноты — это внутреннее состояние лирического субъекта, его ощущение жизни, как и неизвестность смерти и неотвратно близящийся страшный нравственный итог, источник огромного психического напряжения. Этим, однако, все значения красковского основного символа тьмы (ночи), противоположностью которого в его поэзии является символ света (из дневного света — свет ясного дня и ясного утра), не исчерпываются.

Состоянием лирического субъекта и предметом поэтической рефлексии у Краско является и одиночество. Уже первое стихотворение дебютного сборника, которое называется «Solitudo», указывает, что одиночество Краско — не индивидуалистическое, но направленное к солидарности, о чем свидетельствует то, что эта покаянно-просительная молитва поэта — мучительная исповедь в прегрешениях не только перед Богом, но и перед страдающими «угнетенными» (ср. *Šmatlák*, 1976, s. 87–89). Одиночество у Краско не желанно, человек от него страдает, это не является состоянием декадентского индивидуалистического гедониста или солипсиста. Оно относится к настоящему времени лирического субъекта. Его вызывает разрушение связей с другими, прежде всего партнерами женского пола, и оторванность от родины. Эта оторванность, кроме всего прочего, проявляется в контрасте туманного и ясного природного пространства, пространств с отрицательным и положительным оценочным знаком, которые суть и пейзажи

¹ «Моя ночь» (лат.). (Прим. переводчика.)

души («Мои песни»), или в контрасте расчеловеченной, обезличенной, механизированной фабричной среды и мира интимно родственных человеческих существ («Издалека»).

За отдельными стихотворениями Краско часто скрываются конкретные эмоциональные переживания, конкретные женщины, на что указывают посвящения поэта, а также женские прототипы, выявленные историей литературы. Что ни стихотворение, то маленькая лирическая драма. Прош- лое, часто драматическое, всплывает в воспоминании и обычно мучительно, драматично тревожит душу субъекта, задавленную однообразием одинокого существования. В «Nox et solitudo» вос- поминания перетекают в боль, печаль, разочарование в близком человеке, чув- ство опоздания, упущенной возмож- ности, безнадежности, резиньции, горьких упреков партнеру и более все- го — в чувство собственной вины, не- избежности каяться и в покаяние. Сти- хи Краско — это картина фрустрации индивидуума из-за несбывшихся свя- зей. Эмоциональная фрустрация пере- ходит в экзистенциальную, в ощущение недостатка жизненной перспективы. При этом лирический субъект прояв- ляет свою сущностную открытость по отношению к другим; в стихотворении «Я всегда думаю...» периода первого сборника, хотя и не включенном в него, мы читаем: «А я, однако, не могу поум- неть, // везде я кусок сердца оставляю. // У меня еще много его в груди, // идите, берите, я жду, жду». Красковский отча- янный крик одинокого человеческого существования в «Песни» («Выситя тоскливо...») «О, не попадает кто-то в чьи-то объятия // и нет там места, нет

там капельки места для него!» однове- менно является чувством жизненной необходимости близкого существа, че- ловека-друга. Поверх утраты иллюзии, разочарований в себе и в других звучит призыв поэта-одиночки к человече- скому общению, пониманию, доверию, привязанности, любви, который можно назвать семантическим жестом сбор- ника «Nox et solitudo».

Авторские концентрированные формулировки неиллюзорного позна- ния, снабженные восклицательными знаками и порой обретающие характер изречений, не выглядят как спокойные сентенции, поскольку это воззвания, полные актуальной впечатлительности и напряжения, а значит, и жизненно жгучей настоятельности. Это относит- ся к эпиграмматическим моментам и к рефлексивному или интеллектуально- му масштабу его лирики в целом.

Краско — поэт, который обраща- ет особое внимание загадкам челове- ческой психики и бытия. Он находит в них неразрешимые, иррациональные моменты. В области межличностных отношений в связи с этим следует от- метить истолкование проблемы неспо- собности двух близких людей вопреки обоюдному стремлению достичь до- верительного контакта («Баллада» — «Когда день...», «Сегодня зори...») или проблемы непостижимого поведения индивидуума по отношению к близ- кому человеку. Например, в стихотво- рении «Робкий аккорд» лирический герой не может поверить, как быстро о нем забыла женщина, к которой он шел навстречу, до этого — одинокая аутсайдерка, отчаявшаяся, страдающая от холода и дождя, что можно пони- мать и как метафору душевной непри-

ветливости в ее ситуации, недостатка чувств.

Поэт дает нам заглянуть в таинственную сложность человеческой психики, причем проблема не только в других, но прежде всего в самом лирическом субъекте, его душе. В форме авторского внутреннего диалога один полюс противоречивого внутреннего мира ведет спор с другим полюсом (например, в стихотворении «Сердце мое»). В замысле строки «Душа моя, ты черной ночью упивалась...» («О душа моя...», пер. Н. Шведовой) Краско касается и темных, бездонных сторон человеческой души. Очень выразительно это в стихотворении «Познание», в котором самообвинение лирического субъекта допускает возможность собственных страшных преступлений.

Лирический субъект лирики Краско — никакой не герой; это не тот, кто мог бы быть нравственным примером. В ощущении собственной ничтожности, «невзрачности», «убожества», в их гиперболизированном изображении его можно сравнить, как на это намекал Штефан Крчмери (1943, s. 142), с лирическим субъектом барочных поэтов. Гиперкритические расспросы совести драматизирует проходящее время человеческой жизни, угрожающий своим завершением, экзистенциально оно становится также и этическим. Источником страданий в основном является пассивность субъекта, недостаток сил преодолеть собственное безволие.

Для пассивного лирического субъекта Краско характерно, что например, гнев как проявление его активной реакции на неудачу в любви — лишь кратковременный аффект, который сразу же ломается, переходя в печаль

и нерешительность («Песня» — «Так тихонько...») или в молчаливую депрессию и усмешку над собственной болью («Баллада» — «Хотя шел дождь...»).

Яростным гневом лирический субъект Краско, по сути, реагирует на фрустрацию по поводу национального и социального положения своего народа в единственном стихотворении «Nox et solitudo» с открытой надличностной тематикой, в тексте, написанном в стиле ветхозаветного заклинающего, жаждущего мести псалма, — «Иегова». В рамках сборника парадоксально, что жестокую месть на собственный народ за его пассивность в этом стихотворении призывает тот, кто сам пассивен, «ничтожество» которого «не смазывало маслом раны угнетенных, // не возвещало никогда Христова Воскресенья» («Solitudo», пер. Н. Шведовой). Отличие от библейских псалмов заключается главным образом в том, что в них наказание призывается на врагов. В стихотворении Краско речь идет о том типе крайнего отрицания, функция которого — спровоцировать принципиальное изменение, критика пассивности, которая стоит за ним, имплицитно является призывом к активности. Там, где Краско в своей поэзии касается темы нации, он всегда занимает активную позицию.

Краско, подобно Людовиту Штуру, видит главную причину отсутствия национально-социального прогресса нации в его собственной пассивности. В радикальной постановке вопроса к «Иегове» открывается определенная параллель в последней фразе статьи Штура «Не опускайтесь» (1846): «Нация, которая ради жизни своей всё, что только можно, не сделает, всего не

посвятит, всем не пожертвует, не достойна жизни, но достойна — чтобы перед остальным человечеством не опозориться — скорейшего уничтожения» (Štúr, 1953, s.81).

Завершение стихотворения Краско «Познание» («Сегодня странствующую я по совсем иной дороге»), стихотворения «Иегова» и «Под утро» (с символикой Вербного воскресенья, когда христиане празднуют Вход Господень в Иерусалим) несут в себе сигналы перемен в лирическом субъекте, хотя таким сигналом можно считать и сам факт стихотворения-исповеди («Solitudo», «Познание») или мотив покаяния. Как остров гармонии, вопреки тоскливости, звучит возникающий в воспоминаниях интимный образ материнского смирения с жизнью в «Vesperdominicae»¹, особенно когда этому стихотворению в книге предшествует картина интерьера одиночества лирического субъекта, где не хватает подруги жизни и который являет собой «лишь печальные четыре стены» с крестом «Сына Человеческого» («Шесть часов...»), хмурый символ индивидуального человеческого существования с вопросами о загадках посмертного бытия и с безрадостным ответом («Тополя») или образ современного нищего на пути в Иерихон — отчаявшегося, с «душой убитой», в котором можно видеть одну из автостилизаций лирического субъекта («Quiapulvissum»)².

В посвящении невесте в начале «Стихов» автор говорит: «Как грешный христианин, иду на исповедь к тебе», — тем самым намекая, его сти-

хотворения-исповеди не будет не Бог, не священник, а любимая женщина. Исповедью, собственно, становится уже первое произведение «Стихов» — «О душа моя...», хотя ее адресат здесь не упомянут и речь идет о разговоре лирического субъекта с самим собой. Здесь автор внутри субъекта обнаруживает полярность темного (грешного) и покаяния, при котором, однако, милости явления таинства Божия персонифицированная человеческая душа не получает. Уже в этом стихотворении звучит тема противоречия между устойчиво ощущаемой потребностью в вере как экзистенциальной опоре и ее недостатком, присутствующий, впрочем, и в первом сборнике, противоречия, наиболее выпукло конкретизированного в стихотворениях в прозе «Ночь» и «Я». Вера в стихотворении «О душа моя...» — лишь «былой», оставшийся в прошлом «свет».

Метафизические тайны остаются «неявленными», молитвы — неуслышанными, небеса — молчаливыми; в свою очередь, и настоящая необходимость и стремление выйти из границ одиночества по направлению к другому человеку встречаются с тотальным равнодушием, оказываются напрасными, даже трагическими, просьба-мольба наталкивается на человеческое бесчувствие («Напрасна просьба»). К последнему мотиву Краско вернется в стихотворении «Необходимо...», чтобы превратить его в резко критический анализ мещанского мира и его отвержение.

Субъект Краско подтачивает не только недостаток религиозной веры, но и скепсис вообще. В «Песне» («Вырастала роза красная...») опыт любовной

¹ «Воскресный вечер» (лат.). (Прим. переводчика.)

² «Ибо прах есмь» (лат.). (Прим. переводчика.)

истории, в которой человек, проникнутый безверием, оставляет после себя опустошение, приводит к пониманию человеческих обязанностей, к моральному императиву: «ну а жизнь — живет только // ради человека» (пер. Н. Шведовой). С другой стороны, в «Балладе о грустной даме, которая умерла» поэт со всей правдивостью, комплексностью и драматизмом раскрывает глубинную проблемность определенной этической позиции, ставя вопрос эротического искушения и нравственной чистоты или бескомпромиссности, указывает на амбивалентность чистоты, на то, что ее оборотной стороной является не только печаль, но и «смерть» (см. название стихотворения), под которой здесь подразумевается телесное и душевное умерщвление человеческого существа. В сборнике «Стихи» за этим стихотворением не случайно следуют «Аскеты», в которых альтернативная реакция на любовную фрустрацию — это «окаменение», умерщвление страстных мечтаний и чувств, тела и души, тем самым субъект обретает равновесие. С автостилизацией пустытника мы встречаемся и в следующем стихотворении «Отшельник», но оно имеет иной характер; уже вводные его строки несут в себе меткую характеристику положения лирического субъекта Краско: «Пустытник седой в темноте соснового леса, // я в грусти живу с надеждами малыми».

Беспокойство в стихотворении «Ночь» — этическое, метафизическое, экзистенциальное. Вместе с неотвратимо близящейся ночью на субъекта надвигаются муки угрызений совести, распространяющихся на «наследственные вины многих столетий» и «жажды» света, метафизической уверенности,

вере (вере вообще), разрушаемой скепсисом разума. В стихотворении «Я», которое, собственно, продолжает предыдущее, поэт очерчивает способы приемлемого существования человека и различные альтернативы веры (даже сатанинской), считая их по-человечески более сносными, чем *status quo* лирического субъекта, которым являются: «только хаос всего этого, удушливая неопределенность, безмерно разросшийся серый туман...». То, что Краско отваживается высказаться в поэзии о безверии, о религиозном кризисе, рассуждать о различных альтернативах веры, свидетельствует о его свободном аналитическом духе. Обнажение души, не раз связанное со снятием маски лицемерия, характеризует всю его лирику. Это проявляется и в заострении авторской позиции в отдельных стихотворениях.

Призыв «Нужно думать, неотвратимо нужно!», который мы находим в начале и в конце стихотворения «Ночь» и в начале стихотворения «Я», адресован прежде всего самому лирическому субъекту и сигнализирует о том, что поэт пришел к пониманию неизбежности интеллектуального осмысления сущностных проблемных ситуаций человеческого бытия. В стихотворении «Нужно...» это воззвание имеет такой вид: «Нужно, нужно познать вас и себя!». Это постулирование мышления и познания — каким бы парадоксальным оно ни казалось в данном контексте — является, по сути, и первым шагом к преодолению неблагоприятной ситуации. Поэт понимает его как человеческую обязанность индивидуума.

Сигналом перемен в лирическом субъекте в «Стихах» становится уже их посвящение невесте. Перемены со-

единяются с высокой стилизацией: своей партнерше и наплыву любовных чувств поэт придает религиозную ауру. С восприятием женщины как богини мы встречались и в «Nox et solitudo» в «Балладе об одной милой». В «Стихах» оно в полную силу проявилось в сонете «Лишь тебе» (в русском переводе — «Тебе одной»), который целиком основан на ритуалах жертвования обожествленной женщине. Свет, которым для поэта является женщина, и тьма, которую он соотносит с душой лирического субъекта («в глубоких тьмах моих ты светишь мне!», пер. Н. Шведовой), суть символы, имеющие в контексте сборника и религиозное значение — это свет веры и тьма безверия. Встреча с долгожданным любимым существом, любовные переживания в стихотворении «Так нетерпеливо...», построенном на обновлении библейских образов, поэт представляет как религиозные переживания, «торжественный божий пир исцеленных душ», то есть как христианский праздник любви (агапэ), как акт доверия и веры, которая даже приводит к участию в чудесах (мотивы превращения воды в вино и воскрешения дочери Иаира). И камерная картина утра, в котором лирический субъект ждет важной встречи с любимой, в стихотворении «Сегодня» несет в себе скрытые духовные значения с наименованиями «милость» и «свет» («Вот милостивое утро, света полное утро»).

Религиозный акцент лирики Краско (ср. *Gáfrík*, 1965, s. 162–167) — это не только знак выразительности. Мы находим в нем, однако, черты противоречия, заданные уже временной и пространственной разнородностью религий, элементы которых появляются в стихотво-

рениях автора. Основную церковно неограниченную христианскую парадигму мотивом мести размыкают уже такие стихотворения, как «Иегова» и «Раб». Помимо центрального христианского ритуала исповеди или покаяния, поэт актуализирует дохристианские религиозные ритуалы. Достаточно выразительно проявилась у Краско индийская религиозная философия. Интерес к различным религиям у этого автора связан с различными местами его пребывания, которые были и соприкосновениями с иными конфессиями, и с идейными, культурными и литературными течениями того времени. И религиозный акцент как составная часть лирики Краско имеет, при ее уже достаточно исследованном межлитературном аспекте, межкультурные масштабы и указывает на большой диапазон интенсивной лирики автора.

Вернемся, однако, к наброску «развития» лирического субъекта Краско. Эту «больную душу», таким образом, исцеляет женщина, она изменяет его пассивное отношение к жизни, наполняет его силой и неукротимым решением бороться («Жизнь»). Перемены приходят внезапно, но то, что следует за ними, не свидетельствует о линейности. После стихотворения с любовными переживаниями и душевным возрождением «Так нетерпеливо...» следует стихотворение «Лишь тебе», где речь идет об одностороннем, безответном отношении (хотя вера в обожествленную женщину — это новый элемент), стихотворение «Ты их видела...», в которой к односторонности и безответности отношения прибавляется мотив напрасного желания, стихотворение «Горные цветы вянут», где к девичьему

посланию любви, «надежды и белой невинности», которым являются цветы, присоединяется глубокий черный тон образа «вазы» милого, увиденной автором как «печальный гроб того, кто на чужбине умирает...», стихотворение «Сонет», проникнутое страшным скепсисом, где картина мертвого пейзажа, в которую должны войти ее «молодые ноги», воспринимается не только как символ общественной действительности, но и как ужасающий символ самого лирического субъекта, настолько опустошенного средой, что его невозможно возродить и что и от него самого можно ожидать только уничтожения («О, смех твой кощунственную тишину не освятит, // и целина, убитая серой, молодые ноги уничтожает...»), полное горечи стихотворение «Сегодня зори...», в котором лирический субъект аналитически возвращается к ситуации, когда между ним и его партнершей происходит непонятное «короткое замыкание» в общении, неспособность взаимного доверительного контакта вопреки обоюдному мучительному усилию создать его, и он задает себе настойчивые безответные вопросы, относящиеся к тайне человеческих отношений.

От пассивности и скепсиса лирический субъект все-таки переходит к активной и доверительной позиции в жизни, хотя отрицательная позиция имеет тенденцию чередоваться с положительной, что в конце концов способствует впечатлительности, драматичности лирики автора. Активную позицию мы находим и в стихотворениях с надличностной тематикой «Раб», «Отцовское поле», «Рудокопы», «Нужно...», «Письмо барышне Л.Г.», специфика которых в том, что каждое

из них одновременно является стихотворением субъективного характера. Вопреки некоторой условности выражения (за исключением стихотворения «Нужно...»), связанной в первых трех стихотворениях с аллегорической или аллегорически-символической тональностью, это яркие стихотворения. Сильное ощущение сопричастности собственному угнетенному, несвободному народу, подкрепленное угрызениями совести, и священное отношение к отечеству перерастает у поэта в сознание нравственной обязанности действовать, сопротивляться и бунтовать. Сопричастность страдающему народу и вытекающая из нее субъективная ответственность у Краско заданы не только генетической связью поэта с ним, но являются составной частью его ощущения сопричастности «бедным и униженным» вообще, с аутсайдерами, которые оказались не в струе, «у обочины», причем это их положение имеет не только социальную мотивировку. Сам поэт чувствовал себя одним из них, на что указывает одним из своих значений функционально выбранный псевдоним «Янко Цигань» и о чем, кроме того, свидетельствует периферийная автостилизация лирического субъекта: «рыцарь печального образа», нищий, раб, бродяга, «странный музыкант» или отшельник.

«Рудокопы» — стихотворение о нравственной верности искушаемого одиночки отечеству во времена его несвободы и предвидение прихода людей труда, родимой силы, от которой он доверчиво ожидает собственного и национального освобождения. При этом, так же как и ранее, интимный наплыв чувств обретал сакральные масштабы,

ныне сакральность соединяется с представлением о приходе рудокопов («хоралы», приветствие «Дай Бог вам удачи!») и поражения Демона (Сатаны). Между прочим, и в понимании поэзии Краско в конце концов в позднейшем стихотворении «Критика (Из речи в долинах)», в котором он отталкивается от новозаветной Нагорной проповеди, пришел к сакрализации поэтического слова.

В «Письме барышне Л.Г.» веру в силу национальной общности сменяет ее совершенно камерная, «прозаическая», повествовательная рефлексия и критика ее недостатков, нацеленная главным образом на ряды собственного поколения поэта, причем он не исключает из него и себя. Краско критически, с долей болезненной иронии касается прежде всего практики не ценить и не понимать своих великих, склонности проявлять национальную жизненную силу и могущество только в развлечениях, отсутствия усилий «идти в ногу с просвещенным миром», постоянно расширять свой горизонт, стремиться к высшим духовным целям, душевно обогащаться и терпеливо, осмысленно работать.

Тему родины в «Стихах» завершает стихотворение «Дома», которое открывает еще один новый смысловой регистр — выражение благодарности людям и вещам родного края поэта; в скобках здесь появляются и субъективно беспокойные строки, но их приглушает преобладающее чувство смирения перед течением жизни и законами бытия.

Позже автор в стихах 1913 г. — в «Истории», «Прибине» и «Светоплуке» — в преобладающей элегической

тональности, с широким прославляющим, ритмически более свободным стихом и временными оксюморонами в духе Махи и Бржезины, не чужаясь традиционных выразительных средств — аллегории рабства, а в первом стихотворении — даже риторике прямого призыва, расширил эту тему своей поэзии воссозданием фигур из нашей великоморавской истории с намерением пробудить ими несвободную, подавленную нацию.

С символизмом, вариант которого представляет зрелая лирика Краско, автор встретился еще при учебе в Трансильвании, но главным образом — при учебе и работе в Чехии. В чешской среде он знакомился с ним через чешскую поэзию, чешские переводы и чешскую литературную критику (Ф.Кс. Шальда), но также и посредством переводов и немецкой литературы (две статьи Рихарда Демеля, немецкого поэта-символиста, он даже перевел на словацкий). Из французских символистов он ближе всего к Полю Верлену, особенно принципом музыкальности, стремлением избегать «красноречия» и пониманием поэзии как выражения души и сердца (ср. *Felix*, 1978); в лирике Краско, однако, более значимую роль играет интеллект. Важным было и соприкосновение поэта с Шарлем Бодлером. Что касается чешской поэзии, лирика Краско обнаруживает литературное сходство прежде всего с творчеством поэтов двух поколений: поколения девяностых годов, в том числе той его ветви, которую называют декадентской (Антонин Сова, Отокар Бржезина, Карел Главачек), и поколения, вступающего в литературу на рубеже веков (главным образом Карел Томан). В то же время

она перекликается с поэзией Петра Безруча, который как особое поэтическое явление стоит между этими поколениями, хотя и с тем, и с другим у него есть точки соприкосновения (*Zambor*, 1981).

Сравнительное изучение поэзии Краско приводит к пониманию разнонаправленных импульсов. Обычно они не позволяют ограничиться одной литературой и одним поэтом, хотя определенные доминанты здесь вырисовываются. Некоторые сходжения можно найти и между Краско и русским романтиком Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Отдельную тему представляет собой тесная связь Краско с румынской поэзией, главным образом к Михаю Эминеску.

Парнасское прямое отношение к действительности, стремление к ее описанию и как можно более подробному определению у Краско заменил намек, который можно проследить на всех важных уровнях, особенно в образной, звуковой и пунктуационной плоскостях (многоточие, тире, точки, восклицательные знаки). Для Краско характерна смысловая неопределенность. Значимым приемом является у него символизация, к которой он приходит обычно метонимическим путем. В первом сборнике доминирует «смысловая осцилляция между контекстом природы и психики», ведущая прежде всего к символизации психического в природном образе. Во втором, более стилизованном сборнике более заметно начинает звучать фантазийный символический контекст без параллельно развиваемой корреляции с действительностью (ср. *Šmatlák*, 1976, s. 160–166 и 177–188).

Для лирики автора характерен напевный, эвфонический стих, который ввел Янко Есенский, но главным образом у Краско он приобрел символистский характер. Вариантность одинаковых или похожих образов находит соответствие в многообразном повторении выражения на различных композиционных уровнях, которые становятся конструктивным фактором стихотворения, способствует затуманиванию знаковости слова, приглушению «вещественности», использованию коннотационных значений, внушению настроения. Краско проявил чувство семантики стиха. В новой смысловой функции он использовал дактилические и дактило-хореические стихотворные размеры. У него есть и такие стихотворения, версификационное строение которых исходит из библейского стиха или они непосредственно написаны этим размером. Он функционально использовал расшатывание правильного силлабо-тонического стиха. С его сборником «Стихи» и с некоторыми стихотворениями, опубликованными в журналах, связаны истоки словацкого верлибра. В словацкую поэзию он ввел стихотворение в прозе. С жанровой точки зрения его лирику характеризуют в основном песня, баллада, псалом (молитва) и поэтическое послание. Поэт реализовал новый тип лирической, камерной баллады, или балладности, в котором звучит субъективная проблематика индивидуума. Та же самая поэтика воплощается и в его сонетах.

Краско также является автором примечательных прозаических произведений, которые своим психологизмом, проблематикой и типом героя близки

его лирике и в силу постреалистического, неоромантического характера представляют собой значительную часть прозы Словацкой Модерны. Это новелла «Наши» («Словенски обзор», 1907), впоследствии публиковавшаяся под названием «Разрыв». Это картина среды пражского студенческого кружка «Детван» и историей одной любви, которая не осуществилась, хотя партнеры ни о чем другом так не мечтали. Далее это «Сентиментальные истории 1 и 2» («Денница», 1908), позже названные «Свадьба» и «Милостыня», проза с ослабленным сюжетом, которая носит характер погружения в эмоциональную и вообще психическую сферу нерешительного человека. Прозу Краско отличают сложность эмоциональных реакций, смешение чувств, иногда даже противоположных, и парадоксальность, «непостижимость человеческого поведения» (Gáfrik, 1993, s. 21). Момент загадочности мы находим и в более поздней, не менее значимой новелле «Письмо мертвому» («Словенске погляды», 1911), где автор достигает масштаба фантастики.

Краско, однако, проявил себя прежде всего как поэт. Мы воспринимаем его как родоначальника современной словацкой лирики, ведущего представителя Словацкой Модерны и создателя наиболее выразительной словацкой модификации европейского поэтического символизма, у которой есть свое место и в его рамках.

О поэзии Краско уже много написано, и писалось о ней очень хорошо. Эту тему я, однако, не воспринимаю как исчерпанную. Уже потому, что у его стихотворений, основную часть которых он собрал лишь в две «тетрадки», как он называл свои сборники, время не от-

няло впечатляющей силы, и они зовут к новому (и повторному) прочтению, к новым взглядам в интерпретации. Определенные коррекции картины лирики автора может вызвать то, что современный исследователь не ограничен идеологически. Новое пространство для интерпретации открывается при тщательном прочтении лирики автора как символистской, учитывающем не в последнюю очередь и смысловые коннотации выразительного звукового оформления стихов.

Небольшое по объему, на редкость насыщенное и действенное поэтическое творчество Краско резонирует в творчестве различных поколений словацких поэтов до наших дней. В Словакии оно стало самым критерием поэзии. Краско притягивает к себе и как автор, который поэтически выразительно постиг положение человека рубежа XIX и XX вв., и следующий рубеж веков, усиленный рубежом тысячелетий, переживаем и мы. Возникают параллели, вопросы. Это главным образом аналогия обостренной полярности между скепсисом хаосом и потребностью веры и доверия, новой космогонии и нового миропорядка. Поэт обращается к нам современным изображением человеческой психики, внутреннего мира индивидуума, межличностных отношений, их загадок, тайны человеческого существования и бытия в целом, своим видением национального бытия, общества, антимещанской направленностью, обнаженной глубинной проблемностью, беспокойной аналитичностью и осознанием человеческих обязательств.

Перевод Наталии Шведовой

ТОПОЛЯ

Hej, topole, tie topole vysoké!
 Okolo nich šíre pole —
 Čnejú k nebu veľké, čierne
 — zrovna jako čiesi bôle —
 topole.
 Hej, topole, tie topole bez lístia!
 Duch jak čísi špatnej vôle
 hrdo stoja ošarpané,
 v mraze, vetre, nahé, holé
 topole.
 Hej, topole, tie topole bez žitia!
 Nemo stoja v úzkom kole
 – príznaky sťa z nirvány by —
 pozerajú v prázdno dole
 topole.
 Hej, tie hrdé, vysočizné topole!
 Ako vzhľad ich duch môj zmizne ...
 Hore ...? Dolu ...? Do nirvány ...?
 — Ako havran ošarpaný
 do noci ...

Эй, тополя, эти тополя высокие!
 А вокруг — без края — поле,
 К небу тянутся, широкие,
 Слышу в них я стон и боли,
 Стон и боли. Тополя...
 Эй, тополя, эти тополя без листьев!
 Души ваши в дурной воле,
 Гордо выситесь над миром,
 Снег ли, ветер — телом голы,
 Телом голы. Тополя...
 Эй, тополя, эти тополя без жизни!
 Молча, встали в узком коле,
 Призраки с нирваны дальней,
 Смотрят гордо в пустом доле,
 В пустом доле. Тополя...
 Эй, тополя, эти гордые, высокие тополя!
 Посмотрю на них — исчезну,
 Ввысь? Иль вниз? Или в нирвану?
 Словно ворон, гость незванный,
 Гость незванный. В ночь...

Перевод Екатерины Курсаковой

СМЕРКАЕТСЯ

Zmráka sa, stmieva sa, k noci sa chýli.
Od hory, od lesa tak plače, kvili ...!
Výčitky neznámych duše sa chytia.
...Vyplniť nádeje nebolo sily —
zapadli, zapadli vo zhone života...
Oblaky nízko sú, tak letia, letia...!
Žaluje zúfale žaloby márne
ktoś príliš úbohý z šíreho sveta,
že veril, že čakal, že starne, starne...
Zmráka sa, stmieva sa. Zhora i zdola
havrany veslujú do noci spešne...
ktoś príliš úbohý o pomoc volá,
do tvári hádže nám spomienky
hriešne...
Zmráka sa, pôjdeme ... Noc je už spolu.

Меркнет день. Сумерки. Близится ночь.
С дальних гор, из лесу — плачь,
что невмочь!..
Отзвуки прошлого сердце сжимают,
Выполнить главного не было силы,
В дней суете мечты умирают,
А облака всё мимо да мимо!..
Кто-то, отчаянный или несчастный,
Плачет убого в ночной тишине,
Верил, искал, но напрасно, напрасно...
Меркнет день. Сумерки. Близится ночь.
Вороны черные ввысь улетают...
Кто-то несчастный просит помочь,
Темное прошлое напоминает...
День погас, мы пойдем... Полночь
пришла.

Перевод Екатерины Курсаковой

ДОЖДЬ ИДЕТ...

Prší, prší
 jednotvárne ...
 Jak to líce zeme
 starne,
 vädne, bledne mladou ženou,
 oklamanou,
 opustenou!
 Prší, prší, neprestáva ...
 Trudnou myslou plná hlava
 v chladné dlane kloní čelo —
 tak by sa jej plakať chcelo ...!
 Prší, prší neustále...
 Kebych mohol v hmľistém diale,
 tam na jednom mokrom hrobe
 zaplakal bych vo žalobe ...
 Prší, prší ...
 Až prestane,
 mrazom skvitnú
 pusté stráně:
 nič si, nič
 nevyberiete —
 Jak je smutno, clivo v svete!

Дождь идет, стучит о стекла,
 И лицо земли поблекло,
 Точно лик у той унылой, —
 Той, кого оставил милый.
 Дождь идет, стучит угрюмо,
 В голове теснятся думы...
 На ладони уронить бы,
 Да заплакать бы, завывать бы...

Дождь идет не уставая...
 Оказаться б в дальнем крае,
 Там, над насыпью могильной
 Плакать долго и бессильно!

Дождь идет... А перестанет,
 Окна иней затуманит,
 Снег покроет склоны эти...
 Так тоскливо жить на свете!

Перевод Анны Ахматовой

Дождик, дождик днём, и ночью,
 Лик земли уж стар, промочен,
 Вянет, блекнет девой грустной,
 Одинокой, бледной, тусклой!
 Дождик, дождик непрерывно,
 Тяжесть в мыслях постоянно
 В мерзлых пальцах лоб и тело,
 Так заплакать бы хотелось...!

Дождь идет, идет все чаще,
 Вот бы мне — в туманов чашу,
 У одной сырой могилы
 Я заплакал бы тоскливо...!

Дождик, дождик — так занудно,
 Холод, в улицах — безлюдно,
 Нет, нам не вернуть начало,
 Так уныло, так печально...

Перевод Екатерины Курсаковой

ХРОНИКА

23 апреля 2018 г. Словакия потеряла одного из своих самых ярких современных писателей. Петер Криштуфек (1973–2018) стал одной из двух жертв автомобильной аварии на трассе Банска-Быстрица — Зволен, где столкнулись пассажирский автобус и грузовой автомобиль. Петер был пассажиром того самого автобуса, направлявшегося в Братиславу, он возвращался с записи очередной авторской программы для «Словацкого радио».

Эта трагическая гибель на самом взлете творческой карьеры потрясла всех. Всесторонне одаренный и буквально кипевший творческой энергией Петер Криштуфек оставил после себя множество уже начатых проектов: книгу, сценарий, комикс, фильм, цикл радиопрограмм. Но и этого ему было мало: работая много и увлеченно, он уже вынашивал планы новых произведений.

Трудно охарактеризовать творческий стиль Криштуфека — его писательская манера в отдельных литературных произведениях очень разная. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на два самых известных его романа — «Суфлер» и «Дом глухого». Первый, скорее, можно назвать гроте-

сково-сатирическим произведением, а второй — глубоким философским размышлением, хоть и не лишенным элементов авторской иронии. Безусловно, благодаря таким многогранным и глубоким литературным произведениям Криштуфек мог бы стать лицом современной словацкой литературы в мире. Собственно, это доказывают и цифры — количество переводов его произведений на другие языки: один лишь «Дом глухого» уже успел выйти на шести языках.

Роман «Суфлер», изданный на русском языке в моем переводе в 2016 г. (отрывок из него был напечатан в альманахе «Девин», № 1/2015), уже успел завоевать любовь российского читателя. Это роман стал первым словацким романом, переведенным на русский язык за последние 20 лет, начиная с 1994 г. Особенно приятно, что это произведение Криштуфека привлекает молодых людей из числа студентов-славистов филологического факультета МГУ, от которых до меня регулярно доходят положительные отзывы о книге. Очень жаль, что встрече Петера Криштуфека с его читателем в России уже не суждено состояться.

Анна Пескова

ВОЗВРАЩЕНИЕМ К ПРОШЛОМУ ПЕТЕР КРИШТУФЕК СДЕЛАЛ ЦЕННЫЙ ПОДАРОК НАШЕМУ БУДУЩЕМУ

В конце своей книги «Атлас забвения» Петер Криштуфек оставил несколько пустых страниц, которые лаконично озаглавил так: «О чем еще нельзя забывать». 44-летний словацкий писатель, режиссер, сценарист, а также страстный коллекционер книг стал одной из двух жертв трагической автокатастрофы, случившейся на трассе R1 в понедельник (23 апреля 2018 г. — *прим. переводчика*), оставив множество таких пустых страниц не только в сердцах своих близких, но и огромного числа любителей словацкой литературы. Правда, мы все, глядя на эти белые листы, понимаем, что такого всесторонне одаренного человека, успевшего оставить после себя, несмотря на отведенный ему очень краткий отрезок жизни, настолько масштабное и значительное наследие, забыть невозможно.

Литературоведы Радослав Пассиа и Ивана Тараненкова в книге «Поиски настоящего: Словацкая литература начала 21 века» говорят о группе писателей, которых называют технократами сюжета. «Они сосредотачиваются на создании таинственной атмосферы, на использовании гротесковых, причудливых элементов и эксцентрических мотивов и в целом стремятся к нарушению гармонии и естественного порядка вещей, что, в конечном итоге,

обязательно отражается на сюжете, приобретающем странные повороты или повисающем в неизвестности», — пишут авторы книги, имея в виду творчество таких авторов, как Павол Ранков, Карол Д. Горват, а также Петер Криштуфек. А ведь именно в связи с произведениями этих писателей рубежа девяностых и нулевых годов говорилось о «возрождении жанра рассказа» в словацкой литературе. При этом имя Криштуфека и вовсе могло бы отсутствовать в этом списке, если бы в свое время он поддался одному из своих многочисленных страстных увлечений — биологии.

«Я люблю природу и различные формы жизни, отличающиеся от нашей. Например, я обожаю насекомых! После окончания гимназии я два года изучал биологию и не считаю это время потерянным, потому что наука учит человека систематическому мышлению. Писать я начал довольно поздно», — рассказывал Криштуфек в интервью газете «Pravda» в 2010 г. В конце концов, он окончил факультет кино- и телережиссуры Высшей школы музыкальных искусств в Братиславе. Его первый литературный текст под названием «Как прекрасен мир», который стал финалистом конкурса «Poviedka», был, по его признанию, переписанным сценарием собственной выпускной картины.

Причудливые связи и возвращения во времени

Петер Криштуфек является автором трех сборников рассказов: «Неточное место» (2002, Премия Ивана Краско), «Свободным взглядом» (2004) и «Вне времени» (2009). В связи с выходом последнего сборника в газете «Pravda» была опубликована статья поэта и переводчицы Элены Хидвегивой-Юнг, где она писала следующее: «Здесь автора так же, как и в предыдущих сборниках, привлекает таинственная, напряженная атмосфера и криминальные перипетии, ужасы, brutальное насилие, доходящее до психотриллера, в котором главными действующими лицами являются сумасшедшие и люди с психическими расстройствами. Стиль его прозы очень напоминает причудливую готическую литературу, в которой ужасающая жестокость переплетается с удушающей ностальгией и таинственной, романтической атмосферой. Однако весь этот спектр «черных» элементов у Криштуфека удивительно уравновешивается любовной линией, чувством нежности, красоты, всем позитивным и благородным, что есть в нашем мире. Начиная с прекрасной музыки, поэзии, живописи и заканчивая величайшими духовными богатствами в виде мыслей выдающихся философов и религиозных мыслителей».

Первый свой роман под названием «Суфлер» Петер Криштуфек написал в 2008 г. и был номинирован за него на премию Prix du livre Evropeén (Ев-

ропейская книжная премия). Затем последовали книги «Близнецы и антиподы» (2010), «Дом глухого» (2012) и «Атлас забвения» (2013). В этот период проявилась склонность Криштуфека к общественно-исторической прозе с акцентом на события XX века. Сюжет, помещенный в исторические реалии Словакии, лежит в основе романа «Дом глухого», а уже «Атлас забвения» возник как естественное дополнение к роману. Он охватывает период с 1914 г. по 2014 г., причем каждому году посвящен отдельный текст, в котором описывается атмосфера той эпохи.

«В «Атласе забвения» выразилось мое изумление по поводу того, как выглядит и как развивается наш мир, а также того, насколько предательской и непостижимой может быть наша память», — написал в своей книге Криштуфек. Его следующими романами были «Эмма и Бабочка мертвая голова» (2014) и «Тела» (2016). В прошлом году он выпустил книгу о писателе Корнеле Фёлдвари, получившую название «Корнел Фёлдвари: О себе». После смерти Фёлдвари он много трудился над тем, чтобы превратить оставшееся после него знаменитое собрание книг в доступную для общественности библиотеку. В издательстве «Marenčin PT» в этом году выходит книга «Леди Ксанакс, пан Снегурочка и я». Произведения Криштуфека регулярно становились финалистами премии «Anasoft litera» и «Poviedka».

Охотник на книжном поле

Увлечение Петера Криштуфека историей проявилось не только в его литературном творчестве. Многим

он был известен как страстный собиратель книг и исторических изданий, причем ему не составляло труда чи-

тать книги на латыни. «Мои отношения с букинистическими магазинами и всеми прочими местами, где можно найти старинные книги, очень тесные, и, действительно, меня буквально бросает в дрожь, когда я посещаю такие места», — признавался писатель в программе «Ars litera — радио-букинист» радиостанции «Радио Девин».

Что касается раритетных изданий, то здесь, по его словам, ему больше всего нравился момент случайной находки: «Я больше всего люблю охотиться на книги. Я бы это так назвал. Если в первобытные времена все люди были охотниками и собирателями, то я как раз такой охотник, только на книги. Это нравится мне больше всего». Далее в той же программе Криштуфек рассказал о том, что одними из самых ценных (и любимых) книг в его коллекции являются «Рачительный хозяин дома и в поле» Юрая Фандли и «Nox et solitudo» Ивана Краско.

Несмотря на активное занятие литературным творчеством, Криштуфек

всегда утверждал, что его призвание — кино- и телережиссура. «Это я так шучу, что зарабатываю литературой, потому что на самом деле занимаюсь режиссурой литературных программ для телевидения. Было бы чудесно зарабатывать на жизнь художественной литературой, но книги получаются более искренними, если вообще не думать о гонораре», — сказал он как-то в одном из интервью. В качестве режиссера он снял более двадцати документальных фильмов, две игровые короткометражки, телефильм «Долгая короткая ночь» (2003) и документальный фильм «Моментальные снимки» (2008) о музыканте Дежё Урсини, которого очень любил. Также он является создателем телевизионного документального фильма «Невидимый враг» (2011) и игрового кино «Видимый мир» (2011) с Иваном Трояном в главной роли. Кроме того, Криштуфек принимал участие в создании киноальманаха «Словакия 2.0» (2014).

Разум в кино, чувства в книге

Что было для него проще: написать книгу или снять фильм? Как говорил он сам, у многих сложились очень романтические представления о режиссуре, но если начинаешь вдаваться в детали, то романтика куда-то пропадает. «Нужно правильно выбрать костюмы, реквизит, угол съемки..., — говорил он. — Нужно пройти рациональную фазу, чтобы добиться художественного результата. Режиссура научила меня мыслить рационально, хотя по природе своей я скорее размышлял более чувственно, ассоциативно и импульсивно».

Как написал в своем эмоциональном комментарии в соцсетях его близкий друг, пропагандист литературы Дадó Надь, у Криштуфека было множество неоконченных проектов, выхода которых он очень ждал. «Он был организованным, целеустремленным и трудолюбивым. Мудрым и с очень хорошим чувством юмора. Он дописал финальную версию сценария фильма по своей книге, доделал комикс и очень любил свою рубрику «Забывшие книги...», продолжал делать серию программ для банско-быстрицкого радио. Готовился

к презентации нового романа и уже говорил о следующих двух. Его было так много в моей жизни, что я просто не могу поверить, что его уже нет». Фильм, о котором говорит Надь, — это игровая картина «Эма и Бабочка мертвая голова», которую Криштуфек делал совместно с компанией «PubRes».

Своего дорогого друга Петера Криштуфека вспоминает и основатель «Артфорума» Владимир Михал: «Мой разум все еще не может осознать, что его нет. Я весь день ощущаю себя совершенно опустошенным и не могу даже

говорить. Словно его «Атлас забвения» начал работать. Наши встречи почти всегда происходили в кругу большого числа людей. И всегда были продолжительными. Разговоры с Петером текли бесконечно. И были очень приятными. О том, что мы меняем наш маленький мир, что это имеет смысл, разговоры о прошлом — все это были его темы. И сразу же, внезапно, как удар под дых — скачок в обратном направлении, в будущее. Это все абсолютный абсурд. Еще один номер в моем телефоне, на который уже никогда не дозвониться».

*«Pravda» 24.04.2018
Перевод Анны Песковой*

ПЕТЕР КРИШТУФЕК: «НЕ НУЖНО СТРАДАТЬ ПО ПОВОДУ ВСЯКОЙ ЕРУНДЫ»

В конце прошлого года, наконец, увидела свет давно ожидаемая книга «Корнел Фёлдвари: О себе». Она была издана Литературным информационным центром, дизайн-макет книги подготовил Пало Балик, иллюстрации — Даниэла Олейникова. Книга получилась очень красивая, а ее обложка сразу выдает в Корнеле Фёлдвари любителя авантюрно-приключенческих романов. Автором идеи, записавшим воспоминания Фёлдвари, и тем, кому принадлежит заслуга появления книги, является писатель, сценарист и режиссер Петер Криштуфек. Каждый четверг он встречался с Фёлдвари в кафе братиславского книжного магазина «Ex libris» (позже встречи перенеслись в магазин «Artforum»), включал диктофон, записывал, а затем дома расшифровывал записи. Мы поговорили с ним, конечно, о Корнеле.

— Наверное, у каждого из нас, кто знал Корнела Фёлдвари и встречал его на улице, в кафе или на литературных мероприятиях, остались свои приятные впечатления или милые воспоминания о нем. Ты когда-нибудь видел его мрачным, сердитым или в плохом настроении? Потому что я лично такого не припомню.

— Может быть, лишь однажды (тут мне приходится серьезно порыться в своей памяти), когда он вернулся из больницы домой, а я без него разобрал часть его книг, при этом куда-то запро-

пастился портфель с рукописями. Это оказалось для него очень болезненно, ведь, вопреки сложившейся у нас традиции, в его вещах всегда был порядок. Тут я имею в виду, что в тот момент он «был мрачным».

— Но он принял факт разборки его библиотеки?

— Собственно, мы об этом с ним договаривались, потому что она уже выглядела ужасно. Я тогда осилил лишь небольшую часть, притом, что занимался этим больше недели! И чувствовал себя просто книжным археологом.

— А видел ли ты его когда-нибудь грустным или серьезным?

— В реальной жизни почти никогда. А в наших интервью для книги грусть посещала его, когда речь заходила об одной конкретной теме — судьбе его семьи по маминой, еврейской ветви во время войны. Это его действительно очень мучило.

— А ты можешь вспомнить самую первую вашу встречу?

— Вначале я узнал его как автора послесловий к детективным романам, и еще о нем упоминал Калина в книге «Тысяча и один анекдот». Это имя сразу привлекло меня своей звучностью. А потом в конце девяностых нас познакомил Дадó Надь на радио «Twist», Корнел мне тогда напомнил своей знаменитой бородой и улыбкой какого-то плутоватого разбойника. Но

наша дружба началась позже, когда мы вместе ездили по разным уголкам Словакии с авторскими чтениями. Тогда мы поняли, что хорошо понимаем друг друга, и с тех пор я стал интересоваться его историей.

— Интеллектуалов много, но чем он так сильно отличался от других? Настолько, что ты как писатель и режиссер решил сделать о нем книгу, хоть это даже, скорее, была журналистская работа...

— Я сделал это во имя нашей дружбы, для меня это очень личная вещь. Мне не хотелось, чтобы все его истории так просто исчезли и не остались в памяти. Ведь все это читается прямо как роман. Ну и, кроме того, Корнел был исключительно остроумным человеком и отличался своим особым подходом к людям. За многие годы часто случалось так, что он вдохновлял и воодушевлял многих художников, чьи имена даже невозможно перечислить. Когда происходило что-то важное, Корнел всегда был рядом. Ненавязчиво, но очень убедительно.

— Что первое приходит тебе в голову, когда ты о нем вспоминаешь? Что более всего его характеризовало?

— Самоирония, старомодный шарм и талант большого рассказчика. Помимо чувства юмора, конечно.

— Он был намного старше тебя. Когда вы перешли на «ты»?

— Познакомившись с Корнелом, я понял, что возраст не так уж важен. Он был вечно юным и сохранил в себе открытость миру. Все воспринимал с огромным интересом. Порой у меня было чувство, что он моложе и современнее меня, а я уже пожилой человек. Мы перешли на «ты» где-то на пути из

Жарновицы в Кошице и чуть позже закрепили это рюмочкой грушковицы, при этом он с усмешкой заметил, что теперь нам будет легче ругаться друг на друга. Но до этого мы так и не дошли.

— Книга рассказов о его жизни, которую вы вместе с ним сделали, очень хорошо читается, мы словно слышим его голос за этими строчками. По крайней мере, в начале, когда он говорит о своем детстве, его рассказ звучит очень мило и забавно. Как ты думаешь, у Корнела было хорошее детство?

— У Корнела было чудесное детство до тех пор, пока не началась война. Я поражаюсь атмосфере, царившей в семье Фёлдвари, этому товарищескому сообществу, в котором были персонажи, словно взятые из фильмов Йиржи Менцеля. Война многое изменила, и его отец стал в прямом смысле слова героем и спасителем жизней.

— В книге он рассказывает о Тренчине, в котором вырос. Каким этот город был тогда, перед войной?

— В начале книги Корнел говорит о нем как о крошечном «городке на ладони». За несколько минут можно было добраться из одной точки города в другую, и к тому же там проживало множество ремесленников, очень интересных персонажей, людей разного происхождения. Это был один из тех типичных маленьких словацких городков, которые были уничтожены социализмом и уже никогда не вернуться.

— Он был атеистом, так же, как и его отец. Говорили ли вы с ним о Боге и о вере? Как он относился к людям верующим?

— Корнел часто говорил, что к Богу относится как к своему давнему знако-

мому. Если они встретятся на улице, то вежливо поздороваются и пойдут дальше каждый своей дорогой. И все. Но он никогда не ставил под сомнение веру других, ведь, в конце концов, всю жизнь провел рядом с верующим человеком. Я имею в виду его жену Надю.

— **Его мама была еврейкой. Он считал себя евреем?**

— Он осознавал в себе эти корни, но никогда их особо не выставлял напоказ. Ко всему прочему, это классическая подсознательная реакция на столетия преследований. В нем это сочеталось еще и с его склонностью к рационализму.

— **Уже в детстве у него сложились очень близкие отношения с сестрой Иреной, которую он прямо «выпросил» у родителей, очень желал ее появления...**

— Об их близких родственных отношениях свидетельствует уже тот факт, что на протяжении почти шестидесяти лет они еженедельно писали друг другу письма. На Ирену сильно повлияла история с их отцом и клеймо «спекулянта», которое на нем поставили: в тот момент она как раз находилась в очень восприимчивом возрасте, а коммунисты превратили это дело в показательный пример и посадили отца, лишив его семью абсолютно всего. Я боюсь, что она так и не оправилась от этой истории и это даже ее несколько ожесточило. Корнел привил сестре любовь к книгам и повлиял на ее интересы на всю жизнь. Она была еще большей библиофилкой, чем он сам, если такое вообще возможно. Он чувствовал свою ответственность за нее и старался помогать ей, насколько мог.

— **Всю жизнь он прожил с одной женщиной, с женой Надей. Как они познакомились?**

— В Словацком издательстве художественной литературы, позднее переименованном в «Татран», в конце пятидесятих годов. Надя работала там редактором, а Корнел пришел туда к своему другу. Не знаю, было ли это проявлением волнения или отваги, но он сразу спросил ее о зарплате и начал шутливо рассуждать о том, как бы они могли вместе хорошо зажить на совместные доходы, будь они мужем и женой. И это при первой-то встрече!

— **Но ведь сработало, да? Кажется, вполне себе неплохая тактика привлечения внимания девушек.**

— Думаю, Надя от этого вовсе не пришла в ужас. Наверное, он сделал это мило, и потому она сдалась. А затем они довольно скоро начали встречаться. Так что это оказалась неожиданно успешная тактика.

— **Какими ты видел их отношения?**

— Корнела и Надю связывали невероятные узы. Они пережили вместе очень тяжелые времена, когда в годы нормализации Корнел был под запретом, они были очень зависимы друг от друга. Конечно, многолетнее проживание под одной крышей требует большой толерантности. Достаточно лишь взглянуть на фотографии их квартиры на Дриенёвой улице, полностью забитой книгами, — это было бы совершенно невыносимым, если бы оба они этого не любили.

— **Вас с ним тоже объединяла любовь к книгам. Он влиял на тебя как на писателя? Ты советовался с ним?**

— Несмотря на общую любовь к «черным» жанрам, наши литератур-

ные вкусы во много отличались. При написании книг я обычно полусерьезно-полушутя с ним советовался, и он был одним из первых читателей большинства рукописей моих произведений. Среди них особенно Корнелу нравился, конечно, сатирический роман «Суфлер», и его заключительная версия дорабатывалась мною с учетом его советов. Но, скорее, он руководствовался принципом невмешательства. Интересовался, любопытствовал, читал, но позволял мне идти своим путем.

— Вы обсуждали с ним трудный период его жизни, пятидесятые годы, когда он вынужден был уйти из университета и служить во вспомогательных технических батальонах, о чем он писал в своей автобиографической книге «...Под сырой землей» (2014). Как этот опыт повлиял на него?

— Тут я ясно убедился, что плохие времена могут либо сломить человека на всю жизнь, либо, как говорится, сделать его сильнее. Они научили Корнела прощать и не тащить на себе долгие годы весь груз проблем. Что вообще-то чрезвычайно сложно и не каждому удается.

— Однажды я как журналист газеты «SME» попросила Корнела Фёлдвари ответить на несколько вопросов и позже принесла ему тест для согласования, а обратно получила его по факсу с рукописными пометками — с зачеркиваниями и почти неразборчивыми замечаниями. Мне потребовалось связаться с ним по телефону, потому что я совершенно не могла ничего понять. Факс мы тогда уже в редакции почти не использовали, так что в секретариате это вызвало много суеты. Как он относился к современной технике?

— Периодически мы разговаривали с ним о том, как было бы хорошо, если бы он работал на компьютере, но у Корнела была типичная боязнь того, что случайным нажатием одной кнопки он может вдруг стереть весь текст. Более того, он любил сохранять все версии текста, и лучше воспринимал текст с бумажного листа. Поэтому его выбор естественным образом остановился на печатной машинке, на которой он работал одним пальцем.

— У меня осталось еще одно милое воспоминание из Кремницы, куда мы с семьей отправились отдыхать однажды летом, не подумав о том, что именно тогда там проходят знаменитые «Кремницкие гэгги» и туда перемещается почти вся братиславская литературная компания, естественно, включая Корнела Фёлдвари, Томаша Яновица и Багалу. Тогда мы посидели с ним на открытой террасе одного из кафе на променаде, светило солнце и мы были рады нашей случайной встрече в неожиданном месте. Он регулярно ездил на этот фестиваль?

— Корнел много писал о юморе и, прежде всего, о карикатуре, поэтому на «Гэггах» он всегда был почетным гостем. А он любил эту атмосферу и встречи с друзьями.

— Что тебе как человеку дали ваши с ним встречи? Чему ты у него научился?

— Что к миру нужно относиться спокойнее и не спешить, что не нужно страдать по поводу всякой ерунды. Этому я все еще учусь. И что иронии нужно направлять и на себя самого тоже.

— Когда вы виделись в последний раз?

– Это была одна из наших обычных встреч в «Артфоруме», до этого мы встречались в книжном магазине «Ex Libris» — Корнел, я, Томаш Яновиц, Марта Шатекова, Павел Виликовский, Мартин Циел, Петер Смекал, иногда

еще кто-то из нашего круга, кто проходил мимо. Ничто не предвещало того, что я вижу Корнела в последний раз, его уход был очень стремительным — прямой противоположностью нашему обычному долгому расставанию.

Перевод Анны Песковой

НА ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА

Заседание Общества 15 мая 2018 г.

В Словацком институте в Москве 15 мая 2018 г. состоялось очередное заседание Общества Людовита Штура.

По традиции, открывая заседание, директор Словацкого института в Москве, советник по культуре Ян Шмигула представил присутствующим членам Общества гостей из Словакии — директора Музея Людовита Штура в Модре Веру Янчовичову и представителя регионального телевидения в Модре Зузану Гиллову.

Поблагодарив профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, председателя Общества Людовита Штура А.Г. Машкову за большую работу по популяризации словацкой культуры и литературы, Ян Шмигула вручил ей Диплом «За отличное сотрудничество при представлении словацкого искусства и культуры в Российской Федерации».

Повестка дня седьмого заседания Общества включала:

— презентацию нового номера альманаха «Девин» (№1(6), 2018 г.);

— презентацию новой монографии А.Г. Машковой «Пути развития словацкой литературы XIX в. — начала XXI в.»;

— презентацию русского издания романа В. Минача «Производитель счастья» (в переводе Н. Шведовой);

— встречу с директором Музея Людовита Штура в Модре Верой Янчовичовой и представителем регионального телевидения в Модре Зузаной Гилловой.

Председатель Общества Людовита Штура подробно рассказала о содержании нового номера «Девина», отметив, что, оставаясь верным своей традиции, альманах сохраняет рубрики предыдущих номеров. Она также указала, что в состав редакционной коллегии журнала, наряду с Л. Широковой и Е. Майоровой, вошел М. Браксаторис (к. филол. н., Словакия), а рецензентами альманаха стали к. филол. н. Т. Врблова (Институт словацкой литературы САН, Словакия) и к. филол. н. В. Князькова (Санкт-Петербургский университет, Россия).

В ходе презентации своей новой монографии профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.Г. Машкова рассказала, что в книге представлены главы из истории словацкой литературы XIX в. — начала XXI в., словацко-русских литературных связей, а также общеславянская проблематика. Специальные разделы посвящены литературной ситуации в Словакии после 1918 г. и «нежной» революции 1989 г., теме Первой мировой войны, военной прозе второй половины 40-х годов XX века, образу России в литературе Словакии, исторической прозе, «литературе факта» и др. В книге представлены творческие портреты П.Й. Шафарика, Л. Штура, Св. Гурбан-Ваянского, М. Кукучина, Я. Есенского, Й. Цигера-Гронского, Л. Надаши-Еге, М. Фигули, Я. Ленчо, П. Виликовского, П. Ранкова, Л. Зрубеца, С. Ракуса

и др. Часть глав была опубликована в российских (МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН, Институт мировой литературы РАН) и зарубежных изданиях в 1996–2017 гг., часть глав была написана специально для данной книги.

Презентацию русского издания романа В. Минача «Производитель счастья» провела поэтесса, переводчица и литературовед Наталья Шведова. Присутствующие члены Общества с огромным вниманием прослушали сообщение известного литературоведа.

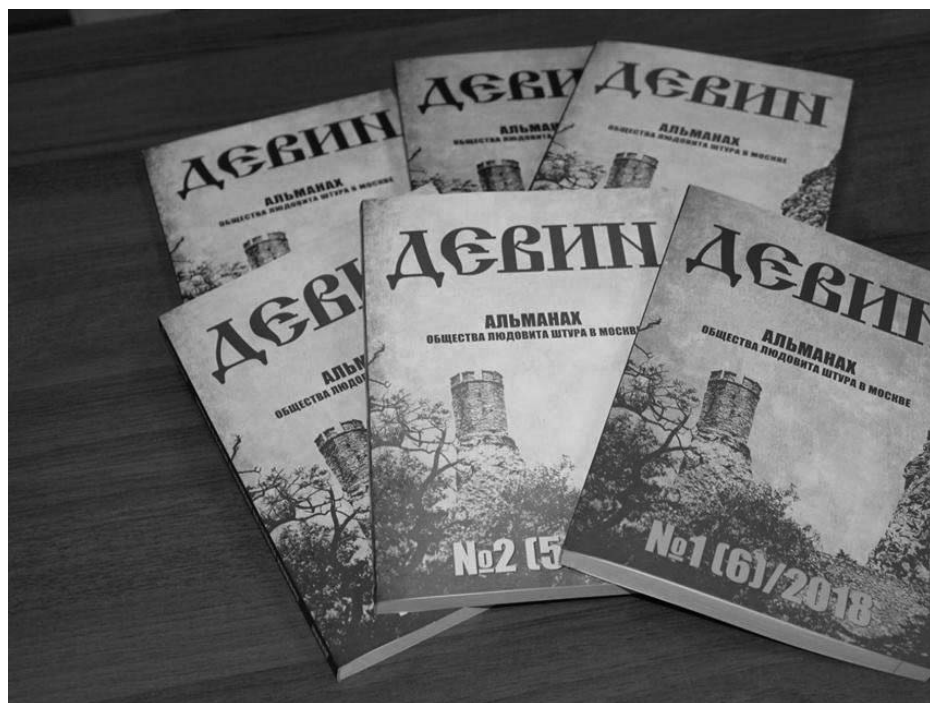

Участники заседания Общества Людовита Штура.

Большой интерес участников заседания Общества Л. Штура вызвала презентация директора Музея Людовита Штура в Модре Веры Янчовичовой. Она подробно рассказала об истории и современной деятельности музея, в котором находится 20 тыс. книг и 6 тыс. экспонатов коллекции.

Директор Словацкого института в Москве, советник по культуре Ян Шмигула вручил Диплом председателю Общества Людовита Штура, профессору МГУ имени М.В. Ломоносова Алле Германовне Машиковой.

Все шесть выпусков альманаха «Девин».

О НАС ПИШУТ

Slovenský inštitút v Moskve

V Slovenskom inštitúte v Moskve sa stretla Spoločnosť L. Štúra

16.5.2018

Na svojom siedmom zasadaní sa zišla v utorok (15. mája 2018) Spoločnosť Ľudovíta Štúra, ktorá pôsobí pri Slovenskom inštitúte v Moskve (SI). Jej členovia a sympatizanti pozývajú medzi seba vždy zaujímavých ľudí. Preto mohol tentoraz riaditeľ SI Ján Šmihula privítať riaditeľku Múzea Ľudovíta Štúra v Modre Vieru Jančovičovú.

Predsedníčka Spoločnosti L. Štúra profesorka Alla Mašková prítomných oboznámila s najnovším — v poradí 6. vydaním almanachu Devín. Na vyše 200 stranách prináša mnoho zaujímavých článkov, úryvkov z románov, básní i ďalších zaujímavostí s cieľom čitateľa obohatiť a poučiť, rozptýliť aj pobaviť. Popri pravidelných rubrikách “Tvorba L. Štúra”, “L. Štúr v spomienkach svojich súčasníkov”, “Naši súčasníci o L. Štúrovi” si môžete v almanachu prečítať úryvok z románu Dominika Dána “Žiješ iba dvakrát” v preklade Ally Maškovej, alebo zaspomínať na prozaika Martina Kukučína (od jeho úmrtia uplynie 21. mája 90 rokov), básnika Milana Rúfusa (v decembri si pripomenieme 90 rokov jeho narodenia) a básnika Jána Smreka (rovnako v decembri si pripomenieme 120 rokov jeho narodenia). Profesorka A. Mašková potom priblížila svoju monografiu “Cesty rozvoja slovenskej prózy od 19. do začiatku 21. storočia” a Natália Švedova predstavila román Vladimíra Mináča “Výrobca šťastia”, ktorý vyšiel tento rok v jej preklade.

Živý záujem účastníkov zasadania Spoločnosti L. Štúra vyvolala prezentácia riaditeľky Múzea L. Štúra v Modre Vieri Jančovičovej. Podrobne priblížila históriu i súčasnosť múzea v ktorom sa nachádza 20-tisíc kníh a 6-tisíc zbierkových predmetov, medzi nimi aj také originálne ako napríklad pramienky vlasov L. Štúra.

Predsedníčka Spoločnosti Ľudovíta Štúra Alla Mašková si prevzala na zasadaní “Čestný diplom”, ktorý jej odovzdal riaditeľ SI J. Šmihula. Pri odovzdávaní podčiarkol, že je ocenením nielen jej práce v Spoločnosti L. Štúra, ale aj ocenením jej mimoriadne zásluhnej činnosti a nasadenia, s ktorým už niekoľko desiatok rokov prispieva k upevňovaniu kultúrnych vzťahov medzi našimi krajinami.

Literárne Informačné Centrum

Informácie zo súčasnej slovenskej literatúry

www.navstevnik.sk

Fórum slovanských kultúr

Nová kniha o slovenskej literatúre

(14. 05. 2018)

V Moskve vyšla vedecká monografia poprednej ruskej literárnovednej slovakistiky Ally Germanovny Maškovej *Puti razvitija slovackoj literatury XIX — načala XXI veka* (Cesty rozvoja slovenskej literatúry 19. — začiatku 20. storočia, Naučno-izdatelskij centr INFRA-M, 289 strán). Kniha prináša kapitoly z dejín slovenskej literatúry 19. až 21. storočia, slovensko-ruských literárnych vzťahov a zo všeslovanskej problematiky. Osobitnú pozornosť autorka venuje literárnej situácii na Slovensku po roku 1918 a po roku 1989, obrazu Ruska v slovenskej literatúre konca 19. a začiatku 20. storočia, slovenskej recepcii M. J. Lermontova a S. Jesenina, téme prvej svetovej vojny v slovenskej próze 20. storočia, naturizmu, téme vojny v próze druhej polovice štyridsiatych rokov 20. storočia, historickej próze a literatúre faktu. Súčasťou monografie sú štúdie o tvorbe P. J. Šafárika, L. Štúra, S. Hurbana Vajanského, M. Kukučina, J. Jesenského, L. Nádašiho Jégého, J. Cígera Hronského, M. Urbana, P. Jilemnického, M. Figuly, J. Lenča, P. Vilikovského, S. Rakúsa, P. Rankova, J. Tužinského a L. Zrubca. Alla Maškova je profesorkou na Lomonosovovej univerzite v Moskve, predsedníčkou moskovskej Spoločnosti Ľudovíta Štúra a šéfredaktorkou almanachu *Devín*, zameraného na šírenie slovenskej literatúry a kultúry v Rusku. V poslednom období je hlavným agensom ruskej slovakistiky. Maškovej nová kniha je výsledkom jej dlhodobého záujmu o slovenskú literatúru a syntézou jej slovakistických výskumov.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г.

2(7)/2018

Главный редактор: *А. Машкова*

Редакционная коллегия: *Л. Широкова, Е. Майорова, М. Браксаторис*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Т. Вrabлова*

(Институт словацкой литературы САН. Словакия);

кандидат филологических наук *В. Князькова*

(Санкт-Петербургский государственный университет. Россия)

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 2 (7).**
М.: МИК, 2018. — 204 с.

УДК 811.16

ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-388-6

© Общество Людовита Штура в Москве, 2018

Сдано в набор 25.10.2018. Подписано в печать 05.11.2018.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 200 экз.

Издательство «МИК».
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Лицензия на издательскую деятельность
№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-388-6

9 785879 023886 >